

ISSN 3034-1396 (print)

ISSN 3034-1388 (online)

Сергей Енин

Пётр Иванов

Максим Котельников

Софья Лопатко

Дмитрий Rogozin

Павел Степанцов

Дарья Талакаускас

Александр Филиппов

Елизавета Чашева

Артём Шобырев

ПУТИ РОССИИ

Научно-практический журнал
социальных и этнографических
исследований

Том 4 №3

2026

Пути России

Том 4

№ 3

2026

Научно-практический журнал социальных
и этнографических исследований

Пути России

Научно-практический журнал
социальных и этнографических
исследований

Том 4 № 3 2026

ISSN 3034-1388 (online)

ISSN 3034-1396 (print)

www.jrsre.ru

Издается с 1993 года. В 1993–2003 гг. выходил ежегодный альманах под заглавием «Куда идет Россия?» С 2004 по 2021 гг. ежегодный альманах под заглавием «Пути России». До 2021 года включительно все выпуски выходили в печатном виде. В 2023 году вышло в свет два пилотных номера. С 2024 года журнал выходит один раз в квартал в электронном и печатном виде.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер: ЭЛ № ФС77-86371 от 27.11.2023

УЧРЕДИТЕЛЬ

ОАНО «Московская высшая школа
социальных и экономических наук»

АДРЕС РЕДАКЦИИ

125009 г. Москва, Газетный пер.,
д. 3-5, стр. 1

Позиция редакции может
не совпадать с мнением авторов.

Опубликованные в журнале материалы
распространяются свободно.
Ссылка на журнал при перепечатке
и цитировании материалов
обязательна.

Редакторы-составители: Максим Мальков,
Ирина Дуденкова

Редактор: Катя Наумова

Секретарь: Максим Григоренко, МВШСЭН

Дизайн: Максим Григоренко

Обложка: Иоанна Дуденкова

Главный редактор:

Ирина Дуденкова, канд. филос. наук, МВШСЭН, Москва.

Заместители главного редактора:

Дмитрий Рогозин, канд. социол. наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, РАНХиГС, Москва,

Александр Никулин, канд. экон. наук, МВШСЭН, РАНХиГС, Москва.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Роман Бумагин, канд. социол. наук, Фонд «Общественное мнение», Москва,

Анастасия Гачева, докт. филол. наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва,

Артём Земцов, канд. полит. наук, НИУ ВШЭ,

Анна Ипатова, канд. культурологии, независимый исследователь,

Ольга Карпова, МВШСЭН, Москва,

Никита Петров, канд. филол. наук, МВШСЭН, РАНХиГС, Москва,

Ольга Солодовникова, канд. филол. наук, РАНХиГС, Москва,

Александр Сувалко, НИУ ВШЭ, Москва,

Андрей Тесля, канд. филос. наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград,

Александр Фокин, канд. историч. наук, МВШСЭН, Сечевский университет, Москва,

Татьяна Черкашина, канд. социол. наук, Новосибирский гос. ун-т, ИЭОПП СО РАН, Новосибирск.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Роман Абрамов, д-р социол. наук, НИУ ВШЭ, Москва,

Светлана Барсукова, д-р социол. наук, НИУ ВШЭ, Москва,

Татьяна Богомолова, канд. социол. наук, Новосибирский гос. ун-т,

Леонид Бляхер, д-р филос. наук, Тихоокеанский гос. ун-т, Хабаровск,

Сергей Зуев, канд. искусствоведения, МВШСЭН, Москва,

Марина Карцева, канд. эконом. наук, РАНХиГС, Москва,

Гульнара Краснова, д-р филос. наук, РАНХиГС, Москва,

Виталий Куренной, канд. филос. наук, НИУ ВШЭ, Москва,

Татьяна Малева, канд. эконом. наук, РАНХиГС, Москва,

Штефан Мерль, д-р философии, Ун-т Билефельд, Германия,

Ольга Моляренко, канд. социол. наук, Фонд Хамовники, НИУ ВШЭ, Москва,

Сергей Мохов, канд. социол. наук, Ливерпульский ун-т Дж. Мурса, Великобритания,

Юрий Плюсин, д-р филос. наук, НИУ ВШЭ, Москва,

Вадим Радаев, д-р эконом. наук, НИУ ВШЭ, Москва,

Мария Сигова, д-р эконом. наук, МВШСЭН, Москва,

Денис Стребков, канд. социол. наук, НИУ ВШЭ, Москва,

Ирина Тартаковская, канд. социол. наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва,

Ирина Троцук, д-р социол. наук, РУДН, Москва,

Валерий Фёдоров, канд. полит. наук, ВЦИОМ, Москва.

Russia's Directions

The Journal of Russian
Social Research and Ethnography

Vol 4 No3 2026

ISSN 3034-1388 (online)

ISSN 3034-1396 (print)

www.jrsre.ru

Published since 1993.

Frequency — four issues per year.

ESTABLISHER

The Moscow school of social
and economic sciences

ADDRESS

3-5 Gazetny Lane, bld. 1, Moscow,
125009

@RUSSIANWAYS

Editors-compilers: Maxim Malkov,
Irina Dudenkova

Editor: Katia Naumova

Secretary: Maxim Grigorenko, MSSES

Design: Maxim Grigorenko

Cover art: Ioanna Dudenkova

Editor-in-chief:

Irina Dudenkova, Cand. Sc. (Philosophy), MSSES, Moscow.

Deputy editors-in-chief:

Dmitry Rogozin, Cand. Sc. (Sociology), ISRAS, RANEPa, Moscow,

Aleksandr Nikulin, Cand. Sc. (Economics), MSSES, RANEPa,
Moscow.

EDITORIAL BOARD

Roman Bumagin, Cand. Sc. (Sociology), FOM (Public Opinion
Foundation), Moscow,

Tatyana Cherkashina, Cand. Sc. (Sociology), IEIE SB RAS,
Novosibirsk State University,

Aleksandr Fokin, Cand. Sc. (History), MSSES, Sechenov
University, Moscow,

Anastasiya Gacheva, D. Sc. (Philology), IWL RAS, Moscow,

Anna Ipatova, Cand. Sc. (Culturology), independent scientist,

Ol'ga Karpova, MSSES, Moscow,

Nikita Petrov, Cand. Sc. (Philology), MSSES, RANEPa, Moscow,

Ol'ga Solodovnikova, Cand. Sc. (Philology), RANEPa, Moscow,

Aleksandr Suvalko, HSE University, Moscow,

Andrej Teslya, Cand. Sc. (Philosophy), Immanuel Kant Baltic
Federal University, Kaliningrad,

Artyom Zemtsov, Cand. Sc. (Politics), HSE University, Moscow.

EDITORIAL COUNCIL

Roman Abramov, D. Sc. (Sociology), HSE University, Moscow,
Svetlana Barsukova, D. Sc. (Sociology), HSE University, Moscow,
Tatyana Bogomolova, Cand. Sc. (Sociology), Novosibirsk State
University,

Leonid Blyaher, D. Sc. (Philosophy), Pacific National University,
Khabarovsk,

Valerij Fyodorov, Cand. Sc. (Politics), VCIOM (Russian Public
Opinion Research Center), Moscow,

Marina Karceva, Cand. Sc. (Economics), RANEPa, Moscow,

Gul'nara Krasnova, D. Sc. (Philosophy), RANEPa, Moscow,

Vitalij Kurennoj, Cand. Sc. (Philosophy), HSE University, Moscow,

Tat'yana Maleva, Cand. Sc. (Economics), RANEPa, Moscow,

Stepfan Merl, Prof. Dr. Dr. h. C. mult., Bielefeld University, BRD,

Ol'ga Molyarenko, Cand. Sc. (Sociology), Fund of support of social
researches «Hamovniki», HSE University, Moscow,

Sergej Mohov, Cand. Sc. (Sociology), Liverpool John Moores
University, UK,

Yurij Plyusnin, D. Sc. (Philosophy), HSE University, Moscow,

Vadim Radaev, D. Sc. (Economics), HSE University, Moscow,

Mariya Sigova, D. Sc. (Economics), MSSES, Moscow,

Denis Strebkov, Cand. Sc. (Sociology), HSE University, Moscow,

Irina Tartakovskaya, Cand. Sc. (Sociology), ISRAS, Moscow,

Irina Trotsuk, D. Sc. (Sociology), PFUR, Moscow,

Sergej Zuev, Cand. Sc. (Art Criticism), MSSES, Moscow.

Содержание

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

С. В. Енин	Метод контент-анализа в первой половине XX века	9
Д. С. Талакаускас	ИИ на рабочем месте: современное состояние исследований в социальных науках	44

ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ

Д. М. Rogozin	Жизнь рядом, или как социологи изучают животных Введение в рубрику	69
М. П. Котельников	Соприсутствие без коммуникации: тактики избегания речевого взаимодействия с собачниками во время выгула собаки	80
Е. О. Чащевая	Между инструментом и жертвой: лабораторное животное в биомедицинском дискурсе	96
С. А. Лопатко, П. В. Иванов	Исследование 404: что мы узнали о себе, науке и антрозоологической методологии, изучая релокантов	115

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

А. Ф. Филиппов	Фундаментальная социология как исследовательский проект Паблик-ток с Павлом Степанцовым	135
А. А. Шобырев	Прагматические режимы sense-building'a социологов. Опыты экзистенциальной социологии	168

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, РЕФЕРАТЫ

<i>Л. А. Овчинцева</i>	Казенин, К., Стародубровская, И. Между традицией и модерном. Жизнь северокавказских сельских сообществ в постсоветское время. М: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; Common Place, 2025	203
<i>В. И. Бесхмельницына</i>	Герц, Н. Парадокс одиночества. Глобальное исследование нарастающей разобщенности человечества и ее последствий. М.: Эксмо, 2024	206
<i>Д. Р. Давлетов</i>	Маццукато, М. Рента в цифровую эпоху. Пер. с англ. А. Резвова. М.: Издательство Института Гайдара, 2026	210

Contents

METHODOLOGY AND METHODS OF SOCIAL RESEARCH

<i>S. Enin</i>	Content Analysis in the First Half of the Twentieth Century	9
<i>D. Talakauskas</i>	AI in the Workplace: The Current State of Research in the Social Sciences	44

RESEARCH ON HUMAN-ANIMAL INTERACTION

<i>D. Rogozin</i>	In the world of animals An introduction to the category	69
<i>M. Kotelnikov</i>	Co-presence without communication: tactics for avoiding verbal interaction with dog owners while walking your dog	80
<i>E. Chashchevaya</i>	Between Instrument and Victim: The Laboratory Animal in Biomedical Discourse	96
<i>S. Lopatko, P. Ivanov</i>	Research 404: What Have We Learned About Ourselves, Science, and Anthrozoological Methodology by Studying Relocants	115

SOCIOLOGY OF SCIENCE

<i>A. Filippov</i>	Fundamental sociology as a research project. Public talk with Pavel Stepanstov	135
<i>A. Shobyrev</i>	Pragmatic regimes of sociologists' sense-building. Experiments in existential sociology	168

BOOK REVIEWS, OVERVIEWS, ABSTRACTS

<i>L. Ovchintseva</i>	Kazenin, K., Starodubrovskaya, I. Between Tradition and Modernity. Life of North Caucasian Rural Communities in the Post-Soviet Era. Moscow: Khamovniki Foundation for Support of Social Research; Common Place, 2025	203
<i>V. Beskhmel'nitsyna</i>	Hertz, N. The Loneliness Paradox: A Global Study of Humanity's Growing Disconnection and Its Consequences. Moscow: Eksmo, 2024	206
<i>D. Davletov</i>	Mazzucato, M. Rent in the Digital Age. Moscow: Gaidar Institute Press, 2026	210

The page features a minimalist design with two large, solid yellow geometric shapes. One shape is a downward-pointing triangle at the top, and the other is an upward-pointing triangle at the bottom. The central area of the page is white and contains the title text.

Методология и методика социальных исследований

С. В. Енин

Метод контент-анализа в первой половине XX века

Сергей Владимирович Енин — магистр социологии. **Электронная почта:** svy138o@gmail.com.

Аннотация: В работе прослеживается история формирования метода контент-анализа в социальных науках, начиная с его истоков в конце XIX века и заканчивая первым десятилетием после окончания Второй мировой войны. Автор анализирует, как под влиянием экстернатальных факторов — развитие и распространение СМИ, появление государственной пропаганды и военных задач — менялся инструментарий метода. Особое внимание уделяется вкладу ключевых фигур, таких, как Гарольд Лассуэлл и Ханс Шпайер, а также деятельности специализированных исследовательских центров под их руководством в США в период Второй мировой войны. В статье подробно рассматриваются различные реализации метода с целью выявления пропаганды, анализа её содержания и прогнозирования действий противника на основе её анализа.

Ключевые слова: контент-анализ, история метода, пропаганда, средства массовой информации, Гарольд Лассуэлл, Ханс Шпайер, Вторая мировая война

Для цитирования: Енин, С. В. Метод контент-анализа в первой половине XX века // Пути России. 2026. Т. 4. № 3. С. 9–43.

Введение

В середине XVIII века в Швеции происходили события, связанные с противостоянием официальной лютеранской церкви влиянию пие-тизма. Третьей стороной в этом конфликте стала Моравская церковь. Первоначально официальная Шведская церковь рассматривала моравское движение как потенциального союзника в возвращении паствы, подпавшей под пие-тистское влияние. В центре церковной борьбы оказался сборник из 90 церковных гимнов под названием «Песни Сиона».

В 1743 году в надзорные органы поступило прошение об издании сборника. Государственный цензор не обнаружил в гимнах ничего предосудительного и разрешил публикацию, основываясь на факте имевшего место рукописного распространения сборника. Однако к 1744 году, когда поступил запрос на второе издание сборника, официальная церковь Швеции была обеспокоена негативным по её мнению влиянием «Песен Сиона». Моравское движение оказалось не желанным союзником, а противником. Впоследствии оно было объявлено «заразой», а сборник гимнов — источником заразы.

Интересными оказываются аргументы, высказывавшиеся сторонами конфликта в развернувшейся публичной полемике относительно сборника. Анализировалось содержание моравской доктрины, подсчитывалось количество упоминаемых религиозных символов в собрании гимнов, рассматривались их положительная и отрицательная окраска, общий контекст употребления, гимны сопоставлялись с другими религиозными текстами [Dovring, 1954].

Этот исторический случай демонстрирует, что участникам конфликта пришлось столкнуться со многими методологическими проблемами, характерными для современного контент-анализа, включая выбор между интерпретацией и подсчётом, выделение ключевых символов, определение релевантного контекста, установление позитивной и негативной тональности и т.д.¹. Одновременно этот случай в миниатюре отражает взаимосвязь внешних институциональных факторов — печати, надзорных органов и пропаганды — которые оказали формирующее воздействие на развитие метода контент-анализа.

Данная работа призвана продемонстрировать, как сочетание внешних факторов — стремительное развитие СМИ (в первую очередь печати), возрастающая роль государственной пропаганды и участие учёных в решении различных государственных задач США, связанных с пропагандой других стран в период Второй мировой

¹ Список этих проблем можно сравнить с применением теории общей ошибки к контент-анализу [Lavrakas, 2013, с. 844–846].

войны — повлияло на формирование и трансформацию метода контент-анализа в первой половине XX века.

Разные исследовательские ситуации и цели приводили к тому, что в конкретных случаях методы исследования, впоследствии объединённые термином контент-анализ, принимали различные формы. Таким образом в рамках данной работы предлагается понимать контент-анализ максимально широко, как «исследовательскую технику, предназначенную для получения воспроизводимых и обоснованных выводов из текстов (или другого материала) о контекстах их использования» [Krippendorff, 2019, p. 24].

«Новая журналистика» и исследования газет

В последней четверти XIX века в США благодаря техническим усовершенствованиям в полиграфической отрасли произошёл экспоненциальный рост производства газет, выразившийся как в увеличении общего числа изданий, так и в значительном расширении их тиражей [R. Kaplan, 1995; Nord, 1992; Smythe, 2003]. Количественный рост печатной прессы повлиял на содержание материалов, публикуемых в газетах, и на формирование так называемой «новой журналистики», ассоциировавшейся с именами Джозефа Пулитцера и Уильяма Рэндольфа Херста [Marzolf, 1991; Schudson, 1978]. Осознание возрастающей роли прессы на рубеже XIX и XX веков стимулировало проведение ряда исследований, посвящённых анализу содержания газет. Первоначально эти изыскания проводились журналистами, а впоследствии — социальными учёными. Исследования, реализуемые в контексте американского прогрессивизма того периода, характеризовались нормативным подходом к прессе и акцентом на её функции в обществе.

Считается, что первым метод контент-анализа к газетным текстам применил Джон Гилмер Спид в 1893 году [Berelson, 1952; Fenton, 1910; Krippendorff, 2019]. Бывший редактор «Нью-Йорк Уорлд» вступил в уже шедшую дискуссию о «новой журналистике». Спид, критиковавший её за чрезмерный уклон в сенсации и сплетни, решил провести исследование, чтобы наглядно показать негативные изменения [Sumpter, 2001]. До него споры на эту тему носили преимущественно риторический характер. Спид же решил подкрепить свои аргументы цифрами. Точно не известно, что подтолкнуло его к этому. Возможно, роль сыграло инженерное образование Спида, а возможно — увлечение поэзией, благодаря которому он мог познакомиться с использованием контент-анализа в филологии [Sherman, 1893].

В своём исследовании Спид отмечал, что удешевление периодических изданий напрямую отразилось на их содержательном

наполнении. К началу 1880-х годов редакторы обнаружили, что простое снижение цены больше не обеспечивает рост тиражей, и начали делать ставку на публикацию сенсационных материалов. Спид полагал, что подобный контент оказывает негативное влияние на аудиторию, и, хотя он не приводил доводов о существовании этой связи, считая её самоочевидной, его основной целью было зафиксировать изменение прессы.

Для этого исследователь провёл сравнительный анализ выпусков четырёх ежедневных газет за конкретные даты в 1881 и 1893 годах. Он распределил содержание по тринадцати категориям, среди которых были политика, наука, спорт, искусство, скандалы, сплетни и т.д. При этом Спид не представил обоснования своей классификации, не дал детального описания характеристик каждой рубрики и не уточнил, учитывались ли при анализе заголовки и иллюстрации. Единицей счёта выступал газетный столбец, несмотря на то что их количество варьировалось как в разных изданиях, так и в выпусках одной и той же газеты разных лет. Полученные результаты позволяли Спиду говорить, что за 12 лет произошёл существенный рост объёма газет за счёт увеличения числа публикуемых сплетен и скандалов. Он заключал, что это приводит к двум негативным последствиям: во-первых, читатели лишаются доступа к действительно полезным новостям, а во-вторых, они получают примеры нежелательного поведения.

В академической среде первым примером применения метода для анализа содержания газет можно считать исследование Делоса Ф. Уилкокса [Wilcox, 1900]. В основу его работы лёг парадокс, связанный с газетами: при глубоком скептицизме аудитории относительно беспристрастности и компетентности прессы, она остаётся незаменимым источником информации. Уилкоккс рассматривал газеты как средство контроля над государством посредством авторитета фактов, однако отмечал, что актуальное состояние прессы приводит к ряду нежелательных последствий. К ним относились: трата времени и усилий на чтение второстепенных новостей или поспешных, необоснованных мнений; разжигание предубеждений и страстей из-за политической ангажированности или коммерческих интересов издателей; формирование привычки к лёгкому чтиву и, как следствие, отказ от вдумчивого чтения книг. Для демонстрации существующих опасностей Уилкоккс разработал и подробно описал классификацию газетных материалов, включающую пять категорий и восемнадцать подкатегорий. Далее он проанализировал содержание около 150 газет, выпущенных примерно в один день, а также две недельные подшивки двух крупных изданий. В исследовании подсчитывалось количество газетных столбцов (с делением вплоть до двадцатой части столбца), посвящённых той или иной категории содержания. Абсолютные показатели пересчитывались в процентные отношения к общему объёму газеты. Многочисленная описательная статистика — диффе-

ренциация газет по региону издания, тиражу, партийным предпочтениям и характеру («жёлтая» или «консервативная») — была призвана наглядно показать положение дел. В финальной части работы Уилкоккс предложил свой проект реорганизации прессы, направленный на восстановление её общественной функции.

Контент-анализ был использован в исследовании Фрэнсис Фентон, изучавшем взаимосвязь между газетными материалами и ростом антисоциального и преступного поведения [Fenton, 1910, 1911]. Основная гипотеза исследовательницы заключалась в том, что определённое освещение новостей, связанных с девиантным или криминальным поведением, может внушить это поведение читателям. Обзор предшествовавших исследований газет позволил Фентон сделать ряд методологических замечаний [Fenton, 1910]. Во-первых, отсутствие обоснования связи между содержанием газет и поведением читателей. Во-вторых, разработанные рубрики для газетных материалов могут оказаться нечувствительными к исследовательской проблематике. Так, в контексте исследования Фентон литературная рецензия может оказаться, по своей сути, антисоциальной, так как она привлекает внимание к книге, которая содержит в себе описания антисоциального поведения. В-третьих, часто для основы измерений использовалась не единообразная единица, а отдельные элементы. Например, число упоминаний не даёт точного представления об относительном объёме места, уделяемого той или иной теме.

Для того чтобы показать связь между газетными статьями и поведением читателей, Фентон, опираясь на данные психологии, разработала концепцию психологического внушения. Для её подкрепления исследовательница использовала данные интервью и почтового опроса, а также анализ материалов судебных процессов. Согласно позиции Фентон, газетная статья могла внушить антисоциальное или криминальное поведение двумя путями: либо выступая в качестве наглядного примера, либо актуализируя предрасположенность к подобным действиям.

В свою очередь, контент-анализ служил для оценки масштаба потенциально опасного газетного материала. Фентон разработала классификацию для газетных статей из семи категорий. Было выделено три степени интенсивности внушения — от краткой констатации происшествия до детального описания преступления [Fenton, 1911]. В каждой статье той или иной рубрики фиксировались фрагменты, способные внушить антисоциальное поведение, а их объём измерялся в дюймах. Для анализа Фентон использовала выпуски ежедневных газет за три даты, которые смогла предоставить Чикагская публичная библиотека. Материалы были дополнены недельной и месячной подшивкой шести газет Чикаго, Нью-Йорка, Денвера, отобранных из-за их популярности и больших тиражей.

Итоговые выводы, связанные с применением в исследовании контент-анализа, показывали, что: во-первых, более 8% газетного

материала подлежит исключению; во-вторых, если на редакционные колонки и возлагалась задача конструктивной и компенсаторной задачи антисоциальных происшествий, то они с ней не справлялись.

Примечательна статья Алвана А. Теннея [Tenney, 2009]. Как и предшествующим работам, ей свойственно нормативное представление о прессе, которая должна участвовать в формировании разумного общества граждан. С методологической точки зрения она также затрагивает вопросы отбора прессы для исследования, выделения категорий классификации, определение элемента измерения. Вместе с тем стоит выделить два важных момента. Во-первых, в исследовании Теннея изучались и сравнивались газеты, издававшиеся не только на английском, но и на итальянском и немецком языках, а также на идише. Во-вторых, представляет интерес призыв учёного к проведению масштабного и непрерывного мониторинга прессы. Такой подход позволил бы чётко установить связь между газетными публикациями и поведением читателей. Результатом должны были стать сводки «социальной погоды», сопоставимые по своей точности со статистикой Бюро погоды США [Tenney, 2009, p. 19]. Отметим, что в 1910 году на первом съезде Немецкого социологического общества Макс Вебер выдвинул схожее предложение об исследовании мировой прессы [Weber, 1976]. Вебер предполагал этим исследованием ответить на ряд вопросов: какова роль прессы в современном обществе; как изменилось содержание газет за последнее время; каким образом создаётся газетная статья, кто её пишет, что именно и почему; как публикации влияют на читателей и т. д.

Монография Малькольма М. Уилли *The country newspaper* стала своеобразной кульминацией ранних исследований газет [Willey, 1926]. Уилли рассматривал «сельскую» газету как ключевого агента социализации. По его мнению, она должна была выполнять две основные функции: во-первых, репрезентировать местное сообщество для самого себя, и, во-вторых, объяснять значение национальных или мировых новостей для этого сообщества, тем самым интегрируя его в общенациональный и глобальный контекст.

С целью оценить, как «сельские» газеты выполняют эти задачи, Уилли провел контент-анализ 35 еженедельных газет штата Коннектикут, описав критерии выбора газет. Он разработал детализированную классификацию газетных статей, включающую 10 категорий и 49 подкатегорий, которая воспроизводилась в последующих исследованиях [Simpson, 1931; Taeuber, 1932; Walker, 1930]. Помимо этого, Уилли разделял тематику публикаций на локальную и нелокальную, а также сами публикации на написанные сотрудниками газеты или предоставленные внешними источниками (для перепечатки). Исследование охватывало годичный период, анализируя материалы каждого второго месяца, причём четыре последовательных выпуска газеты объединялись в одну единицу исследования. Измерялась длина

публикаций. Выводы Уилли показали, что сельские газеты справлялись со своей задачей социализации не на должном уровне. Например, местных новостей было недостаточно — Уилли полагал, что таковым должно было быть отведено более половины пространства газеты. Также не было уделено должное внимание социально значимым новостям.

Таким образом, бурный рост газетной индустрии на рубеже XIX–XX веков, вызванный техническими усовершенствованиями в печатном деле, и появление «новой журналистики» стали факторами возникновения исследовательского интереса к прессе и её содержанию. Можно сказать, что исследовательскому интересу подспудно сопутствовали два вопроса: что считать новостью и какими должны быть отношения между газетами и их читателями? Необходимость показать сенсационный характер «новой журналистики» продиктовала переход от риторических аргументов к фиксации количественных показателей, характеризующих содержание газет. Общими чертами ранних работ стали: нормативный подход к прессе и составление обширных статистических данных. Исследователи сталкивались с общими проблемами разработки классификации газетных публикаций, выбора единиц исследования и измерения. Однако ряд ключевых вопросов, актуальных для учёных, использующих контент-анализ, в тот период оставался без должного внимания и обоснования. Это касалось формирования выборки газет; процесс классификации воспринимался как самоочевидный и не требующий пояснений; практически не учитывались иллюстрации и заголовки; зачастую не ставились под сомнение как само наличие, так и характер связи между содержанием газет и поведением читателей. Далее будет рассмотрено, как ключевая роль прессы в распространении государственной пропаганды в период Первой мировой войны стимулировала научный интерес к изучению феномена пропаганды, в том числе с помощью контент-анализа.

Межвоенные исследования пропаганды

Опыт Первой мировой войны стал поворотным моментом в изучении феномена пропаганды. Характер конфликта потребовал беспрецедентной мобилизации не только материальных, но и символических ресурсов, то есть масштабного применения пропаганды. Хотя пропаганда применялась до XX века — для легитимации власти, религиозного просвещения, революций или дискредитации врага, — именно опыт 1914–1918 годов дал понимание, что технологии массового убеждения стали неотъемлемым атрибутом современности.

Масштабное использование этих инструментов всеми сторонами конфликта показало зависимость военных усилий от информационных компаний. В то же время граждане впервые столкнулись с очевидным фактом воздействия на их мнение со стороны как иностранных, так и собственных правительств.

Хотя США вступили в Первую мировую войну лишь в 1917 году, до этого момента страна была ареной интенсивного противоборства пропагандистских усилий воюющих сторон. Борьба развернулась вокруг вопроса о том, присоединится ли Америка к силам Антанты или сохранит нейтралитет. После принятия официального решения о вступлении в конфликт перед американским правительством встал сложная задача: обосновать участие страны, а значит и граждан, в военных действиях на европейском континенте. Осуществлялось это с помощью широких пропагандистских компаний. По окончании войны людьми, занимавшимися пропагандой, был опубликован ряд работ, описывающих их деятельность [Creel, 1920; Hansi & Tonnelat, 1922; Nicolai, 1920; Stuart, 1920]. Они наглядно показали масштабы и эффективность пропагандистских компаний во время войны. Полученные навыки стали переноситься и применяться в сферах рекламы и связи с общественностью [Bernays, 1923; Wilder & Buell, 1923].

Обеспокоенность эффективностью пропаганды спровоцировала масштабную дискуссию о будущем демократии, ключевыми участниками которой стали Уолтер Липпман и Джон Дьюи [Dewey, 1927; Lippmann, 1922, 1925]. Липпман, опираясь на свой военный опыт, показавший лёгкость манипулирования общественным мнением, полагал, что рядовой гражданин (даже президент страны) не обладает компетенциями, необходимыми для формирования обоснованного мнения по сложным вопросам управления. С его точки зрения, дефицит знаний делает граждан уязвимыми для пропагандистского воздействия. Решение этой проблемы Липпман видел в союзе политиков и учёных-экспертов, которые должны руководить страной, опираясь на научное знание. В такой модели пропаганда превращалась в легитимный и эффективный инструмент рационального управления. Дьюи, разделяя опасения коллеги относительно уязвимости общества, предлагал иное видение роли интеллектуалов. По его мнению, эксперты должны не подменять собой волю граждан, а предоставлять аудитории объективную информацию. Это позволило бы стимулировать широкую общественную дискуссию и поддерживать жизнеспособность демократического процесса через информированный диалог².

Опыт послевоенных лет показал, что пропаганда не исчезла вместе с окончанием войны, а стала инструментом в арсенале различных политических сил. Государства были вынуждены искать более тон-

² Подробнее о дискуссии Липпмана и Дьюи [Gary, 1999; Sproule 1997].

кие методы продвижения и защиты своих интересов, которые теперь выходили далеко за пределы национальных границ. Пропаганда стала активно применяться для достижения не только политических, но и экономических целей. При этом её использование перестало быть прерогативой исключительно государственных структур: частный сектор также начал внедрять подобные практики. В частности, крупные корпорации стали охотно субсидировать зарубежные периодические издания для формирования нужной им повестки.

В результате к середине 1930-х годов пропаганда превратилась в одну из центральных тем академического интереса. О масштабах этого научного «взрыва» красноречиво свидетельствуют цифры: библиография работ, посвящённых пропаганде, составленная в 1935 году, насчитывала уже более 4500 позиций [Lasswell et al., 1935]³. Интерес к пропаганде подготовил почву для применения контент-анализа как метода, способного проявить механизмы пропаганды.

Метод контент-анализа получил значительное развитие в исследованиях пропаганды, проводимых Гарольдом Лассуэллом. В межвоенный период Лассуэлл получил образование, а затем работал на факультете политической науки Чикагского университета. Факультет в то время возглавлял Чарльз Мерриам, который считается основоположником чикагской школы политических исследований. В 1921 году Мерриам, выражая неудовлетворение состоянием политической науки, опубликовал программную статью «Современное состояние изучения политики» [Мерриам, 2021]. По его замыслу, политическая наука должна была заниматься не изучением политических идей, а исследованием политического поведения. Одним из пунктов его проекта по реорганизации методологии науки было «более широкое применение инструментов социального наблюдения, содержащихся в статистике, а также аналитической техники и результатов психологии; более внимательное отношение и более тесное взаимодействие с такими дисциплинами, как география, этнология, биология, социология и социальная психологи» [Мерриам, 2021, р. 192].

Ещё в студенческие годы Лассуэлл убедился в необходимости разработки количественных показателей для анализа данных в политических исследованиях, по аналогии с методами, применяемыми в экономике. На формирование его взглядов повлияло также знакомство с чикагскими лингвистами и филологами, внесшими вклад в развитие криптографических исследований во время Первой мировой войны [Janowitz, 1968]. Он полагал, что анализ содержания коммуникаций может дать ценные результаты.

Эти факторы, а также очевидная роль государственной пропаганды в Первой мировой войне и непосредственный опыт Мерриама

³ Выпущенное в 1946 году дополнение содержало ещё 2500 позиций [Smith et al., 1946].

в этой области (он был членом Комитета общественной информации — Комитета Крила ⁴ — и некоторое время возглавлял его представительство в Риме [Merriam, 1919]) способствовали формированию научных интересов Лассуэлла. В 1923–1924 годах он посетил Европу, чтобы детально изучить применение пропаганды в годы войны.

В 1925 году Лассуэлл опубликовал своё первое исследование с применением контент-анализа — *Prussian Schoolbooks and International Amity* [Lasswell, 1925]. Исходя из статьи немецкой конституции 1919 года, провозглашающей примирение народов одной из целей образования, Лассуэлл проанализировал новые утверждённые школьные учебники. Для оценки соответствия содержания учебников заявленной цели он изучил пособия по немецкому, английскому и французскому языкам, а также по географии. В этих материалах Лассуэлл выявлял любые фрагменты, потенциально препятствующие примирению народов. Примеры включали: представление другой страны как врага; изображение иностранцев в негативном свете; прославление военных героев и успехов; демонстрацию национального превосходства и другие аналогичные проявления. Каждый выявленный фрагмент с «проблемным» содержанием Лассуэлл подвергал количественному измерению (по количеству страниц) и сопоставлял с общим объёмом учебника. Важно отметить, что Лассуэлл прекрасно понимал: содержание учебника является лишь одним из факторов, влияющих на достижение обозначенной образовательной цели. Он указывал на ряд сопутствующих условий — от доступности новых учебников до методики преподавания. В дальнейшем аналогичные исследования проводились уже в Соединенных Штатах [Carpenter, 1941; Martin, 1936; Walworth, 1938].

Спустя два года Лассуэлл опубликовал свою диссертацию «Техника пропаганды в мировой войне» [Лассуэлл, 2021], в которой детально рассмотрел цели и методы ведения пропаганды во время Первой мировой войны. По его мнению, пропаганда представляла собой одно из основных средств ведения борьбы с противником, наряду с военным и экономическим давлением. Кроме того, она играла ключевую роль в поддержании морального духа военнослужащих и сплочении нации. Определение пропаганды, предложенное Лассуэллом, акцентировало внимание на роли социальной коммуникации и её содержании.

«Она [пропаганда] относится исключительно к контролю над мнениями с помощью значимых символов, или, если выразиться конкретнее, хотя и менее точно, с помощью историй, слухов, сводок, изображений и других форм социальной коммуникации. Пропаганда

⁴ Creel Committee, по имени директора организации, Джорджа Крила.

пытается управлять мнениями и установками путем прямого манипулирования социальным внушением, а не путем изменения других условий в среде или в организме» [Лассуэлл, 2021, с. 55].

Лассуэлл в полной мере осознавал решающую роль средств массовой информации — в тот период преимущественно прессы — в распространении пропаганды.

«Пропаганда — уступка рациональности современного мира. Грамотный, читающий, образованный мир предпочитает опираться на аргументы и новости. В своей утонченности он возвысился до печати; а тот, кто прикипел к печати, выживает или погибает посредством прессы» [Лассуэлл, 2021, 237].

Позднее Лассуэлл охарактеризовал эту работу как качественное исследование, показывая множество субъективных моментов, связанных с его проведением [Lasswell, 1968b]. После защиты диссертации он углубился в изучение взаимосвязи психологии и политического поведения. Учёный вновь посетил Европу — на этот раз с целью изучения психоанализа, который он рассматривал как потенциальный инструмент анализа символических форм. Результатом этой работы стали три монографии, раскрывающие политическую теорию Лассуэлла: «Психопатология и политика», «Мировая политика и личная небезопасность», а также «Политика: кто достигает чего, когда и как» [Лассуэлл, 2005; Lasswell, 1935; Лассуэлл, 2026].

По замыслу Лассуэлла политическая наука должна заниматься изучением влияния и тех, кто обладает влиянием — элиты, противопоставляемой массе. Элиты формируются и выделяются за счёт большего обладания ценностями: почётом, доходом, безопасностью [Лассуэлл, 2026]. Любая элита стремится утвердиться и защитить себя. Это осуществляется с помощью оказания влияния на массы и контрэлиты. Методами или компетенциями влияния являются: манипулирование значимыми символами, насилие, различные операции с материальными благами (уничтожение, участие или неучастие в их производстве, перераспределение), практики (например, практики воспроизводства элит).

Переориентация внимания политической науки с далёкого прошлого и будущего, на реальное поведение людей в краткосрочной временной перспективе приводит к методологическому сдвигу внутри науки. Вместо сравнительного анализа форм правления предлагалось изучать с помощью интервью, полевого наблюдения, количественных процедур повторяющиеся события, например, выборы [Лассуэлл, 2026, с. 48].

Лассуэллом также высказывается гипотеза, которая на многие годы определила одно из направлений исследовательского поиска

учёного. Гипотеза заключалась в том, что в истории человечества произошло две мировые революции — Великая Французская революция и революция в России 1917 года. Мировыми они являются постольку, поскольку несмотря на то, что произошли в конкретных местах, на них вынуждены тем или иным образом реагировать во всём мире. Таким образом революция может либо распространяться, либо сдерживаться в масштабе всей планеты. Революцию 1917 года Лассуэлл рассматривал как «революцию наших дней» [Лассуэлл, 2026, с. 152] и за её распространением возможно наблюдать непосредственно в «реальном времени». По мысли учёного революция обладает характерными для неё символами и практиками. Так, положительными символами Октябрьской революции являются: республика, советы, социалист, пролетариат и т.д. Отрицательные символы: монархия, религия, буржуазия, капитализм. Практиками: огосударствление, уравнивание, монополизация. Фиксируя изменения в символах и практиках, можно делать выводы о характере распространения или сдерживания, например, тотальное расползание или сдерживание за счёт географической дифференциации [Лассуэлл, 2026, с. 152–160]. Как позднее напишет Лассуэлл, распространение символов предшествует распространению практик.

«Обзор структуры мирового внимания позволяет получить данные о многих недостающих звеньях в процессе политического и социального развития [...] Символы, оказывающиеся в фокусе внимания, поддаются объективному описанию, а динамика их изменений может быть представлена в удобной графической форме [...] Исследование внимания необходимо как дополнение к нашему знанию об общественном мнении и о материальных изменениях в окружающей среде. Между „мнением“ и „материальными“ сдвигами располагается важный промежуточный уровень — а именно, концентрация общественного внимания. Люди не могут реагировать на аспекты среды, которые не были им предъявлены. Следовательно, чтобы проследить связь между средой и реакцией на неё, необходимо описать изменяющийся фокус коллективного внимания» [Lasswell, 1941, p. 459].

За распространением символов можно следить, например, с помощью долгосрочного анализа содержания прессы.

Вновь обращаясь к контент-анализу, Лассуэлл опирается на разработанную им политическую теорию. Его теоретическая рамка включала: политические ценности (доход, почёт, безопасность); ключевые политические символы (свобода, демократия, фашизм, коммунизм); методы достижения этих ценностей (насилие, практики, управление материальными благами, символическая манипуляция); а также степени достижения ценностей (удовлетворение и лишение) [Berelson, 1952].

В начале 1930-х годов, во время Великой депрессии, Лассуэлл совместно с Дороти Блюменсток провёл серию исследований коммунистической пропаганды в Чикаго и опубликовал ряд работ [Lasswell & Blumenstock, 1938, 1939a, 1939b]. Признавая ретроспективный характер своих исследований, сравнивая их с аутопсией, авторы подчёркивали их значимость для последующих изысканий и раскрытия механизмов пропаганды, а именно — того, «как одни символы побеждают другие». В статье *The Technique of Slogans in Communist Propaganda* были проанализированы паттерны коммунистической пропаганды за период с 1930 по 1934 год. Исследователи подробно описали критерии выявления коммунистической пропаганды (включая её разграничение с социалистической), методы выделения лозунгов на коммунистических плакатах — объектах анализа, а также предложили классификацию символов: требования, идентификация, факты. Кроме того, была выдвинута гипотеза о том, что эффективность революционной пропаганды определяется её способностью вызывать «кризисы совести», интерпретируемые как способ освобождения индивидов от «старой» совести и замены её на «новую». Материал статьи сопровождался многочисленными таблицами, отражающими частотные распределения различных показателей по годам. Такая фиксация изменений в табличной форме предоставляла возможность как для последующего анализа факторов, обусловивших эти изменения, так и аспектов, на которые они повлияли.

Итогом этой исследовательской работы стала совместная монография, в которой Лассуэлл и Блюменсток на материале кейса Чикаго проследили судьбу коммунистической пропаганды в США. Было показано, как локальные, национальные и глобальные аспекты Великой депрессии были связаны с ростом популярности коммунистических идей среди безработных [Ефременко, Николаев, 2024]. Их основной вывод заключался в том, что, несмотря на благоприятные условия, революционная пропаганда столкнулась с подъёмом американского национализма и индивидуализма, а в некоторых случаях даже способствовала его усилению. Этот конфликт разрешился своеобразным катарсисом, результатом которого стало укрепление американских символов и практик, а также полный провал коммунистической пропаганды [Lasswell & Blumenstock, 1939b].

В 1938 году Лассуэлл опубликовал статью, в которой предложил схему классификации «символических данных» [Lasswell, 1938]. Хотя в статье приводился пример психоаналитического интервью, по его мнению, предложенная классификация была применима не только к другим видам интервью, но и к ситуациям описания установок индивида. Лассуэлл предложил ряд различий: «Я»/«не-Я» (где «не-Я» может уточняться через различие «Другой»/«вещи»), «про-»/«анти-» оценка, а также временное различие — «состоявшееся»/«ожидаемое». Согласно его замыслу, следовало подсчитывать частоту появления этих символов в ходе анализа психоаналитического интервью.

Лассуэлл не был единственным исследователем, применявшим контент-анализ в межвоенный период: в это время публиковались и другие работы по изучению содержания прессы, в которых использовались количественные оценки, основанные на измерении площади публикаций [Kingsbury & Hart, 1937]. Параллельно проводились описательные и интерпретативные исследования, опиравшиеся на качественные методы анализа. Тематика подобных работ отличалась большим разнообразием: от анализа кинематографа [Dale, 1935a, 1935b], кинохроники [Dale, 1937] и политических речей [McDiarmid, 1937] до изучения религиозных проповедей [Lee & Lee, 1939]; от исследований отражения военной тематики в журнальной прозе [McKenzie, 1941] и исторического анализа карикатур [Johnson, 1937] до изучения расовых установок в южных штатах США, реконструируемых на основе газетных публикаций [Ames, 1938]. Затрагивались также методологические проблемы контент-анализа [Woodward, 1934].

Таким образом, пристальное внимание к феномену пропаганды после опыта Первой мировой войны оказало влияние на разработку и использование контент-анализа. Систематическое развитие метод получил в межвоенных работах Гарольда Лассуэлла. Его политическая теория, в которой центральное место занимали ценности и механизмы их воплощения, послужила теоретическим основанием для применения метода в анализе коммуникации и пропаганды. В своих исследованиях Лассуэлл стремился к количественному измерению содержания: он разрабатывал процедуры подсчёта символов, представления данных в табличной и графической форме, а также расчёта индексов.

Однако акцент на количественном измерении выявил и ограничения метода: в большинстве случаев анализ ограничивался «явным» содержанием сообщения. Кроме того, исследования носили ретроспективный характер. Серьёзную проблему представляла невозможность длительного, непрерывного и масштабного мониторинга прессы — именно такой мониторинг, по мнению Лассуэлла, был необходим для анализа динамики социальных изменений.

В следующем разделе будет рассмотрено, как учёные были привлечены к решению различных государственных задач в период Второй мировой войны, в том числе с использованием контент-анализа.

Контент-анализ во время Второй мировой войны

В преддверии Второй мировой войны пропаганда стала объектом пристального внимания государственных и негосударственных организаций. С 1937 по 1942 год функционировал неправительственный Институт анализа пропаганды. Его основатели полагали, что амери-

канцы становятся жертвами пропаганды, теряя способность критически оценивать обширный поток сообщений. Деятельность института была сосредоточена на просветительской работе, направленной на обучение граждан распознаванию и анализу пропагандистских материалов. Институт издавал собственный журнал, публиковал разнообразные методические материалы и проводил исследования [Hobbs & McGee, 2014]. Однако он был вынужден прекратить свою работу из-за нехватки финансирования. Отмечается, что закрытию Института могло способствовать общее недовольство его деятельностью в военное время [Fondren, 2021]. Первоначально благосклонно воспринятая работа по продвижению толерантности и критического мышления вступила в противоречие с внутренней американской пропагандой, направленной на укрепление патриотизма и национального единства в условиях войны.

В 1938 году Конгресс США принял Закон о регистрации иностранных агентов (Foreign Agents Registration Act, FARA), в первую очередь нацеленный на противодействие пропаганде со стороны Третьего рейха. В 1940 году был принят Закон Вурхиса, усиливший государственный контроль над пропагандистской деятельностью.

В 1939–1940 годах Джон Маршал, сотрудник отдела гуманитарных наук Фонда Рокфеллера, организовал научный семинар. Его целью была разработка теоретической программы для исследований коммуникации, чтобы фонд мог определить приоритетные направления финансирования [Gary, 1999, с. 88]. В работе семинара принимали участие, в том числе, такие исследователи, как Г. Лассуэлл, П. Лазарсфельд и Р. Линд. Изначально семинар охватывал широкий круг тем, однако с началом Второй мировой войны его фокус сместился на вопросы, связанные с пропагандой. Помимо рабочих документов, результатом его деятельности стали два отчёта: «Необходимые исследования массовой коммуникации» и «Общественное мнение и чрезвычайная ситуация». В отчётах рассматривались вопросы о роли государства и его взаимодействии с пропагандой, о роли учёных в качестве правительственных экспертов, а также о методологических проблемах исследований, включая применение контент-анализа [Gary, 1999, р. 94–100]. После завершения работы семинара, в начале 1941 года, были организованы две конференции. В них приняли участие как участники семинара, так и представители правительственных организаций, что способствовало установлению сотрудничества [Rogers, 1994, р. 222].

Наконец, во время Второй мировой войны изучение пропаганды стало предметом активных исследований в многочисленных научных центрах и правительственных агентствах. Фонд Рокфеллера активно субсидировал и координировал деятельность ряда ключевых исследовательских программ, включая исследования радио при Колумбийском университете, принстонские проекты по изучению

общественного мнения и анализу коротковолновых радиопередач, проекты по изучению кино в Музее современного искусства и Библиотеке Конгресса, изучение тоталитарной коммуникации в Новой школе социальных исследований, а также работу Экспериментального отдела по анализу коммуникации военного времени при Библиотеке Конгресса. Среди правительственных организаций исследованием пропаганды занимались, в частности, Офис военной информации, Федеральная комиссия по связи и Департамент юстиции.

Чтобы проследить применение метода контент-анализа в период Второй мировой войны, мы сосредоточимся на деятельности Гарольда Лассуэлла и Ханса Шпайера.

В 1938 году Лассуэлл покинул Чикагский университет и переехал в Вашингтон. В числе возможных причин этого шага назывались отказ в присвоении звания полного профессора, реорганизация факультета политической науки ввиду предстоящей отставки Мерриама, а также проверка университета по подозрению в коммунистической деятельности. Предполагалось, что Лассуэлл намеревался посвятить себя работе в новом исследовательском институте в Вашингтоне, созданном совместно с психологом Г. С. Салливаном и лингвистом-антропологом Э. Сепиром. Однако эти планы не осуществились. В Вашингтоне Лассуэлл начал новую карьеру, работая консультантом для различных правительственных организаций, а также проводя исследования, финансируемые частными фондами.

Лассуэлл стал активным и ключевым участником семинара Фонда Рокфеллера по коммуникации. Именно в ходе этого семинара была разработана его знаменитая пятичленная модель коммуникативного акта: «Кто говорит — что — по какому каналу — кому — с каким эффектом?» [Lasswell, 1948]. Модель определила на значительный период направление изучения коммуникации. По замыслу Лассуэлла контент-анализ отвечал на вопрос «что?» в его модели коммуникации.

Уже во время работы семинара Лассуэлл возглавлял Отдел коммуникации военного времени при Библиотеке Конгресса, функционировавший с 1940 по 1943 год при финансовой поддержке Фонда Рокфеллера. В предложенном проекте исследования он обозначил три цели: развитие метода контент-анализа; подготовку специалистов для правительственных агентств; участие в государственных программах в качестве консультанта [Rogers, 1994].

В период функционирования отдела основное внимание уделялось анализу газетных материалов, хотя также исследовались выступления Гитлера, пропагандистские плакаты и радиотрансляции. Как отмечал Лассуэлл, целью анализа было предвидение действий противника [Lasswell, 1968b]. Подобная целевая установка, продиктованная контекстом военного времени, существенно отличалась от задач, преследуемых в межвоенный период. Тогда исследования были направлены преимущественно на выявление структурных ком-

понентов и механизмов распространения пропаганды посредством ретроспективного анализа.

В одном из первых и широко цитируемых рабочих документов отдела Н. Лейтес и И. де Сола Пул указывают на неоднозначность в понимании термина «контент-анализ» и предлагают критерии, которым должен соответствовать метод:

«(1) анализ должен относиться либо к синтаксическим характеристикам символов (например, наличие определенной логической ошибки, такой как *petitio principii*⁵), либо к их семантическим характеристикам (например, отнесённость к материальным объектам в противоположность отнесённости к лицам);

(2) он должен с высокой степенью точности фиксировать частоты появления таких характеристик. Возможно, определение можно сузить: анализ должен придавать числовое выражение этим частотам;

(3) он должен оперировать терминами, обладающими универсальной обобщающей силой (то есть такими, определение которых не закрепляет обозначаемые ими явления в рамках конкретных пространственно-временных координат, или же такими, которые по определению могут быть подведены под более общие категории). Так, выражение «предсказания успеха» представляет собой последовательность общих терминов, тогда как «предсказания военной победы во Второй мировой войне» — это частная формулировка, которая может быть включена в обобщающую категорию первого порядка;

(4) такие характеристики должны описываться терминами, которые либо уже задействованы, либо потенциально могут быть задействованы в универсальных высказываниях социальной науки» [Цит. по: Rantanen 2024, p. 142].

В соответствии с подходом Лейтеса и де Сола Пула, контент-анализ следует рассматривать как метод систематического количественного исследования синтаксических и семантических характеристик символов, выраженных посредством обобщённых и универсальных категорий. Такой анализ предполагает фиксацию частотных показателей изучаемых характеристик, а также использование понятийного аппарата, применимого в рамках универсальных утверждений социальной науки. Лейтес и де Сола Пул также связали символы с пропагандой, предложив различать намерения пропагандистов, транслируемые символы и реакции тех, на кого направлена пропаганда.

Примером исследований, проводимых в Отделе коммуникации военного времени, может служить контент-анализ газет из 47 стран

⁵ Предположение истинности вывода.

(по одной газете из каждой страны). В выпусках, датируемых периодом с августа 1939 по июнь 1940 года, анализировалось частотное распределение ста политических символов. Среди них — названия стран, имена национальных лидеров, идеологии (фашизм, коммунизм, демократия), а также такие ключевые слова, как «война», «нация», «люди» [Rantanen, 2024]. На основе этого исследования Лассуэлл опубликовал статью *The World Attention Survey* [Lasswell, 1941]. Согласно его замыслу, такой мониторинг должен был фиксировать тематику и масштабы пропаганды в ведущих мировых изданиях. В качестве иллюстрации он указывал на различия в объёме новостей, посвящённых США, Великобритании и Германии, в немецкой и британской прессе. Лассуэлл также обращал внимание на изменение риторики по отношению к Германии и СССР — соответственно в советской и немецкой прессе — перед заключением пакта о ненападении в аспекте её положительной или отрицательной тональности.

В 1942 году Лассуэлл публикует статью, посвящённую проблемам кодирования [Lasswell, 1942]. Обращение к процессу кодирования во многом связано с тем, что при большом объёме изучаемых материалов кодировкой занимались рядовые сотрудники, для которых потребовалось составление подробных инструкций. В работе Лассуэлл выделил возможные группы политических символов: личности (Рузвельт, Черчилль, Гитлер, Сталин); группы (США, Великобритания, Германия, Россия); учреждения или органы власти (Конгресс, Парламент, Премьер); политики (война, мир, налоги); символы участия (призыв на службу, покупка облигаций, экономия продуктов); идеи (заявление целей, ожидания в отношении будущего). Лассуэлл настаивал на подсчёте частоты появления символов и рассматривал различные сложности, связанные с этим процессом, а также возможные решения. Помимо этого, исследователи отдела Лассуэлла анализировали и другие методологические проблемы: формирование выборки, надёжность метода и т. д. [Lasswell & Leites, 1968].

В работах сотрудников Отдела также рассматривались теоретико-методологические проблемы контент-анализа [Janis, 1943; A. Kaplan, 1943]. Так, Абрахам Каплан в статье *Content Analysis and the Theory of Signs* предложил семиотическое обоснование метода, охарактеризовав его как «статистическую семантику». Автор подчёркивал методологическую сложность перехода от физических характеристик текста к его скрытым значениям, указывая на необходимость учёта не только семантики, но и прагматического контекста для обеспечения научной валидности интерпретаций. В свою очередь, Ирвинг Дженис в работе *Meaning and the Study of Symbolic Behavior* сосредоточился на преодолении субъективности и неоднозначности при классификации символического поведения. Для повышения объективности анализа он обосновал применение «критерия частотности», согласно которому правила кодирования должны опираться

на наиболее устойчивые и типичные способы восприятия знаков аудиторией, что позволяет минимизировать произвол исследователя.

Следует также отметить сотрудничество Лассуэлла с Департаментом юстиции [Gary 1999; Lasswell, 1968a]. В его рамках Лассуэлл выступал в качестве приглашённого эксперта на судебных заседаниях по делам, связанным с нарушением законов о пропаганде. Примером может служить процесс “Bookniga”, в котором книжный магазин обвинялся в ведении просоветской пропаганды. Описывая методику своего анализа, Лассуэлл выделял два этапа. Первый заключался в частотном анализе ключевых политических символов в анализируемых материалах. Второй состоял в проведении ряда тестовых операций, которые заключались в сравнении с известными пропагандистскими источниками, например газетами «Правда» и «Известия», выступлениями лидеров и т. д. Так могли сравниваться используемые риторика и источники, баланс положительной и отрицательной тональностей в освещении политических символов, соответствие заявленным пропагандистским целям одной из сторон конфликта и т. д.

Таким образом, в военный период Лассуэлл продолжал развивать количественную методику контент-анализа, основанную на подсчёте частот. Однако исследовательский подход Х. Шпайера демонстрирует иные принципы работы с методом.

Ханс Шпайер — немецкий социолог, эмигрировавший в США в 1933 году после прихода Гитлера к власти. Его научные интересы охватывали социологию знания, проблемы интеллектуалов и элит, милитаризм, а также роль пропаганды и массовой коммуникации в современном обществе. После Второй мировой войны он сделал впечатляющую карьеру в роли эксперта, работая в так называемых «фабриках мысли».

В 1940 году Шпайер совместно с австрийским психоаналитиком и историком искусства Эрнстом Крисом предложил Фонду Рокфеллера исследовательский проект, посвящённый тоталитарной коммуникации в условиях войны. В обосновании исследования они подчёркивали как практическую значимость — возможность предсказывать действия пропагандистов, так и теоретическую — разработку теории пропаганды, позволяющую впоследствии оценивать степень воздействия пропагандистских материалов [Bessner, 2018, с. 88].

Однако с началом исследования Шпайер и Крис сосредоточились на решении практических задач, отодвинув в сторону теоретическую составляющую. В промежуточном отчёте они сообщили о разработке экспериментального метода анализа, предназначенного для непосредственного практического применения. По их замыслу, метод должен был: во-первых, позволить предугадывать намерения вражеских пропагандистов и заблаговременно подготавливать ответные меры; во-вторых, содействовать совершенствованию собственной пропаганды через анализ нацистских методов; в-третьих, долгосрочный анализ

пропаганды позволил бы собирать информацию о стратегиях и тактиках противника, а также об уровне его морального состояния.

Шпайер и Крис осознавали необходимость продемонстрировать научный и объективный характер своей работы, чтобы придать ей вес в глазах правительственных организаций. С этой целью они стремились объединить количественные методы, предпочтительные с точки зрения Фонда Рокфеллера, с качественными методами, которым отдавали предпочтение сами исследователи. Их подход к контент-анализу предполагал разумное сочетание обоих направлений, не сводя анализ исключительно к числовым измерениям. Методика включала: определение основной темы исследуемого сообщения и цели его распространения, после чего текст сопоставлялся с уже сформированной картотекой тематик. По мере накопления данных становилось возможным выявление устойчивых паттернов пропаганды, что, в свою очередь, позволяло формулировать гипотезы о причинах обнаруженных закономерностей.

После публикации первых отчётов Шпайер и Крис, вероятно, столкнувшись с критикой со стороны представителей Фонда Рокфеллера и государственных структур, признавали избыточную субъективность и зависимость своего метода от интерпретаций. Можно предположить, что процесс составления объёмной картотеки сообщений оказался слишком затратным и исследователи перешли к интерпретативной работе. В стремлении обеспечить устойчивость и воспроизводимость результатов они предложили понятия «идея» и «конструкт» [Bessner, 2018, p. 90–91].

Идея должна выражать общую тему, объединяющую различные сообщения. Так, тезис о предполагаемой готовности британских властей покинуть страну мог проявляться как в сообщении, опровергающем бронирование мест для королевской семьи на судне, отплывающем в США, так и в информации о переводе членами правительства своих активов в американские банки. Конструкт, в свою очередь, представлял собой теоретически разработанную систему категорий, включающую, например, классификацию «общество и правительство Британии». После завершения разработки конструкт оставался фиксированным и не подлежал модификации. Согласно замыслу исследователей, интерпретация идей через конструкт должна была обеспечить надёжность и воспроизводимость аналитических выводов.

«Конструкт предполагается в качестве «модели», использование которой должно позволить нам исследовать пропагандистскую манипуляцию содержанием. Он сопоставим с набором математических формул, которые дают точное описание конкретного объекта путем подстановки конкретных значений в абстрактные соотношения. Хотя аналитик обладает относительной свободой при построении системы категорий, его интерпретация конкретного материала

строго ограничена, как только конструкт установлен. Именно это обеспечивает согласованность и высокую степень надежности интерпретации» [Цит. по: Bessner, 2018, p. 91].

Исследовательская стратегия Шпайера и Криса оказалась успешной. Их работа получила высокую оценку как со стороны научного сообщества, так и со стороны правительственных организаций. К моменту завершения проекта в 1944 году было подготовлено семь отчётов и опубликован ряд статей, кульминацией которых стала публикация монографии *German radio propaganda* [Kris & Speier, 1944]. Однако к этому времени Шпайер уже покинул проект.

В 1942 году Шпайер перешёл на работу в Федеральную комиссию по связи (Federal Communications Commission, FCC), где возглавил Немецкий отдел Службы мониторинга зарубежного вещания, отвечавший за анализ враждебной пропаганды. На своей должности он курировал анализ всех радиопередач и печатных материалов, поступавших из Германии. Шпайер и его сотрудники изучали содержание и тональность немецкой пропаганды, сводок с фронта и речей лидеров, стремясь на основе этого выявить намерения нацистского руководства — как в области пропаганды, так и в сфере военных действий [Bessner, 2018].

Александр Джордж, работавший под руководством Шпайера в Комиссии по связи, отмечал, что изначально их аналитическая деятельность основывалась на количественной методологии, восходящей к подходу Лассуэлла. Однако вскоре возникла необходимость пересмотра применяемых методов и их адаптации к практическим задачам Комиссии [George, 1956, 1959]. Хотя полного отказа от количественных процедур не произошло, их использование стало ограниченным. Аналитики пришли к выводу, что строго формализованные методы часто оказывались излишне сложными, порой нецелесообразными и даже необязательными.

Джордж объяснял отказ от применения количественного подхода рядом факторов. Прежде всего, он указывал на ограниченную продуктивность количественного анализа при отсутствии чётко сформулированных гипотез, затруднённую их эмпирической проверки, а также ограниченную гибкость в их оперативной корректировке. Количественный подход оказывался нечувствительным к характеру немецкой пропаганды, предполагавшей одновременное использование множества стратегий и преследование множества целей; изменению стратегии пропаганды; постоянному расширению генеральной совокупности и выборки сообщений; сложным структурным характеристикам пропаганды (кто сообщает, по какому каналу, как конкретное сообщение встраивается в общий поток и т.д.). Отмечалось также, что количественный метод работает с «явным» смыслом сообщения, в то время как пропаганда несёт в себе «латентный» смысл и преследует

скрытые цели, для того чтобы запутать врага. Кроме того, аналитические выводы нередко строились не на основе частотных распределений, а исходя из самого факта наличия или отсутствия определённых тем, стереотипов, слов. Немаловажную роль играли и организационные условия: Немецкий отдел должен был предоставлять еженедельно два отчёта, содержащих конкретные результаты, имеющие непосредственную практическую ценность. Отчёты адресовались различным государственным ведомствам — от Государственного департамента до армии и флота. Помимо этого, отдел обязан был оперативно реагировать на запросы со стороны других правительственных агентств. В такой рабочей среде исследователи были вынуждены адаптировать и трансформировать применяемые методики, что, по выражению Джорджа, постепенно приблизило анализ к «творческому, интуитивному процессу без систематической основы или доктрины» [George, 1959, p.6].

Тем не менее благодаря работе Джорджа, в которой проводится кодификация и формализация метода контент-анализа, использовавшегося в Немецком отделе, можно выделить его основные составляющие. Во-первых, модель коммуникации Лассуэлла пополнялась ещё двумя компонентами: целью и обстоятельства сообщения. Цель сообщения оказывалась тесно связанной его с «латентным» смыслом. Это позволяло обратить внимание на то, что аналитик имеет дело с двумя неизвестными — «цель» и «скрытый смысл». В то время как работа с «явным» смыслом упускает этот аспект. Обстоятельства сообщения позволяли разработать своеобразную теорию атрибуции, применимую к пропагандистскому сообщению, развивая тем самым ранее предложенные понятия «идеи» и «конструкта».

Во-вторых, был сделан ряд допущений о немецкой политической коммуникации. Она характеризовалась публичностью, массовостью, односторонней направленностью, безличностью и подготовленностью. Пропаганда рассматривалась как часть тоталитарной политической системы, что означало: пропаганда — инструмент политики, используемый целенаправленно; цели, стратегии, каналы коммуникации тесно скоординированы с оценками, ожиданиями, и намерениями политических лидеров; каналы и содержание коммуникации находятся под контролем Министерства пропаганды. Таким образом, пропагандистское сообщение является результатом целерациональной деятельности двух тесно взаимосвязанных систем — политической и пропагандистской. При этом система пропаганды подчинена политической системе.

В-третьих, основываясь на допущениях была разработана модель производства пропагандистского сообщения. Выделялись два ряда «переменных»: постоянно изменяющиеся и относительно устойчивые, которые в свою очередь атрибутировались к политической системе и системе пропаганды. Список постоянно изменяющихся

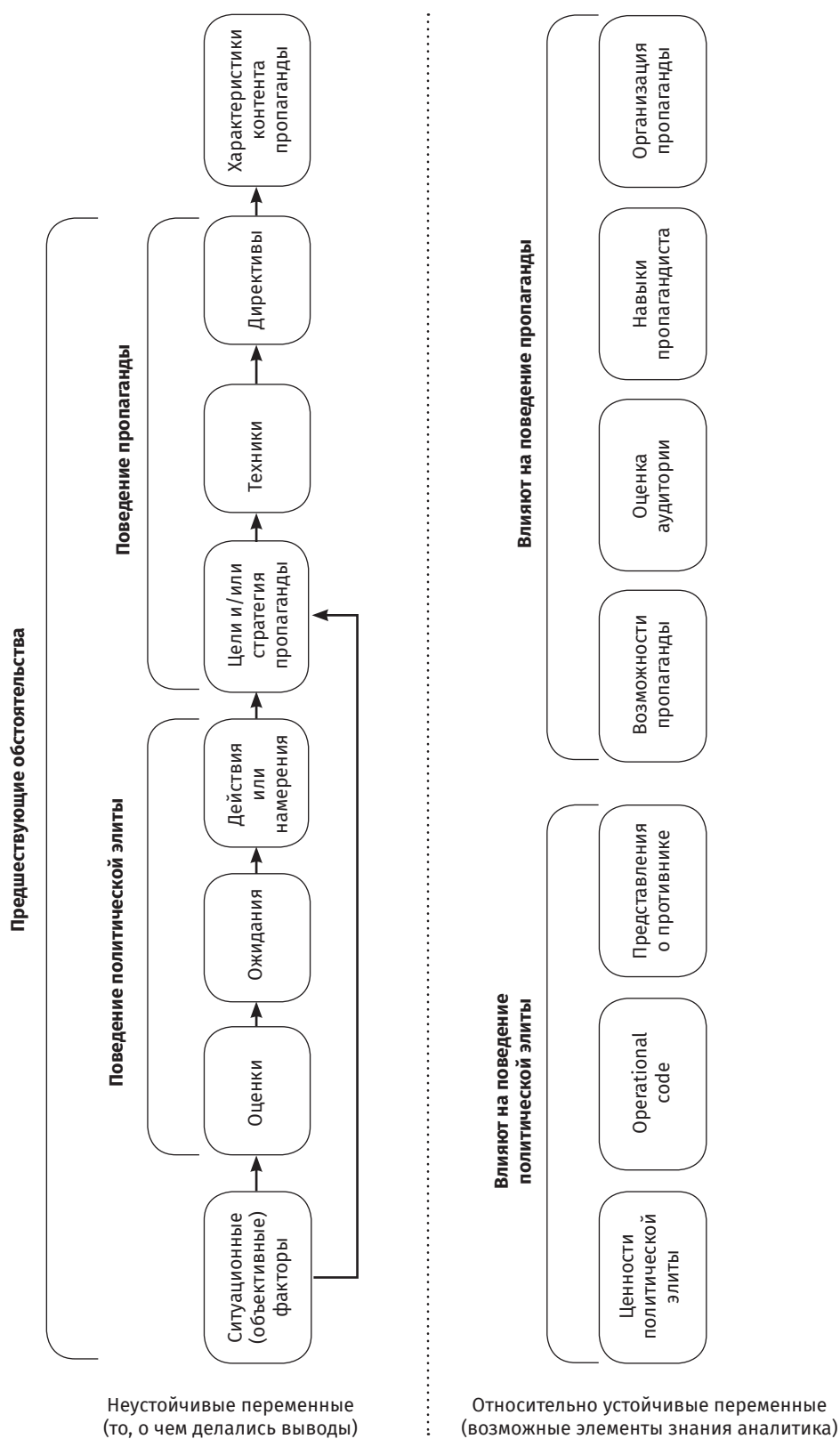

Рис. 1. Взаимосвязь факторов, формирующих пропагандистское сообщение

переменных состоял из: директив Министерства пропаганды, пропагандистских техник, целей и стратегий пропаганды, относящихся к системе пропаганды; действий, намерений, ожиданий и оценок политической элиты, относящихся к политической системе; ситуационных (объективных) факторов, например, положения на фронтах. Об этих переменных делал вывод аналитик. В свою очередь относительно устойчивые переменные были возможными элементами знания аналитика и ограничивали диапазон возможных интерпретаций. В их список входили: институциональная организация пропаганды, навыки пропагандиста, оценка аудитории, возможности пропаганды, касающиеся системы пропаганды; представления о противнике, «operational code»⁶, ценности политической элиты, относящиеся к политической системе.

Аналитик занимался своеобразным «обратным инжинирингом», двигаясь от пропагандистского сообщения к обстоятельствам его возникновения, в первую очередь решая задачу по определению цели сообщения. В своём отчёте он приводил несколько вариантов прогноза, каждый из которых основывался на «сочетании» изменяющихся переменных, ранжируя их от более вероятного к менее вероятному. В монографии Джордж рассматривает множество как удачных, так и не удачных примеров работы аналитиков. Его ревизия результатов работы Немецкого отдела показала, что сделанные выводы, которые было возможно проверить с помощью материалов, ставших доступными после войны, оказались верными в более 80% случаев [George, 1959, с. 261].

Таким образом, опыт Лассуэлла и Шпайера в годы Второй мировой войны показывает как потребности государственных структур военного времени ориентировали метод на решение актуальных практических задач. Также он свидетельствует о существовании различных направлений в реализации метода контент-анализа. Лассуэлл сохранил приверженность программе, заложенной им в межвоенный период, сосредоточившись на совершенствовании количественной методики, основанной преимущественно на частотном анализе. Применение этой методики опиралось на разработанную им политическую теорию. В своей работе он и его сотрудники продолжали разрабатывать методологические аспекты, связанные с формированием выборки, процессами кодирования, измерения и оценкой надежности полученных результатов.

Опыт Шпайера, напротив, представляет собой показательный пример. Изначально ориентированный на качественные методики — что, по всей видимости, связано с его становлением как учёного в рамках европейской, а точнее, немецкой научной традиции —

⁶ Подробнее о понятии «operational code» см.: [George, 1969].

он был вынужден адаптироваться к требованиям количественного подхода, стремясь привлечь внимание к своему исследовательскому проекту и обеспечить его финансирование. Однако специфика работы в государственных структурах способствовала возвращению к качественной методологии, основанной на глубоком знании контекста и содержательном осмыслении предметной области. Контент-анализ стал использоваться для интерпретации латентного содержания сообщений, что повлекло за собой большую гибкость в выборе единиц анализа и придание аналитическому процессу более творческого и импрессионистского характера.

Дискуссии первого послевоенного десятилетия

После завершения Второй мировой войны были предприняты попытки оценить эффективность применения контент-анализа в военный период [de Sola Pool, 1969; Doob, 1947; Krascauer, 1952; Lerner, 1951]. Мнения по этому поводу расходятся. Некоторые исследователи указывают на ограниченную востребованность результатов, рассматривая участие учёных скорее как элемент общего курса на мобилизацию всех доступных ресурсов, включая академические. Другие, напротив, подчёркивают успешность, точность и практическую ценность контент-анализа в решении разнообразных разведывательных задач. Особого внимания заслуживают две работы, затрагивавшие выше, которые напрямую посвящены деятельности учёных в военное время. В 1949 году Лассуэлл, совместно с Лейтесом, опубликовал сборник, представлявший деятельность Отдела коммуникации военного времени при Библиотеке Конгресса [Lasswell & Leites, 1949, 1968]. Десять лет спустя Джордж издал монографию, в которой предпринял попытку кодифицировать, формализовать и оценить метод, использовавшийся в работе Федеральной комиссии по связи [George, 1959].

В своём эссе 1949 года *Why Be Quantitative?* [Lasswell, 1968] Лассуэлл продолжал настойчиво отстаивать преимущество количественного подхода в контент-анализе. Он подверг критике качественные исследования, включая и собственную работу «Техника пропаганды в мировой войне», за отсутствие чёткого методологического обоснования, чрезмерную зависимость от интерпретаций и высокий уровень субъективности.

Лассуэлл подчёркивал, что при использовании качественного подхода остаются без ответа многие ключевые вопросы: определение категориального аппарата и концептуальной рамки исследования, принципы формирования выборки и её репрезентативность, а также обеспечение объективности и системности анализа. По его мнению,

качественная методология в значительной степени оставалась интуитивной и импрессионистской, хотя он не исключал её применения при условии методологического совершенствования. Таким образом, контент-анализ, с его точки зрения, должен основываться на количественном подходе, поскольку именно он обеспечивает объективность и доказал свою состоятельность во многих областях.

«Почему же, в таком случае, следует применять количественный подход в изучении коммуникации? Потому что он может принести научные и политические выгоды. Социальный процесс основан на сотрудничестве и коммуникации, и количественные методы уже доказали свою эффективность в анализе первого. Дальнейшее понимание и контроль зависят от того, сумеем ли мы достичь такого же уровня мастерства и в отношении второго» [Lasswell, 1968b, p. 52].

Заслуживает внимания критическая рецензия коллеги Шпайера, политолога и социолога Пола Кечкемети [Kecskemeti, 1952] на сборник The Policy Sciences [Lerner & Lasswell, 1951] под редакцией Лернера и Лассуэлла. В своей рецензии Кечкемети поставил под сомнение методологические установки Лассуэлла, основанные на безоговорочной приверженности количественному подходу. Хотя он разделял убежденность Лассуэлла в необходимости общей теории поведения как базы для научно обоснованной политики, он указывал, что сам Лассуэлл не проблематизировал вопрос о путях её построения: по его мнению, «битва за метод» уже была завершена, и оставалось лишь заняться измерениями и квантификацией.

Кечкемети выдвинул ряд контраргументов. Прежде всего, он указывал на то, что в социальных науках невозможно ограничиться исключительно количественным подходом, поскольку любое измерение основывается на предпосылках, не поддающихся количественному выражению. Так, хотя возможно подсчитывать число браков и разводов, само понятие брака не может быть сведено к цифрам. Далее, данные, используемые, например, в контент-анализе, по его мнению, не являются непосредственным результатом количественного измерения. Наконец, Кечкемети подчёркивал, что сам факт измеримости феномена не гарантирует возможности построения содержательной теории: можно измерить акустические волны, но из этого не создать теорию о том, что будет сказано. Кечкемети заключил, что чрезмерное упование на строгость количественных методов ради достижения объективности и надежности приводит к утрате проницательности.

В течение первого послевоенного десятилетия метод контент-анализа получил широкое распространение. Он активно использовался в исследованиях массовой коммуникации, психологии, антропологии, истории, лингвистики, литературоведении и других дисциплинах. В 1955 году состоялась конференция, посвящённая контент-анализу

[Krippendorff, 2019, p. 18], по итогам которой впоследствии была опубликована коллективная монография [de Sola Pool, 1959b].

В резюмирующей статье [de Sola Pool, 1959a] И. де Сола Пул отметил, что, несмотря на различия в исследовательских подходах и тематиках, учёные пришли к схожим выводам относительно двух ключевых тенденций. Во-первых, наблюдался сдвиг от анализа содержания сообщений к формулированию выводов о предшествующих коммуникации условиях. Во-вторых, произошёл переход от подсчёта частоты отдельных символов к анализу их совместного употребления.

Таким образом, в первые послевоенные десятилетия произошла пролиферация метода контент-анализа, отчасти благодаря вниманию к опыту его применения в годы Второй мировой войны — независимо от того, как этот опыт оценивался. Обсуждение методологических проблем, связанных с контент-анализом, стало частью более широкой дискуссии между сторонниками качественного и количественного подходов

Заключение

Подводя итог историческому обзору формирования контент-анализа, можно констатировать, что этот метод прошёл путь от первых методологически наивных исследований до различных вариантов реализации метода, основанных на глубоких теоретико-методологических предположениях. Эволюция метода была продиктована не только внутренней логикой развития академического знания, но и мощными экстермальными факторами, среди которых ключевую роль сыграли взрывной рост массовой печати в конце XIX века и потребность в систематическом анализе государственной пропаганды в первой половине XX века.

На ранних этапах контент-анализ носил преимущественно описательный и нормативный характер. Исследователи стремились подкрепить количественными данными свои тезисы о снижении качества прессы и её «сенсационности». Несмотря на отсутствие серьёзной методологической проработки метода, именно этот период заложил фундамент для перехода от риторических споров к эмпирическому изучению содержания прессы.

Первая мировая стала ещё одним фактором развития метода в межвоенный период. Осознание мощи информационного воздействия превратило пропаганду в центральный объект изучения для многих исследователей. В этот период контент-анализ начал трансформироваться в инструмент, способный не только описывать текущую повестку, но и выявлять механизмы управления общественным вниманием с помощью пропаганды.

Во время Второй мировой войны широкое привлечение социальных учёных к выполнению различных государственных задач способствовало всестороннему развитию контент-анализа. Метод был фактически мобилизован на службу государству. Деятельность исследовательских центров под руководством Г. Лассуэлла и Х. Шпайера была ответом на конкретные оборонные задачи: мониторинг вражеского вещания, оценка морального духа противника, противодействие его пропаганде, прогнозирование его действий и т. д. Именно этот запрос обеспечил методу беспрецедентное финансирование и институциональную поддержку.

Литература

1. Ефременко, Д. В., Николаев В. Г. Мыслители города ветров. Прагматистская социальная наука в Чикаго в первой половине XX века: монография. М.: ИНИОН, 2024.
2. Лассуэлл, Г. Д. Политика: кому достаётся что, когда и как. М.: Издательство Института Гайдара, 2026.
3. Лассуэлл, Г. Д. Психопатология и политика. М.: Издательство РАГС, 2005.
4. Лассуэлл, Г. Д. Техника пропаганды в мировой войне. М.: ИНИОН РАН, 2021.
5. Мерриам, Ч. Э. Современное состояние изучения политики // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (журнал Политической Философии И Социологии Политики). 2021. № 1 (100). С. 183–192.
6. Чикагская школа политической мысли (1920–1940-е годы): сборник переводов / под ред. Д. В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, Отд. социологии и социал. психологии, Отд. политической науки, 2023.
7. Ames, J. D. Editorial treatment of lynchings // *Public Opinion Quarterly*. 1938. Vol. 2. No. 1. P. 77–84.
8. Berelson, B. Content analysis in communication research. Glencoe, Ill.: Free Press, 1952.
9. Bernays, E. L. Crystallizing public opinion. New York: Boni and Liveright, 1923.
10. Bessner, D. Democracy in exile: Hans Speier and the rise of the defense intellectual. Ithaca: Cornell University Press, 2018.
11. Carpenter, M. E. (Ruffin). The treatment of the Negro in American history school textbooks: a comparison of changing textbook content, 1826 to 1939, with developing scholarship in the history of the Negro in the United States. Menasha, Wisconsin: George Banta Publishing Company, 1941.
12. Creel, G. How we advertised America. New York: Harper Bros., 1920.
13. Dale, E. How to appreciate motion pictures: a manual of motion-picture criticism prepared for high-school. New York: Macmillan, 1935b.
14. Dale, E. Need for Study of the Newsreels // *The Public Opinion Quarterly*. 1937. Vol. 1. No. 3. P. 122–125.
15. Dale, E. The content of motion pictures. New York, [NY]: Macmillan Company, 1935a.
16. de Sola Pool, I. Trends in Content Analysis Today: A Summary // *Trends in content analysis* / I. de Sola Pool [ed.]. Urbana: University of Illinois Press, 1959a.
17. de Sola Pool, I. Content Analysis and the Intelligence Function // *Politics, personality, and social science in the twentieth century: essays in honor of Harold D. Lasswell.* / A. A. Rogow [ed.]. Chicago: University of Chicago Press, 1969. P. 197–224.
18. Dewey, J. The public and its problems, an essay in political inquiry. Denver: Swallow, 1927.

19. Doob, L. W. The Utilization of Social Scientists in the Overseas Branch of the Office of War Information // *American Political Science Review*. 1947. Vol. 41. No. 4. P. 649–667.
20. Dovring, K. Quantitative Semantics in 18th Century Sweden // *The Public Opinion Quarterly*. 1954. Vol. 18. No. 4. P. 389–394.
21. Fenton, F. The Influence of Newspaper Presentations Upon the Growth of Crime and Other Anti-Social Activity // *American Journal of Sociology*. 1910. Vol. 16. No 3. P. 342–371.
22. Fenton, F. The Influence of Newspaper Presentations Upon the Growth of Crime and Other Anti-Social Activity // *American Journal of Sociology*. 1911. Vol. 16. No. 4. P. 538–564.
23. Fondren, E. "We are Propagandists for Democracy": The Institute for Propaganda Analysis' Pioneering Media Literacy Efforts to Fight Disinformation (1937–1942) // *American Journalism*. 2021. Vol. 38. No. 3. P. 258–291.
24. Gary, B. The nervous liberals: propaganda anxieties from World War I to the Cold War. New York: Columbia University Press, 1999.
25. George, A. L. Prediction of Political Action by Means of Propaganda Analysis // *Public Opinion Quarterly*. 1956. Vol. 20. No. 1, Special Issue on Studies in Political Communication. P. 335–345.
26. George, A. L. Propaganda analysis; a study of inferences made from Nazi propaganda in World War II. Evanston, Ill.: Row, Peterson, 1959.
27. George, A. L. The «Operational Code»: A Neglected Approach to the Study of Political Leaders and Decision-Making // *International Studies Quarterly*. 1969. Vol. 13. No. 2. P. 190–222.
28. Hansi (Johann Jacob Waitz), Tonnelat, E. À travers les lignes ennemies: trois années d'offensive contre le moral allemand. Paris: Payot & Cie, 1922.
29. Hobbs, R., McGee, S. Teaching about Propaganda: An Examination of the Historical Roots of Media Literacy // *Journal of Media Literacy Education*. 2014. Vol. 6. No. 2. P. 56–66.
30. Janis, I. L. Meaning and the Study of Symbolic Behavior // *Psychiatry*. 1943. Vol. 6. No. 4. P. 425–439.
31. Janowitz, M. Harold D. Lasswell's Contribution to Content Analysis // *The Public Opinion Quarterly*. 1968. Vol. 32. No. 4. P. 646–653.
32. Johnson, I. S. Cartoons // *Public Opinion Quarterly*. 1937. Vol. 1. No. 3. P. 21–44.
33. Kaplan, A. Content Analysis and the Theory of Signs // *Philosophy of Science*. 1943. Vol. 10. No. 4. P. 230–247.
34. Kaplan, R. The Economics of Popular Journalism in the Gilded Age: The Detroit Evening News in 1873 and 1888 // *Journalism History*. 1995. Vol. 21. No. 2. P. 65–78.
35. Kecskemeti, P. The «Policy Sciences»: Aspiration and Outlook // *World Politics*. 1952. Vol. 4. No. 4. P. 520–535.
36. Kingsbury, S. M., Hart, H. Newspapers and the news: an objective measurement of ethical and unethical behavior by representative newspapers. New York: G. P. Putnam's Sons, Johnson Reprint Co, 1937.
37. Kracauer, S. The Challenge of Qualitative Content Analysis // *Public Opinion Quarterly*. 1952. Vol. 16. No. 4. P. 631–642.
38. Krippendorff, K. Content analysis: an introduction to its methodology. Los Angeles: SAGE, 2019. Fourth edition.
39. Kris, E., Speier, H. German radio propaganda: report on home broadcasts during the war [by] Ernst Kris and Hans Speier, in association with Sidney Axelrad [and others]. London: Oxford University Press, 1944.
40. Lasswell, H. D. A Provisional Classification of Symbol Data // *Psychiatry*. 1938.
41. Lasswell, H. D. Detection: Propaganda Detection and the Courts // *Language of politics: studies in quantitative semantics* / H. D. Lasswell, N. Leites [ed.]. Cambridge, Mass.: M. I. T. Press, 1968a.
42. Lasswell, H. D. Prussian Schoolbooks and International Amity // *Social Forces*. 1925. Vol. 3. No. 4. P. 718–722.

43. *Lasswell, H.D.* The Politically Significant Content of the Press: Coding Procedures // *Journalism Quarterly*. 1942. Vol. 19. No. 1. P. 12–23.
44. *Lasswell, H.D.* The Structure and Function of Communication in Society // *The communication of ideas* / L. Bryson [ed.]. New York: Institute for Religious and Social Studies, 1948.
45. *Lasswell, H.D.* The World Attention Survey // *Public Opinion Quarterly*. 1941. Vol. 5. No. 3. P. 456–462.
46. *Lasswell, H.D.* Why Be Quantitative? // *Language of politics: studies in quantitative semantics* / H.D. Lasswell, N. Leites [ed.]. Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1968b.
47. *Lasswell, H.D.* World politics and personal insecurity. New York: Whittlesey House, McGraw-Hill Book Co, 1935.
48. *Lasswell, H.D., Blumenstock, D.* The Technique of Slogans in Communist Propaganda // *Psychiatry*. 1938.
49. *Lasswell, H.D., Blumenstock, D.* The Volume of Communist Propaganda in Chicago // *The Public Opinion Quarterly*. 1939b. Vol. 3. No. 1. P. 63–78.
50. *Lasswell, H.D., Blumenstock, D.* World revolutionary propaganda: a Chicago study. New York: Knopf, 1939a.
51. *Lasswell, H.D., Casey, R.D., Smith, B.L.* Propaganda and promotional activities, an annotated bibliography. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1935.
52. *Lasswell, H.D., Leites, N.* Language of politics; studies in quantitative semantics. Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1968.
53. *Lavrakas, P.J.* Presidential Address: Applying a Total Error Perspective for Improving Research Quality in the Social, Behavioral, and Marketing Sciences // *Public Opinion Quarterly*. 2013. Vol. 77. No. 3. P. 831–850.
54. *Lee, A. M., Lee, E.* The fine art of propaganda. New York: Harcourt, Brace and Com., 1939.
55. *Lerner, D., Lasswell, H.D.* The Policy Sciences. Recent developments in scope and method. Stanford, 1951.
56. *Lippmann, W.* Public Opinion: By Walter Lippmann. New York: Harcourt, Brace, 1922.
57. *Lippmann, W.* The phantom public. Piscataway, NJ: Transaction Publishers, 1925.
58. *Martin, H.* Nationalism in Children's Literature // *The Library Quarterly*. 1936.
59. *Marzolf, M.T.* Civilizing voices: American press criticism, 1880–1950. New York: Longman, 1991.
60. *McDiarmid, J.* Presidential Inaugural Addresses-A Study in Verbal Symbols // *The Public Opinion Quarterly*. 1937. Vol. 1. No. 3. P. 79–82.
61. *McKenzie, V.* Treatment of war themes in magazine fiction // *Public Opinion Quarterly*. 1941. Vol. 5. No. 2. P. 227–232.
62. *Merriam, C. E.* American Publicity in Italy // *American Political Science Review*. 1919. Vol. 13. No. 4. P. 541–555.
63. *Nicolai, W.* Nachrichtendienst, presse und volksstimmung im weltkrieg. Berlin: E.S. Mittler und Sohn, 1920.
64. *Nord, D.P.* The Urbanization of American Journalism // *OAH Magazine of History*. 1992. Vol. 6. No. 4. P. 20–25.
65. *Propaganda in war and crisis: materials for American policy* / ed. D. Lerner. New York: G.W. Stewart, 1951.
66. *Rantanen, T.* Dead men's propaganda: ideology and utopia in comparative communications studies. London: LSE Press, 2024.
67. *Rogers, E. M.* A history of communication study: a biographical approach. New York, N.Y., Toronto, New York: The Free Press; Maxwell Macmillan Canada; Maxwell Macmillan International, 1994.
68. *Schudson, M.* Discovering the news: a social history of American newspapers. New York: Basic Books, 1978.

69. *Sherman, L.A.* Analytics of literature, a manual for the objective study of English prose and poetry. Boston: Ginn, 1893.
70. *Simpson, G.* Negro News in the White Newspapers of Philadelphia // Publication of the American Sociological Society. 1931. P. 157–159.
71. *Smith, B. L., Lasswell H. D., Casey R. D.* Propaganda, communication, and public opinion: a comprehensive reference guide. Princeton: Princeton University Press, 1946.
72. *Smythe, T. C.* The Gilded Age press, 1865–1900. Westport, Conn.: Praeger, 2003.
73. *Sproule, J. M.* Propaganda and democracy: the American experience of media and mass persuasion. Cambridge, U. K.: Cambridge University Press, 1997.
74. *Stuart, C.* Secrets of Crewe house: the story of a famous campaign. London: Odder and Stoughton, 1920.
75. *Sumpter, R. S.* News about News // Journalism History. 2001. Vol. 27. No. 2. P. 64–72.
76. *Taeuber, I. B.* Changes in the Content and Presentation of Reading Material in Minnesota Weekly Newspapers 1860–19291 // Journalism Quarterly. 1932. Vol. 9. No. 3. P. 281–289.
77. *Tenney, A. A.* The Scientific Analysis of the Press // The content analysis reader / K. Krippendorff, A. M. Bock [ed.]. Thousand Oaks, California: Sage Publications, 2009.
78. Trends in content analysis: papers / ed. I. de Sola Pool. Urbana: University of Illinois Press, 1959b.
79. *Walker, G. C.* A “Yardstick” for the Measurement of Country Weekly Service // Journalism Quarterly. 1930. Vol. 7. No 4. P. 293–302.
80. *Walworth, A.* School histories at war: a study of the treatment of our wars in the secondary school history books of the United States and in those of its former enemies. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1938.
81. *Weber, M.* Towards a Sociology of the Press // Journal of Communication. 1976. Vol. 26. No. 3. P. 96–101.
82. *Wilcox, D. F.* The American Newspaper: a Study in Social Psychology // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 1900. Vol. 16. No. 1. P. 56–92.
83. *Wilder, R. H., Buell, K. L.* Publicity: a manual for the use of business, civic, or social service organizations. New York: Ronald Press Co., 1923.
84. *Willey, M. M.* The country newspaper; a study of socialization and newspaper content. Chapel Hill, London: University of North Carolina Press; H. Milford, Oxford University Press, 1926. 153 с.
85. *Woodward, J. L.* Quantitative Newspaper Analysis as a Technique of Opinion Research // Social Forces. 1934. Vol. 12. No. 4. P. 526–537.

Sergey Enin

Content Analysis in the First Half of the Twentieth Century

Sergey Enin — MA sociology. E-mail: svy1380@gmail.com.

Abstract: This article traces the historical development of content analysis as a method in the social sciences, from its origins in the late nineteenth century to the first decade following the end of the Second World War. The author examines how the methodological toolkit of content analysis evolved under the influence of external factors, including the development and expansion of mass media, the emergence of state propaganda, and wartime demands. Particular attention is paid to the contributions of key figures such as Harold Lasswell and Hans Speier, as well as to the activities of specialized research centers they directed in the United States during the Second World War. The article provides a detailed discussion of various applications of content analysis aimed at identifying propaganda, examining its content, and forecasting an adversary's actions on the basis of propaganda analysis.

Keywords: content analysis, history of methods, propaganda, mass media, Harold Lasswell, Hans Speier, Second World War

For citation: Enin, S. (2026) Content Analysis in the First Half of the Twentieth Century. *Russia's Directions*. Vol. 4. No. 3. P. 9–43.

References

1. Ames, J. D. (1938) Editorial treatment of lynchings. *Public Opinion Quarterly*. No. 2(1). P. 77–84.
2. Berelson, B. (1952) *Content analysis in communication research*. Glencoe, Ill.: Free Press.
3. Bernays, E. L. (1923) *Crystallizing public opinion*. New York: Boni and Liveright.
4. Bessner, D. (2018) *Democracy in exile: Hans Speier and the rise of the defense intellectual*. Ithaca: Cornell University Press.
5. Carpenter, M. E. (Ruffin) (1941) *The treatment of the Negro in American history school textbooks: a comparison of changing textbook content, 1826 to 1939, with developing scholarship in the history of the Negro in the United States*. Menasha, Wisconsin: George Banta Publishing Company.
6. Creel, G. (1920) *How we advertised America*. New York: Harper Bros.
7. Dale, E. (1935a) *How to appreciate motion pictures: a manual of motion-picture criticism prepared for high-school*. New York: Macmillan.
8. Dale, E. (1935b) *The content of motion pictures*. New York, [NY]: Macmillan Company.
9. Dale, E. (1937) Need for Study of the Newsreels. *The Public Opinion Quarterly*. No. 1(3). P. 122–125.
10. de Sola Pool, I. (1959a) Trends in Content Analysis Today: A Summary. In: I. de Sola Pool (Ed.). *Trends in content analysis*. Urbana: University of Illinois Press.
11. de Sola Pool, I. (1969) Content Analysis and the Intelligence Function. In: A. A. Rogow (Ed.), *Politics, personality, and social science in the twentieth century: essays in honor of Harold D. Lasswell*. Chicago: University of Chicago Press.
12. de Sola Pool, I. (ed.) (1959b) *Trends in content analysis: papers*. Urbana: University of Illinois Press.
13. Dewey, J. (1927) *The public and its problems, an essay in political inquiry*. Denver: Swallow.

14. Doob, L.W. (1947) The Utilization of Social Scientists in the Overseas Branch of the Office of War Information. *American Political Science Review*. No. 41(4). P. 649–667.
15. Dovring, K. (1954) Quantitative Semantics in 18th Century Sweden. *The Public Opinion Quarterly*. No. 18(4). P. 389–394.
16. Efremenko, D.V. (ed.) (2023) *Chikagskaya shkola politicheskoi mysli (1920–1940-e gody): sbornik perevodov*. Translated by V.G. Nikolaev. Moscow: INION RAN, Otd. sotsiologii i sotsial. psikhologii, Otd. politicheskoi nauki. (In Russ.)
17. Efremenko, D.V., Nikolaev, V.G. (2024) *Mysliteli goroda vetrov. Pragmatistskaya sotsial'naya nauka v Chikago v pervoi polovine XX veka: monografiya*. Moscow: INION. (In Russ.)
18. Fenton, F. (1910) The Influence of Newspaper Presentations Upon the Growth of Crime and Other Anti-Social Activity. *American Journal of Sociology*. No. 16(3). P. 342–371.
19. Fenton, F. (1911) The Influence of Newspaper Presentations Upon the Growth of Crime and Other Anti-Social Activity. *American Journal of Sociology*. No. 16(4). P. 538–564.
20. Fondren, E. (2021) "We are Propagandists for Democracy": The Institute for Propaganda Analysis' Pioneering Media Literacy Efforts to Fight Disinformation (1937–1942), *American Journalism*. No. 38(3). P. 258–291.
21. Gary, B. (1999) *The nervous liberals: propaganda anxieties from World War I to the Cold War*. New York: Columbia University Press.
22. George, A.L. (1956) Prediction of Political Action by Means of Propaganda Analysis. *Public Opinion Quarterly*. No. 20 (1, Special Issue on Studies in Political Communication). P. 335–345.
23. George, A.L. (1959) *Propaganda analysis; a study of inferences made from Nazi propaganda in World War II*. Evanston, Ill.: Row, Peterson.
24. George, A.L. (1969) The „Operational Code“: A Neglected Approach to the Study of Political Leaders and Decision-Making. *International Studies Quarterly*. No. 13(2). P. 190–222.
25. Hansi, (Johann Jacob Waitz) и Tonnelat, E. (1922) *À travers les lignes ennemies: trois années d'offensive contre le moral allemand*. Paris: Payot & Cie.
26. Hobbs, R. и McGee, S. (2014) Teaching about Propaganda: An Examination of the Historical Roots of Media Literacy. *Journal of Media Literacy Education*. No. 6(2). P. 56–66.
27. Janis, I.L. (1943) Meaning and the Study of Symbolic Behavior. *Psychiatry*. No. 6(4). P. 425–439.
28. Janowitz, M. (1968) Harold D. Lasswell's Contribution to Content Analysis. *The Public Opinion Quarterly*. No. 32(4). P. 646–653.
29. Johnson, I.S. (1937) Cartoons. *Public Opinion Quarterly*. No. 1(3). P. 21–44.
30. Kaplan, A. (1943) Content Analysis and the Theory of Signs. *Philosophy of Science*. No. 10(4). P. 230–247.
31. Kaplan, R. (1995) The Economics of Popular Journalism in the Gilded Age: The Detroit Evening News in 1873 and 1888. *Journalism History*. No. 21(2). P. 65–78.
32. Kecskemeti, P. (1952) The „Policy Sciences“: Aspiration and Outlook. In: *World Politics*. Ed. D. Lerner & H.D. Lasswell. No. 4(4), P. 520–535.
33. Kingsbury, S.M. и Hart, H. (1937) *Newspapers and the news: an objective measurement of ethical and unethical behavior by representative newspapers*. New York: G.P. Putnam's Sons, Johnson Reprint Co.
34. Kracauer, S. (1952) The Challenge of Qualitative Content Analysis. *Public Opinion Quarterly*. No. 16(4). P. 631–642.
35. Krippendorff, K. (2019) *Content analysis: an introduction to its methodology*. Fourth edition. Los Angeles: SAGE.
36. Kris, E., Speier, H. (1944) *German radio propaganda: report on home broadcasts during the war [by] Ernst Kris and Hans Speier, in association with Sidney Axelrad [and others]*. London: Oxford University Press.

37. Lasswell, H.D. (1925) Prussian Schoolbooks and International Amity. *Social Forces*. No. 3(4). P. 718–722.
38. Lasswell, H.D. (1935) *World politics and personal insecurity*. New York: Whittlesey House, McGraw-Hill Book Co.
39. Lasswell, H.D. (1938) A Provisional Classification of Symbol Data. In: *Psychiatry*.
40. Lasswell, H.D. (1941) The World Attention Survey. *Public Opinion Quarterly*. No. 5(3). P. 456–462.
41. Lasswell, H.D. (1942) The Politically Significant Content of the Press: Coding Procedures. *Journalism Quarterly*. No. 19(1). P. 12–23.
42. Lasswell, H.D. (1948) The Structure and Function of Communication in Society. In: L. Bryson (Ed.), *The communication of ideas*. New York: Institute for Religious and Social Studies, 1948.
43. Lasswell, H.D. (1968a) Detection: Propaganda Detection and the Courts. In: H.D. Lasswell, N. Leites (Ed.), *Language of politics: studies in quantitative semantics*. Cambridge, Mass.: M.I.T. Press.
44. Lasswell, H.D. (1968b) Why Be Quantitative? In: H.D. Lasswell, N. Leites (Ed.), *Language of politics: studies in quantitative semantics*. Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1968.
45. Lasswell, H.D. (2005) *Psikhopatologiya i politika*. [Psychopathology and politics]. Moscow: Izdatel'stvo RAGS. (In Russ.)
46. Lasswell, H.D. (2021) *Tekhnika propagandy v mirovoi voine*. [Propaganda Technique in the World War]. Moscow: INION RAN. (In Russ.)
47. Lasswell, H.D. (2026) *Politika: komu dostaetsya chto, kogda i kak*. [Politics: Who Gets What, When, How]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara. (In Russ.)
48. Lasswell, H.D., Blumenstock, D. (1938) The Technique of Slogans in Communist Propaganda. In: *Psychiatry*.
49. Lasswell, H.D., Blumenstock, D. (1939a) The Volume of Communist Propaganda in Chicago. *The Public Opinion Quarterly*. No. 3(1). P. 63–78.
50. Lasswell, H.D., Blumenstock, D. (1939b) *World revolutionary propaganda: a Chicago study*. New York: Knopf (Borzoj books).
51. Lasswell, H.D., Casey, R.D., Smith, B.L. (1935) *Propaganda and promotional activities, an annotated bibliography*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
52. Lasswell, H.D., Leites, N. (1968) *Language of politics: studies in quantitative semantics*. Cambridge, Mass.: M.I.T. Press.
53. Lavrakas, P.J. (2013) Presidential Address: Applying a Total Error Perspective for Improving Research Quality in the Social, Behavioral, and Marketing Sciences. *Public Opinion Quarterly*. No. 77(3). P. 831–850.
54. Lee, A.M., Lee, E. (1939) *The fine art of propaganda*. New York: Harcourt, Brace and Com.
55. Lerner, D. (ed.) (1951) *Propaganda in war and crisis; materials for American policy*. New York: G.W. Stewart.
56. Lerner, D., Lasswell, H.D. (1951) *The Policy Sciences. Recent developments in scope and method*. Stanford ([Hoover Institute Studies]).
57. Lippmann, W. (1922) *Public Opinion: By Walter Lippmann*. New York: Harcourt, Brace.
58. Lippmann, W. (1925) *The phantom public*. Piscataway, NJ: Transaction Publishers.
59. Martin, H. (1936) Nationalism in Children's Literature. *The Library Quarterly*.
60. Marzolf, M.T. (1991) *Civilizing voices: American press criticism, 1880–1950*. New York: Longman.
61. McDiarmid, J. (1937) Presidential Inaugural Addresses-A Study in Verbal Symbols. *The Public Opinion Quarterly*. No. 1(3). P. 79–82.
62. McKenzie, V. (1941) Treatment of war themes in magazine fiction. *Public Opinion Quarterly*. No. 5(2). P. 227–232.
63. Merriam, C.E. (1919) American Publicity in Italy. *American Political Science Review*. No. 13(4). P. 541–555.

64. Merriam, C.E. (2021) *Sovremennoe sostoyanie izucheniya politiki*. [The Present State of the Study of Politics]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (zhurnal Politicheskoi Filosofii i Sotsiologii Politiki)*. No. 1(100). P. 183–192. (In Russ.)
65. Nicolai, W. (1920) *Nachrichtendienst, presse und volksstimmung im weltkrieg*. Berlin: E.S. Mittler und Sohn.
66. Nord, D.P. (1992) The Urbanization of American Journalism. *OAH Magazine of History*. No. 6(4). P. 20–25.
67. Rantanen, T. (2024) *Dead men's propaganda: ideology and utopia in comparative communications studies*. London: LSE Press.
68. Rogers, E.M. (1994) *A history of communication study: a biographical approach*. New York, N.Y., Toronto, New York: The Free Press; Maxwell Macmillan Canada; Maxwell Macmillan International.
69. Schudson, M. (1978) *Discovering the news: a social history of American newspapers*. New York: Basic Books.
70. Sherman, L.A. (1893) *Analytics of literature, a manual for the objective study of English prose and poetry*. Boston: Ginn.
71. Simpson, G. (1931) Negro News in the White Newspapers of Philadelphia. In: *Publication of the American Sociological Society*. P. 157–159.
72. Smith, B.L., Lasswell, H.D., Casey, R.D. (1946) *Propaganda, communication, and public opinion: a comprehensive reference guide*. Princeton: Princeton University Press.
73. Smythe, T.C. (2003) *The Gilded Age press, 1865–1900*. Westport, Conn.: Praeger.
74. Sproule, J.M. (1997) *Propaganda and democracy: the American experience of media and mass persuasion*. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press.
75. Stuart, C. (1920) *Secrets of Crewe house: the story of a famous campaign*. London: Odder and Stoughton.
76. Sumpter, R.S. (2001) News about News. *Journalism History*. No. 27(2). P. 64–72.
77. Taeuber, I.B. (1932) Changes in the Content and Presentation of Reading Material in Minnesota Weekly Newspapers 1860–19291. *Journalism Quarterly*. No. 9(3). P. 281–289.
78. Tenney, A.A. (2009) The Scientific Analysis of the Press. In: K. Krippendorff, A. M. Bock [Ed.], *The content analysis reader*. Thousand Oaks, California: Sage Publications, 2009.
79. Walker, G.C. (1930) A “Yardstick” for the Measurement of Country Weekly Service. *Journalism Quarterly*. No. 7(4). P. 293–302.
80. Walworth, A. (1938) *School histories at war: a study of the treatment of our wars in the secondary school history books of the United States and in those of its former enemies*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
81. Weber, M. (1976) Towards a Sociology of the Press. *Journal of Communication*. No. 26(3). P. 96–101.
82. Wilcox, D.F. (1900) The American Newspaper: a Study in Social Psychology. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. No. 16(1). P. 56–92.
83. Wilder, R.H. и Buell, K.L. (1923) *Publicity: a manual for the use of business, civic, or social service organizations*. New York: Ronald Press Co.
84. Willey, M.M. (1926) *The country newspaper; a study of socialization and newspaper content*. Chapel Hill, London: University of North Carolina Press; H. Milford, Oxford University Press.
85. Woodward, J.L. (1934) Quantitative Newspaper Analysis as a Technique of Opinion Research. *Social Forces*. No. 12(4). P. 526–537.

Д. С. Талакаускас

Искусственный интеллект на рабочем месте: современное состояние исследований в социальных науках

Дарья Сергеевна Талакаускас — стажер-исследователь Центра статистики труда и заработной платы ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. Адрес: Москва, ул. Мясницкая, д. 13, с. 4. Электронная почта: dtalakauskas@hse.ru.

Аннотация: Все большее число организаций внедряет технологии искусственного интеллекта (ИИ) в различные бизнес-процессы, вместе с чем стремительно увеличивается и количество публикаций, посвящённых различным аспектам использования ИИ в трудовой деятельности. В условиях неопределённости эффектов внедрения ИИ для рынка труда, наличия временного лага его интеграции, а также новизны и одновременно высокой актуальности технологии, возникает необходимость систематического анализа уже существующих исследований по данной теме. В настоящей работе с использованием библиометрического анализа описывается текущее состояние исследовательского поля, посвящённого ИИ на рабочем месте в социальных науках ($n = 1344$), на основе базы данных Web of Science (WoS). Согласно полученным результатам, рост интереса к данной тематике начался в 2017 году, а фаза активного увеличения публикационной активности — в 2022 году, совпадая с появлением ChatGPT. В рамках анализа были выделены две интеллектуальные школы — экономическая и менеджерская, — исследующие ИИ в трудовой сфере на макро- и микроуровнях. Концептуальная структура поля включает исследования технологического, организационного и социального уровней. Работа имеет ряд методологических ограничений, значительная часть которых связана с использованием базы данных WoS. Полученные результаты представляют ценность как для начинающих исследователей, так и для специалистов, уже работающих в данной области, поскольку обеспечивают целостное и обобщённое представление о состоянии нового исследовательского поля.

Ключевые слова: искусственный интеллект, рынок труда, занятость, библиометрический анализ, цифровизация, автоматизация

Для цитирования: Талакаускас, Д. С. Искусственный интеллект на рабочем месте: современное состояние исследований в социальных науках // Пути России. 2026. Т. 4. № 3. С. 44–67.

Введение

Число организаций, внедряющих технологии искусственного интеллекта (ИИ) в различные бизнес-процессы (маркетинг, рекрутинг, логистика и др.), увеличивается. Согласно исследованию McKinsey, в 2024 году 72% организаций использовали ИИ по крайней мере в одном бизнес-процессе по сравнению с 55% в 2023 году [Singla et al., 2024].

Внимание к ИИ-технологиям связано со множеством факторов: возможностью ИИ выполнять отдельные задачи лучше человека, широким спектром выполняемых задач, возможностью их автоматизации и другими [Acemoglu & Restrepo, 2018; Zhou et al., 2019; Banh, Strobel, 2023]. Люди применяют технологии ИИ в различных сферах: для учебы, работы, в качестве развлечения, хобби и других областях [Кузина и др., 2024]. В данной работе рассматривается сфера труда. Интеграция технологий искусственного интеллекта требует значительных материальных ресурсов и человеческого капитала, а также организационных изменений, к чему на данном этапе могут быть готовы не все организации или интеграция может находиться на ранней стадии [Jöhnk et al., 2021; Benbya et al., 2020]. Кроме того, новизна явления в сочетании с его стремительным развитием затрудняет формирование у исследователей представления о существующем дискурсе в социальных науках.

Внедрение ИИ-технологий является не только событием в технологической сфере, но и социальным явлением [Lindgren & Holmström, 2020]. Несмотря на рост числа публикаций в данной области, её структура не стала предметом системного библиометрического анализа. Это создает проблему фрагментарности знаний: накоплено много работ, но отсутствует целостная картина ключевых направлений, авторов и тематических кластеров. Данное исследование восполняет этот пробел, представляя собой библиометрический анализ становления исследовательской области.

Основной целью исследования является описание существующей области исследований ИИ в контексте труда. Первая задача заключается в определении момента возникновения данной области и начала её роста. Вторая задача — в оценке её интеллектуальной структуры, включая выявление ключевых авторов и научных школ. Третья задача связана с анализом концептуальной структуры области, а именно — с выявлением основных семантических направлений. Ожидается, что в силу новизны данной области рост исследовательской активности начался сравнительно недавно. В рамках социальных наук также уделяется внимание воздействию искусственного интеллекта на сферу труда [Lane & Williams, 2023], однако выделение конкретных направлений и интеллектуальных школ на данном этапе представляется затруднительным.

Полученные результаты имеют значение, во-первых, для начинающих исследователей, поскольку позволяют ориентироваться в ключевых авторах, темах и институциях и тем самым способствуют развитию исследовательской области. Во-вторых, они значимы для специалистов, уже активно работающих в данной области, поскольку предоставляют агрегированное представление о накопленном знании.

Теоретические основания работы

Подходы к пониманию искусственного интеллекта

Существует множество определений искусственного интеллекта (ИИ). Так, согласно публикации Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), данная технология понимается как «машинная система, способная воздействовать на окружающую среду посредством выработки рекомендаций, прогнозов или решений для достижения заданных целей» [Broescke, 2023]. Современные ИИ-технологии, интегрируемые в деятельность организаций, скорее могут быть охарактеризованы как выполняющие отдельные узкоспециализированные задачи, «слабый» ИИ (Narrow AI), тогда как разработка «сильного» искусственного интеллекта (Artificial General Intelligence, AGI) всё ещё продолжается [Acemoglu & Restrepo, 2018]. Текущий уровень внедрения ИИ более точно описывается через концепцию узкого ИИ [Acemoglu & Restrepo, 2018]. Обобщённое понимание ИИ порождает опасения, связанные с возможностью замещения человека технологиями [Benbya et al., 2020].

В исследовании Линдгрэн и Хольстрём (2020) выделяется несколько подходов к анализу ИИ в социальных науках. Первый из них — «человек и машина в контексте» (humans and machines in context), в рамках которого изучаются возможные формы взаимодействия ИИ и человека, в том числе в повседневных практиках. Второй подход — «ИИ-агенты как социальные акторы» (AI agents as social actors), где человек и ИИ рассматриваются как аналитически равные участники взаимодействия, а у человека нет привилегированного статуса. Хотя авторы напрямую не ссылаются на акторно-сетевую теорию (ANT), данное положение соответствует указанной теоретической рамке [см. Latour, 2005; Law, 1992]. ИИ также может рассматриваться как «социальный конструкт» (AI as a social construction): «он формируется, определяется и приобретает социальное значение в зависимости от того, как он интерпретируется и понимается, а также от того, какие надежды и страхи с ним символически связываются»

[Lindgren & Holmström, 2020, p. 9]. Наконец, четвёртым подходом является анализ ИИ в рамках «датафикации в контексте исследовательских методов» (datafication in relation to research methods).

В социальных науках имеет место взгляд, согласно которому понимание искусственного интеллекта определяется не столько самими технологиями, сколько социальными представлениями о них [Collins, 1990]. Особое внимание уделяется сходству с человеческим интеллектом, что в большей степени отражает не фактическую функциональность технологий, а их предполагаемые амбиции и потенциальные возможности [Городецкий & Юсупов, 2020].

Развитие искусственного интеллекта: что под ним понимали

Понятие «искусственного интеллекта» претерпело значительные изменения в рамках технологического развития; под ИИ понимали разное на разных стадиях технологического развития. В исследовании Амбани и Ратод (2025) выделяются три исторических этапа его развития. Первый этап — символический ИИ (или системы, основанные на «правилах»), ориентированный на решение задач. Такое понимание ИИ характерно для XX века (с 1950-х по 1990-е годы). Основная идея заключалась в том, что при достаточном уровне программирования и объёме загруженных данных машина сможет обладать признаками интеллекта / интеллектуальными способностями. В рамках данного подхода ИИ использовался как технология для построения семантических сетей, программирования и выполнения других узкоспециализированных задач.

Второй этап развития ИИ обозначается как коннекционизм [Ambani & Rathod, 2025]. На данном этапе технологии ориентированы на распознавание паттернов, а теоретическая основа их функционирования опирается на исследования в области изучения когнитивной деятельности человека. В отличие от символического подхода, новая парадигма предполагала использование человеческого мозга в качестве модели, при этом базовой единицей становилась искусственная нейронная сеть (artificial neural network, ANN или NN) [Ben Dalla et al., 2024].

Далее, примерно в 2010-е годы, ключевую роль стало играть глубокое обучение (deep learning). В центре внимания оказываются технологии распознавания изображений, обработки естественного языка и другие смежные области. Существенным прорывом стала работа Крыжевски и коллег (2012) «ImageNet Classification with Deep Convolutional Neural Networks», которая способствовала переходу глубокого обучения из теоретической области в практическую плоскость, то есть применимости к реальным масштабным задачам.

Современный этап развития ИИ связан с распространением генеративного искусственного интеллекта (ChatGPT, DeepSeek, Gemini и др.) [Ambani & Rathod, 2025]. Данные технологии вызвали значительный интерес, поскольку позволяют не только осуществлять прогнозирование, но и генерировать различные типы данных — тексты, изображения, аудио и другие. Основной интерес к ним во многом обусловлен их способностью «коммуницировать подобно человеку» [Chatterjee & Dethlefs, 2023], что сближает их с пользователями и усиливает вовлечённость в использование технологий. Благодаря генеративной функции такие технологии находят применение от сферы сервиса до сферы образования, в которой они используются в качестве инструмента поддержки студентов и исследователей, а также в маркетинге и дизайне для создания текстового и визуального контента [Casheekar et al., 2024]. Несмотря на то, что ИИ способен выполнять отдельные задачи лучше человека, особенно в случае современных генеративных моделей, среди пользователей сохраняется определённый уровень недоверия к данным технологиям [Benbya et al., 2020]. Это связано с такими проблемами, как непрозрачность результатов, снижение автономии работников и вопросы конфиденциальности данных [Ibid].

Влияние искусственного интеллекта на труд

Воздействие искусственного интеллекта на труд можно описать, выделив стороны трудовой деятельности. Это связано с наличием количественных и качественных изменений в деятельности организаций, а также многосторонним характером сферы труда в целом.

Исследователи рассматривают различные эффекты, оказываемые ИИ на трудовую деятельность. С одной стороны, рассматриваются эффекты на уровне организаций. Одним из наиболее популярных эффектов является рост производительности труда, который подтверждался рядом исследователей [Appel et al., 2025; Kassa & Worku, 2025]. Рост производительности труда как эффект интеграции ИИ может быть обусловлен качественными изменениями, связанными с его внедрением: снижением неопределённости за счёт повышения точности прогнозирования [Agrawal et al., 2018], а также созданием новых инноваций [Gordon, 2018; Damioli et al., 2021]. Низкие темпы роста производительности труда после внедрения ИИ могут быть связаны с «временным лагом» [Brynjolfsson et al., 2017], возникающим вследствие необходимости адаптации организаций к новым технологиям, реорганизации деятельности и обучения сотрудников.

Другим исследовательским доменом является изучение страхов работников, связанных с тем, что ИИ вытеснит их с рынка труда.

Данный страх подтверждается опросами работников [см.: OECD, 2023]. Однако в контексте занятости, напротив, возможно увеличение спроса на труд наряду с ростом производительности, что сопровождается потребностью в высококвалифицированных специалистах, обладающих специализированными навыками в области искусственного интеллекта [Benbya et al., 2020; Acemoglu & Restrepo, 2018]. Для преодоления дефицита навыков компании организуют обучение сотрудников работе с новыми технологиями, а также привлекают специалистов в области ИИ, способных поддерживать функционирование внедрённых систем. В то же время вследствие новизны данной области и широты применения ИИ-технологий, возникает так называемая «проблема талантов» [Benbya et al., 2020], при которой спрос на специализированные кадры растёт, тогда как требования к ним и набор необходимых компетенций остаются недостаточно определёнными.

Значимым вкладом в исследование рассматриваемых эффектов внедрения ИИ является работа Acemoglu и Restrepo (2018). Авторы предлагают отказаться от распространённого представления о «конце труда» и использовать подход, основанный на анализе задач (task-based approach), рассматривая задачу как базовый элемент автоматизации. Поскольку во многих организациях ИИ находится на стадии адаптации и характеризуется низкой степенью интеграции, компании могут не наблюдать роста производительности вследствие «эффекта вытеснения»: технологии ИИ автоматизируют отдельные задачи, не требующие глубокого участия человека, что приводит к умеренному сокращению рабочих мест без существенного роста производительности. Вместе с тем автоматизация задач посредством внедрения ИИ может освобождать работников от «утомительных» или «отчуждающих» видов деятельности [Ramos et al., 2022], позволяя им сосредоточиться на задачах, требующих более глубокого вовлечения, тогда как ранее автоматизированные процессы могут подвергаться ещё более глубокой автоматизации с использованием ИИ [Acemoglu & Restrepo, 2018].

На уровне работника рассматриваются не только субъективные страхи или технофобия [McClure, 2018; Wang, Lu, 2025], но и трансформация навыков: как требуемых, так и тех, какими работники актуально обладают. Наблюдается рост спроса на ИИ-навыки [Терников, 2023], а те предложения вакансий, где есть требование к ИИ-навыкам, предлагают большую заработную плату [Alekseeva et al., 2021]. Со стороны кадров наблюдается проблема недостаточной осведомленности об ИИ; для обучения же ИИ-навыкам требуются дополнительное время, деньги и качественные учебные материалы [Sidhu et al., 2024]. При этом работнику теперь становится необходимо обладать как цифровыми, так и социальными / когнитивными навыками одновременно [Obermayer et al., 2023]. Ситуация, в которой обладание цифровыми навыками является необходимым, в том числе ИИ-навыками, может создавать ситуацию цифро-

го разрыва, где одна группа оказывается неспособной использовать ИИ и цифровые технологии, тогда как другая за счёт этого получает конкурентное преимущество [Schislyaeva & Saychenko 2022].

Методология исследования

О библиометрическом методе

Для ответа на поставленные исследовательские вопросы был использован библиометрический метод. Библиометрический анализ позволяет рассматривать научные работы по таким показателям, как год публикации, страна, авторы, аффилиации и др. [Donthu et al., 2021]. Он может использоваться для выявления новых тенденций в уже устоявшейся области, проследить формирование новой области (как в этой работе), исследовать модели международного сотрудничества в области, её состав, концептуальную и интеллектуальную структуру [Ibid]. Преимуществом библиометрического анализа является выделение наиболее значимых публикаций по заданной теме, что позволяет исследователям ориентироваться в постоянно растущем массиве публикаций и избегать фрагментарного восприятия области [Kumar, 2025, p. 60–61].

Однако данный метод обладает ограничениями. Так, собранные данные могут содержать ошибки и пропуски, что может влиять на анализ [Donthu et al., 2021]. Кроме этого, результаты анализа могут быть использованы только для краткосрочного прогнозирования тенденций в области [Ibid].

Сбор данных

Для сбора данных была выбрана база цитирования Web of Science (WoS) как одна из крупнейших наряду со Scopus, Lens и другими. На первом этапе был сформирован поисковый запрос для отбора исследований. С одной стороны, запрос должен был включать термины, связанные с «искусственным интеллектом», а с другой — термины, относящиеся к «труду». В первом случае использовались исключительно термины «AI» и «artificial intelligence». Ограничение набора терминов было направлено на выявление работ, в которых используется именно данное понятие, а не его аналоги или обозначения отдельных технологий, что было важно для анализа того, как труд и занятость исследуются с точки зрения самого понятия — ИИ. Во вто-

ром случае использовались различные вариации термина «труд»; поисковый запрос представлен ниже:

“artificial intelligence” OR “AI”) AND (“work*” OR “labor*” OR “labour*” OR “job*” OR “employ*” OR “occupation*” OR “workplace”*)

На втором этапе был проведён поиск исследований. При первоначальном поиске по заголовкам, ключевым словам и аннотациям после фильтрации по области социальных наук было найдено более 9 000 публикаций. Проблема заключалась в том, что связь с трудом могла упоминаться в аннотации, тогда как фактическая тема исследования не соответствовала заявленной проблематике. Для решения этой проблемы поиск был ограничен только ключевыми словами (keywords и keywords plus). Такой подход позволил устранить несоответствие тематике исследования. Вместе с тем нельзя исключать, что часть релевантных исследований не вошла в выборку, что представляет собой ограничение данного исследования.

Далее был применён фильтр по областям исследования с целью исключения работ из таких дисциплин, как компьютерные науки, и фокусирования на социальных науках. В выборку были включены следующие области: психология, экономика и бизнес, государственное управление, прочие области социальных наук, социальные проблемы, социология, социальная работа, антропология, математические методы в социальных науках, демография, коммуникации (communication), урбанистика и культурные исследования. Следует отметить, что указанные области основаны на классификации WoS; некоторые дисциплины, которые могли бы быть отнесены к социальным наукам, не вошли в список, поскольку отсутствовали в результатах поиска. Таким образом, были отобраны все области, соответствующие социальным наукам, на основе полученной выборки. Это означает, что исключение отдельных работ произошло на предыдущем этапе — при формировании поискового запроса.

Итоговая выборка

Сбор данных был осуществлён в октябре 2025 года. Итоговая выборка включила 1 344 исследования, большинство из которых представляют собой статьи (88,62%). В выборку также вошли материалы конференций (n = 74), обзорные статьи (n = 54), редакционные материалы (n = 19) и другие типы публикаций. Подавляющее большинство работ опубликовано на английском языке (n = 1312; 99,62%), однако присутствуют исследования на испанском (n = 13), русском (n = 10), португальском (n = 5) и других языках. Следует отметить отсутствие публикаций

на азиатских языках в базе данных, что является существенным ограничением WoS.

Выборка охватывает исследования за период с 1991 по 2026 годы. Поскольку сбор данных проводился в конце 2025 года, на момент сбора уже были опубликованы четыре статьи за 2026 год. Средний возраст публикаций составил 1,73 года, что свидетельствует о преобладании недавних исследований. Согласно данным WoS, среднее число цитирований на одну публикацию составило 23,19, что в сочетании с их недавней датой выхода указывает на актуальность исследуемой области и высокую интенсивность её развития.

Анализ данных

Для анализа данных использовалась среда R Studio версии 4.3.1, в частности пакет *bibliometrix* и приложение *biblioshiny* [Aria & Cuccurullo, 2017]. Пакет *bibliometrix* позволяет работать с библиометрической информацией из научных публикаций, представленных в различных популярных базах цитирования, включая WoS, Scopus, Google Scholar и ScienceDirect. Данный пакет предоставляет возможность для проведения различных видов анализа, включая описательные статистики по базе данных, а также построение сетей цитирования авторов, публикаций и стран, анализ частоты ключевых слов и междисциплинарного сотрудничества. Приложение *biblioshiny* существенно упрощает процесс анализа, предоставляя готовый настраиваемый интерфейс для проведения исследований [Bibliometrix, n. d.; Aria & Cuccurullo, 2017].

В рамках выборки наблюдались пропуски по ряду переменных. Так, в небольшом числе исследований отсутствовали списки цитируемой литературы, сведения об аффилиации или об ответственном авторе. Среди всех публикаций у 1.64% отсутствовали аннотации, у 2.01% — ключевые слова, у 20.68% — дополнительные ключевые слова (*keywords plus*), а у 4.17% отсутствовал DOI (см. Табл. 1). Следует отметить, что наличие пропусков не препятствует проведению анализа, а отсутствие дополнительных ключевых слов компенсируется наличием авторских ключевых слов.

Анализ был разделён на три части: описание становления исследовательской области с точки зрения количества публикаций по теме в динамике, анализ интеллектуальных школ и авторов, а также выявление семантических полей на основе ключевых слов. В рамках анализа применялись описательные статистики по таким параметрам, как год публикации, авторы исследования, источники работ и страны исследования. Для достижения первых двух целей исследования были построены сети совместной встречаемости (*co-occurrence networks*) для публикаций и ключевых слов с объединением основных

Табл. 1. Число пропущенных значений в базе данных

Тип данных	Число пропущенных значений	Доля пропущенных значений от общего числа
Автор	0	0.00
Тип документа	0	0.00
Журнал	0	0.00
Язык	0	0.00
Год публикации	0	0.00
Название	0	0.00
Количество цитирований	0	0.00
Цитируемые источники	6	0.45
Аффилиация	11	0.82
Ответственный автор	11	0.82
Аннотация	22	1.64
Ключевые слова	27	2.01
DOI	56	4.17
Дополнительные ключевые слова	278	20.68

и дополнительных ключевых слов. При построении концептуальной структуры использовался список стоп-слов: “artificial intelligence”, “ai”, “artificial”, “intelligence”, “artificial intelligence (ai)” и “artificial-intelligence”. Первичный анализ показал, что отсутствие списка стоп-слов приводит к искажению семантического анализа, выражающемуся в доминировании узлов, связанных с различными синонимами термина «искусственный интеллект». После введения списка стоп-слов результаты стали интерпретируемыми, поскольку были выделены тематические области, выходящие за пределы синонимии ИИ.

Результаты исследования

Формирование исследовательской области

Первые исследования в области взаимосвязи искусственного интеллекта и труда появились ещё в 1990-е годы, однако носили единичный характер ($n = 4$) и преимущественно относились к сфере менеджмента и принятия решений. Рост числа публикаций начинается с 2017 года, а особенно стремительное увеличение наблюдается с 2022 года; в этом же году был представлен ChatGPT (см. Рис. 1). Наиболее цитируемой работой, опубликованной до роста популярности темы в 2017 году, является исследование Исса и др. (2016), посвящённое применению искусственного интеллекта в аудите: на момент сбора данных, согласно WoS, оно имело 155 цитирований (при этом, согласно Google Scholar, статья была процитирована 755 раз).

Анализ концептуальной структуры исследований за период с 2017 по 2021 год ($n = 198$) показал, что до появления ChatGPT — генеративной модели, ставшей доступной широкой публике — центральное место в поле социальных наук занимала тематика будущего: узел «будущее» оказался ключевым. Данная проблематика рассматривалась в контексте робототехники, менеджмента и больших данных (соответствующие узлы входят в тот же кластер, что и «будущее»). Другой кластер исследований 2017–2021 годов был посвящён потенциальным будущим эффектам искусственного интеллекта на труд; здесь центральным

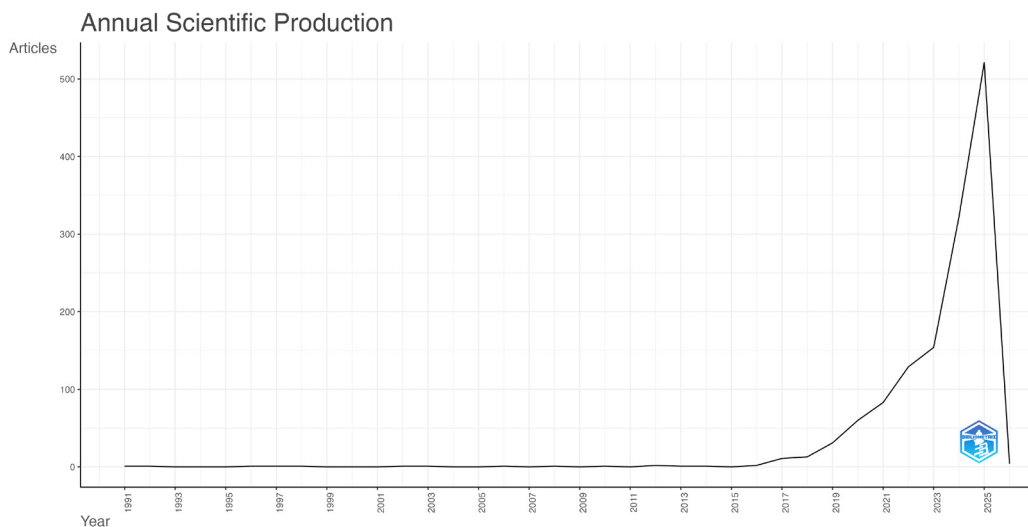

Рис. 1. Ежегодный объем научных публикаций

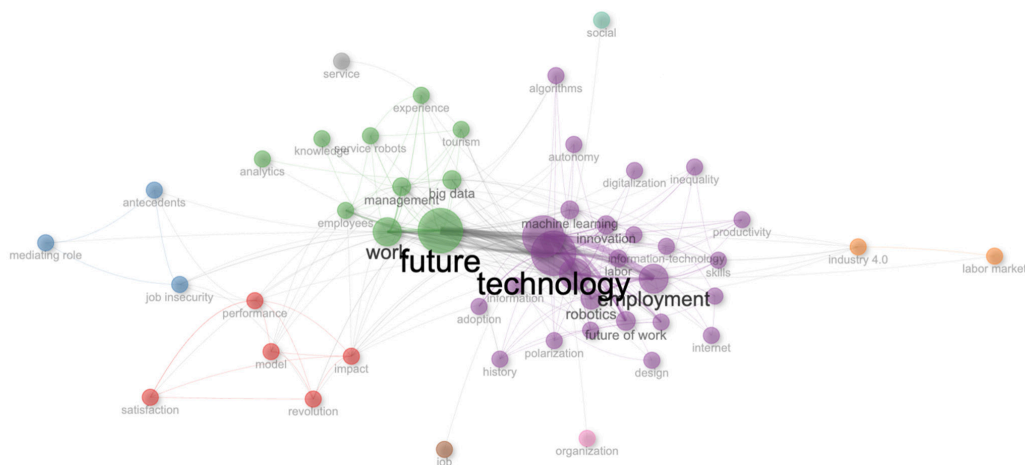

Рис. 2. Концептуальная структура: Сеть совместной встречаемости ключевых слов (2017–2021 гг.)

выступает узел «технология». В рамках этого направления часто изучались такие темы, как поляризация, неравенство, цифровизация, инновации, робототехника, автономия и алгоритмы. Кроме того, существовали и другие, менее крупные исследовательские кластеры (см. Рис. 2).

С 2017 года, когда начался подъём интереса к теме, число исследований неуклонно росло с ускоряющейся динамикой: если в 2022 году было опубликовано 129 работ, а в 2023 — 154, то в 2024 году их число достигло уже 322, а в 2025 — 521 (из исследований, попавших в выборку этой работы). Таким образом, в 2025 году количество исследований оказалось в 1,62 раза выше, чем в 2024 году.

Ключевые авторы и интеллектуальные школы

Современные исследования в области искусственного интеллекта и труда сосредоточены преимущественно в Китае и США: на Китай приходится 18,7% публикаций, на США — 15,1%. До 2024 года лидером в этой сфере оставались США, однако с этого момента первенство перешло к Китаю. Следует отметить, что в целом именно эти страны демонстрируют наибольшую публикационную активность [Fontelo & Liu, 2018]. Далее по количеству публикаций по теме в социальных науках следуют Великобритания (8,1%), Германия (4,4%) и Австралия (4,2%).

Среди научных учреждений наибольшее значение в данной области имеют: Экономическая академия Бухареста (n = 50 публикаций),

Оксфордский университет ($n = 39$), Университет Сунь Ятсена ($n = 24$), Северо-западный университет в США ($n = 23$) и Национальный университет Сингапура ($n = 21$). Экономическая академия Бухареста занимает лидирующую позицию по числу публикаций, что во многом связано с проведением университетом многочисленных мероприятий по данной тематике, наиболее значимыми из которых являются 18-я и 19-я Международная конференция по совершенствованию бизнеса в 2024 и 2025 годах соответственно. Оксфордский университет предлагает краткосрочную шестинедельную программу по искусственному интеллекту, реализуемую при участии экспертов в области менеджмента, бизнеса и экономики [University of Oxford, Saïd Business School, n.d.]. Кроме того, на сайте университета представлено значительное количество публикаций, посвящённых влиянию ИИ на различные сферы, а также его применению внутри университета [University of Oxford, n.d.-a]; в частности, университет предоставил всем студентам и сотрудникам подписку на ChatGPT [University of Oxford, n.d.-b]. Университет Сунь Ятсена проводит специализированные конференции по искусственному интеллекту, а на факультете информационных технологий действует Школа искусственного интеллекта [Sun Yat-sen University, n.d.]. Среди научных ресурсов в области социальных наук наиболее значимыми оказались журналы *Technological Forecasting and Social Change* ($n = 30$), *Journal of Business Research* ($n = 37$) и *Frontiers in Psychology* ($n = 25$).

Далее были проанализированы ведущие авторы в области искусственного интеллекта и труда. Среди отдельных исследователей наибольшую продуктивность демонстрируют представители Китая: Ли Х. (Li X.) и Чжан Х. (Zhang X.), у каждого из которых по 13 публикаций по данной теме. Затем была построена концептуальная структура публикаций. Полученные результаты оказались неудовлетворительными, поскольку значительное число работ не содержало информации об авторстве, что привело к смещению узлов в сети.

В результате анализа были выявлены два кластера работ и, соответственно, авторов (см. Рис. 3). К первому кластеру относятся Карл Фрей (наиболее крупный узел), Дэвид Отор, Дарон Аджемоглу и Эрик Бринолфссон. Все указанные авторы являются экономистами и аффилированы с ведущими университетами, такими как Массачусетский технологический институт (MIT), Оксфордский и другие. Особого внимания заслуживает работа Карла Фрея и Майкла Осборна, формирующая данный кластер и опубликованная в 2017 году. Она посвящена влиянию компьютеризации, включая внедрение искусственного интеллекта, на рынок труда [Frey & Osborne, 2017] и насчитывает более 18 000 цитирований в Google Scholar, что подчёркивает её значимость для исследований в области ИИ и труда. Кроме того, данная работа выступает важным связующим элементом между исследованиями.

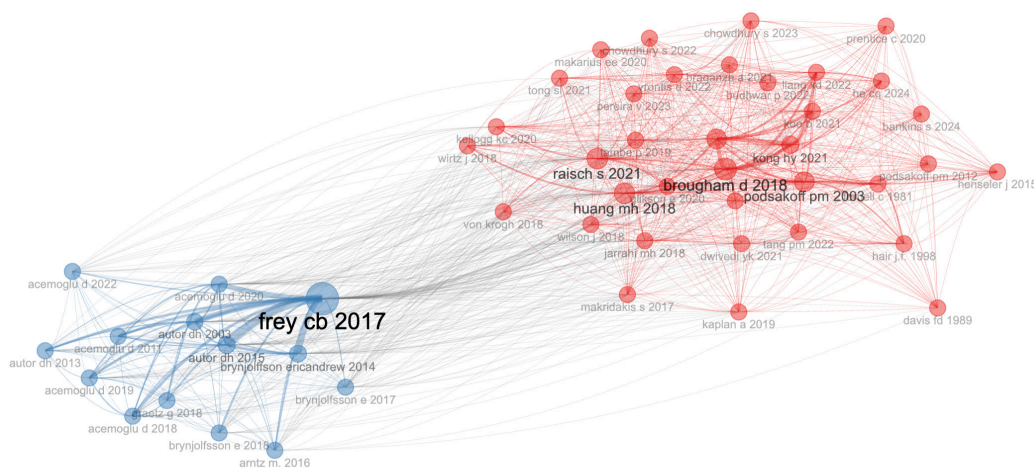

Рис. 3. Сеть цитирования публикаций (1991–2026)

Второй кластер включает большее количество уникальных авторов и работ; крупнейшие узлы представлены работами Себастьяна Райша и Себастьяна Краковски [Raisch & Krakowski, 2021], Мин-Хуэй Хуана и Роланда Т. Раст [Huang & Rust, 2018], Дэвида Брогами и Джерода Хаара [Brougham & Naar, 2018]. Эти исследования отражают управленческую (менеджерскую) перспективу, а их авторы аффилированы с факультетами менеджмента в различных странах (Тайвань, Новая Зеландия, Швеция и др.), что отличает данный кластер от первого. Таким образом, на уровне изучения искусственного интеллекта в сфере труда можно выделить две исследовательские школы: экономическую и управленческую. Если первая анализирует эффекты ИИ и цифровизации на рынке труда на агрегированном макроуровне, то вторая фокусируется на уровне организаций и работников, переходя к анализу на уровне отдельных индивидов.

Семантические области

Для выявления семантических областей исследований искусственного интеллекта и труда была построена сеть совместной встречаемости ключевых слов за все годы, представленные в базе данных. В общей сложности было выделено три кластера (см. Рис. 4).

Для первого кластера наибольшими узлами являются слова «technology», «automation», «employment», «jobs», «innovation» и др. Центральной темой выступает трансформация рабочего места

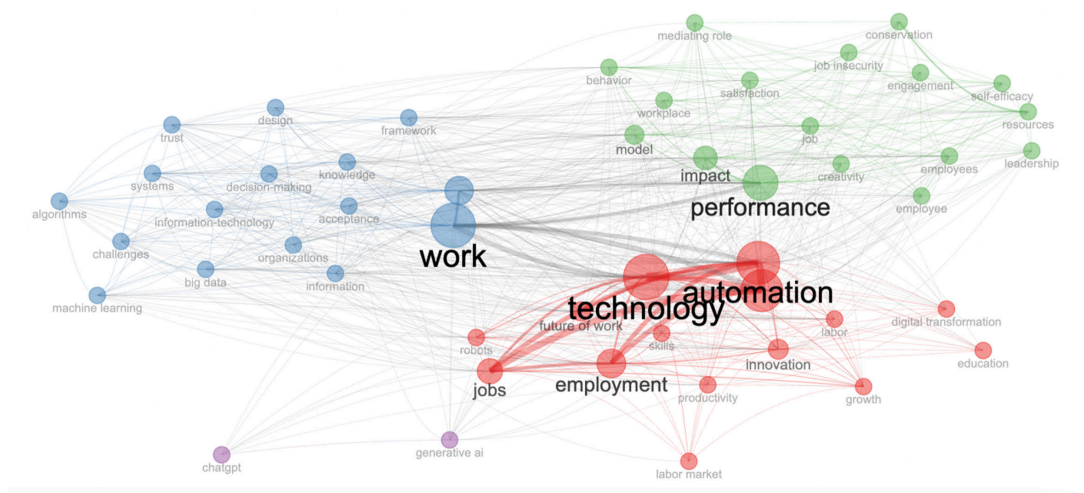

Рис. 4. Концептуальная структура: Сеть совместной встречаемости ключевых слов (1991–2026)

и автоматизация задач. Второй кластер сосредоточен вокруг таких терминов, как «work», «management», «organizations», «framework», «decision-making», «algorithms» и др. Данная концептуальная область исследует управленческие аспекты использования ИИ в сфере труда: каким образом ИИ интегрируется в процессы принятия решений и управления на уровне организаций. Третий кластер представлен такими ключевыми узлами, как «performance», «impact», «model», «creativity», «workplace», «satisfaction» и др. Таким образом, он охватывает преимущественно аспекты труда в контексте внедрения ИИ в виде удовлетворённости, ощущения незащищённости, возможности самовыражения (узел «leadership») и другие характеристики. В рамках данного направления анализируется влияние ИИ на индивидуальную продуктивность и адаптацию работников к новым технологиям. Можно предположить, что первый кластер соответствует экономике, второй — менеджменту, а третий — психологии и социологии.

Дополнительный анализ той же сети за 2025–2026 годы показал, что узлы «performance» и «future» приобрели больший вес. Это может свидетельствовать о постепенном преодолении разрыва во внедрении технологий и смещении исследовательского фокуса в сторону организационных аспектов ИИ, по мере достижения достаточного уровня его интеграции для осмысления данного феномена. Однако даже при растущем уровне внедрения сохраняются вопросы о долгосрочных последствиях — в частности, о неопределённости будущего труда в условиях внедрения ИИ.

Обсуждение результатов

Библиометрический анализ позволил получить ряд значимых результатов относительно развития области исследований ИИ в сфере труда. Во-первых, было установлено, что, несмотря на наличие отдельных публикаций ещё в 1990-е годы, формирование данной области началось сравнительно недавно — в 2017 году. Наиболее интенсивный рост числа публикаций наблюдается с 2022 года, когда был представлен ChatGPT. До появления ChatGPT исследования преимущественно были сосредоточены на тематике «будущего», то есть на потенциальных эффектах ИИ, оказываемых на рынок труда. Однако возможность ведения диалога с человеком [Chatterjee & Dethlefs, 2023] не осталась незамеченной, и по мере роста интереса к данной технологии стало появляться всё больше исследований. При этом акцент сместился не только на будущее, но и на эффекты и практики, а также на уже наблюдаемые изменения в сфере труда.

Было показано, что основными странами, производящими исследования ИИ в контексте труда, являются Китай, занявший лидирующую позицию в 2024 году, и США, что являлось ожидаемым [Fontelo & Liu, 2018]. Среди научных журналов наибольшее значение имеют *Technological Forecasting and Social Change*, *Journal of Business Research* и *Frontiers in Psychology*; к ним требуется особое внимание.

Кроме того, были выделены две интеллектуальные школы в исследовании ИИ на рынке труда: экономическая и управленческая. Они отражают различия в исследовательских подходах: экономическая школа анализирует явления на макроуровне, с точки зрения систем и рынков, тогда как управленческая школа фокусируется на микроуровне — на организациях, управлении, ресурсах и персонале [Ostapenko, 2024; Zawada, 2023]. Соответственно, данные школы представляют различные уровни и объекты анализа ИИ в сфере труда.

На концептуальном уровне были выделены три семантические области: (1) трансформация рабочего места и автоматизация задач; (2) управленческие аспекты использования ИИ; (3) аспекты удовлетворенности, креативности и защищенности в условиях развития и внедрения ИИ. Как отмечалось, данные кластеры хорошо соотносятся с дисциплинами социальных наук — экономикой, менеджментом, психологией и социологией. Полученные результаты соотносятся с теорией Стивена Барли (2020), согласно которой технологии, включая искусственный интеллект, не просто замещают работников, но встраиваются в социальные структуры и организацию труда, трансформируя, в том числе, профессиональные идентичности. Автор предлагает рассматривать технологические изменения на трёх уровнях: технологическом, организационном и социальном [Barley, 2020]. В данном исследовании первый кластер (трансформация труда

и автоматизация задач) соответствует технологическому уровню, второй (управленческие аспекты) — организационному, а третий (психологические и «социологические» аспекты) — социальному. Таким образом, можно заключить, что современные исследования ИИ в сфере труда по-прежнему сосредоточены на анализе изменений, вызванных внедрением технологий, рассматриваемых на трёх уровнях.

Современная область исследований ИИ в социальных науках представляет собой сложное междисциплинарное поле, в рамках которого исследователи из различных направлений стремятся осмыслить новый феномен. По этой причине исследования последних лет продолжают уделять внимание будущему, но уже в сочетании с анализом организационных аспектов и влияния на труд, что связано с сокращением временного лага от внедрения технологии до непосредственных результатов этого внедрения [Brynjolfsson et al., 2017].

С одной стороны, результаты работы позволяют выделить ключевые темы, институты и авторов, а с другой — дают целостное представление о структуре исследовательского поля. Использование этих результатов способствует более комплексному анализу проблемы внедрения ИИ в сферу труда и позволяет ориентироваться в быстро растущем массиве публикаций.

Вместе с тем исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, в силу анализа ограниченного числа публикаций (в рамках выбранных ключевых слов и использования одной базы данных) часть работ могла не попасть в выборку. Соответственно, поисковый запрос может быть расширен, а также целесообразно использование нескольких баз данных. Кроме того, возможно применение альтернативных механизмов отбора, не ограничивающихся ключевыми словами, включая дополнительную ручную селекцию публикаций. Ограничением использования WoS является отсутствие в выборке статей на азиатских языках, что ранее отмечалось другими исследователями [Mongeon & Paul-Hus, 2015]. Однако в выборку всё же вошли работы исследователей из Азии, что можно наблюдать по результатам исследования. Также стоит указать на смещение базы в сторону естественных наук и возможную недостаточную представленность социальных исследований [Singh et al., 2020; Mongeon & Paul-Hus, 2015], что также следует учитывать применительно к данной работе, несмотря на широкий охват базы. В базе данных также были замечены пропуски, хоть и незначительные в рамках общего числа исследований.

Литература

1. Городецкий, В. И., Юсупов, Р. М. Искусственный интеллект: метафора, наука и информационная технология // *Мехатроника, автоматизация, управление*. 2020. № 21(5). С. 282–294. <<https://doi.org/10.17587/mau.21.282-293>>.
2. Кузина, Л. С., Полякова, В. В., Талакаускас, Д. С. От фантастики к реальности: ИИ в руках населения. ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2024. [Online] <<https://issek.hse.ru/news/996374628.html>>. [Дата обращения: 07.01.2026]
3. Терников, А. А. Искусственный интеллект и спрос на навыки работников в России // *Вопросы экономики*. 2023. № (11). С. 65–80.
4. Acemoglu, D., Restrepo, P. Artificial intelligence, automation, and work // *The economics of artificial intelligence: An agenda* / Agrawal A., et al. (eds.). Chicago, London: University of Chicago Press, 2018. P. 197–236.
5. Agrawal, A., Gans, J. S., Goldfarb, A. Prediction, judgment, and complexity: a theory of decision-making and artificial intelligence. // *The economics of artificial intelligence: An agenda* / Agrawal A., et al. (eds.). Chicago, London: University of Chicago Press, 2018. P. 89–110.
6. Alekseeva, L., Azar, J., Giné, M., Samila, S., Taska, B. The demand for AI skills in the labor market // *Labour economics*. 2021. Vol. 71. P. 102002.
7. Ambani, D., Rathod, A. The evolution of artificial intelligence: from rule-based systems to deep learning // *International journal of scientific research in engineering and management*. 2025. Vol. 8. No. 4. P. 1–5. <<https://doi.org/10.55041/ijsrem30072>>.
8. Appel, R., McCrory, P., Tamkin, A., McCain, M., Neylon, T., Stern, M. Anthropic economic index report: Uneven geographic and enterprise ai adoption // *arXiv preprint arXiv:2511.15080*. 2025.
9. Aria, M., Cuccurullo, C. bibliometrix: An R-tool for comprehensive science mapping analysis // *Journal of Informetrics*. 2017. Vol. 11. No. 4. P. 959–975.
10. Banh, L., Strobel, G. Generative artificial intelligence // *Electronic Markets*. 2023. Vol. 33. No. 1. P. 63.
11. Barley, S. R. *Work and technological change*. Oxford: Oxford University Press, 2020.
12. Ben Dalla, L., Medeni, T. M., Zbeida, S. Z., Medeni, İ. M. Unveiling the Evolutionary Journey based on Tracing the Historical Relationship between Artificial Neural Networks and Deep Learning // *The International Journal of Engineering & Information Technology (IJEIT)*. 2024. Vol. 12. No. 1. P. 104–110.
13. Benbya, H., Davenport, T. H., Pachidi, S. Artificial Intelligence in Organizations: Current State and Future Opportunities // *MIS Quarterly Executive*. 2020. Vol. 19. No. 4.
14. *Bibliometrix*. Biblioshiny. [Online] <<https://www.bibliometrix.org/home/index.php/layout/biblioshiny>> [Дата обращения: 05.01.2026].
15. Broecke, S. *Employment Outlook 2023: Artificial Intelligence and the labour market*. OECD Publishing, 2023.
16. Brougham, D., Haar, J. Smart Technology, Artificial Intelligence, Robotics, and Algorithms (STARA): Employees' perceptions of our future workplace // *Journal of Management & Organization*. 2018. Vol. 24. No. 2. P. 239–257. <<https://doi.org/10.1017/jmo.2016.55>>.
17. Brynjolfsson, E., Rock, D., Syverson, C. Artificial intelligence and the modern productivity paradox: A clash of expectations and statistics // *National Bureau of Economic Research*. 2017. No. w24001.
18. Casheekar, A., Lahiri, A., Rath, K., Prabhakar, K. S., Srinivasan, K. A contemporary review on chatbots, AI-powered virtual conversational agents, ChatGPT: Applications, open challenges and future research directions // *Computer Science Review*. 2024. Vol. 52. P. 100632.
19. Chatterjee, J., Dethlefs, N. This new conversational AI model can be your friend, philosopher, and guide... and even your worst enemy // *Patterns*. 2023. Vol. 4 No. 1.

20. Collins, H. Artificial experts: Social knowledge and intelligent machines. Cambridge, London: The MIT Press, 1990.
21. Damioli, G., Van Roy, V., Vertesy, D. The impact of artificial intelligence on labor productivity // Eurasian Business Review. 2021. Vol. 11. No. 1. P. 1–25.
22. Donthu, N., Kumar, S., Mukherjee, D., Pandey, N., Lim, W. M. How to conduct a bibliometric analysis: An overview and guidelines // Journal of Business Research. 2021. Vol. 133. P. 285–296.
23. Fontelo, P., Liu, F. A review of recent publication trends from top publishing countries // Systematic Reviews. 2018. Vol. 7. No. 1. P. 147. <<https://doi.org/10.1186/s13643-018-0819-1>>.
24. Frey, C. B., Osborne, M. A. The future of employment: How susceptible are jobs to computerisation? // Technological forecasting and social change. 2017. Vol. 114. P. 254–280.
25. Gordon, R. J. Why has economic growth slowed when innovation appears to be accelerating? // National Bureau of Economic Research. 2018. No. w24554
26. Huang, M.-H., Rust, R. T. Artificial Intelligence in Service // Journal of Service Research. 2018. Vol. 21. No. 2. P. 155–172. <<https://doi.org/10.1177/1094670517752459>>.
27. Issa, H., Sun, T., Vasarhelyi, M. A. Research ideas for artificial intelligence in auditing: The formalization of audit and workforce supplementation // Journal of emerging technologies in accounting. 2016. Vol. 13. No. 2. P. 1–20.
28. Jarrahi, M. H. Artificial intelligence and the future of work: Human-AI symbiosis in organizational decision making // Business Horizons. 2018. Vol. 61. No. 4. P. 577–586. <<https://doi.org/10.1016/j.bushor.2018.03.007>>.
29. Jöhnk, J., Weißert, M., Wyrthki, K. Ready or Not, AI Comes – An Interview Study of Organizational AI Readiness Factors // Business & Information Systems Engineering. 2021. Vol. 63. No. 1. P. 5–20.
30. Kassa, B. Y., Worku, E. K. The impact of artificial intelligence on organizational performance: The mediating role of employee productivity // Journal of open innovation: technology, market, and complexity. 2025. Vol. 11. No. 1. P. 100474.
31. Krizhevsky, A., Sutskever, I., Hinton, G. E. Imagenet classification with deep convolutional neural networks // Advances in neural information processing systems. 2012. Vol. 25.
32. Kumar, R. Bibliometric Analysis: Comprehensive Insights into Tools, Techniques, Applications, and Solutions for Research Excellence // Spectrum of Engineering and Management Sciences. 2025. Vol. 3. No. 1. P. 45–62. <<https://doi.org/10.31181/sems31202535k>>.
33. Lane, M., Williams, M. Defining and classifying AI in the workplace. OECD Publishing, 2023. <<https://doi.org/10.1787/59e89d7f-en>>.
34. Latour, B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005.
35. Law, J. Notes on the theory of the actor-network: Ordering, strategy, and heterogeneity // Systems practice. 1992. Vol. 5. No. 4. P. 379–393.
36. Lindgren, S., Holmström, J. A social science perspective on artificial intelligence: Building blocks for a research agenda // Journal of digital social research. 2020. Vol. 2. No. 3. P. 1–15.
37. McClure, P. K. “You’re fired,” says the robot: The rise of automation in the workplace, technophobes, and fears of unemployment // Social Science Computer Review. 2018. Vol. 36. No. 2. P. 139–156.
38. Mongeon, P., Paul-Hus, A. The journal coverage of Web of Science and Scopus: a comparative analysis // Scientometrics. 2016. Vol. 106. P. 213–228. <<https://doi.org/10.1007/s11192-015-1765-5>>.
39. Obermayer, N., Csizmadia, T., Banász, Z., Purnhauser, P. The importance of digital and soft skills in the digital age // European Conference on Knowledge Management. 2023. Vol. 24. No. 2.

40. Ostapenko, T. Development of managerial economics as a component of economic theory // Technology audit and production reserves. 2024. Vol. 3. No. 4 (77). P. 15–20.
41. Raisch, S., Krakowski, S. Artificial intelligence and management: The automation–augmentation paradox // The Academy of Management Review. 2021. Vol. 46. No. 1. P. 192–210. <<https://doi.org/10.5465/amr.2018.0072>>.
42. Ramos, D., Cotrim, T., Arezes, P., Baptista, J., Rodrigues, M., Leitão, J. Frontiers in occupational health and safety management // International journal of environmental research and public health. 2022. Vol. 19. No. 17. P. 10759.
43. Schislyayeva, E. R., Saychenko, O. A. Labor market soft skills in the context of digitalization of the economy // Social Sciences. 2022. Vol. 11. No. 3. P. 91.
44. Sidhu, G. S., Sayem, M. A., Taslima, N., Anwar, A. S., Chowdhury, F., Rowshon, M. AI and workforce development: A comparative analysis of skill gaps and training needs in emerging economies // International journal of business and management sciences. 2024. Vol. 4. No. 8. P. 12.
45. Singh, V., Singh, P., Karmakar, M., Leta, J., Mayr, P. The journal coverage of Web of Science, Scopus and Dimensions: A comparative analysis // Scientometrics. 2020. Vol. 126. P. 5113–5142. <<https://doi.org/10.1007/s11192-021-03948-5>>.
46. Singla, A., Sukharevsky, A., Yee, L., Chui, M. The state of ai in early 2024: Gen ai adoption spikes and starts to generate value. McKinsey & Company, 2024. [Online] <<https://www.mckinsey.com/capabilities/quantumblack/our-insights/the-state-of-ai-2024>> [Дата обращения: 06.01.2026].
47. Spencer, D. A. Fear and hope in an age of mass automation: debating the future of work // New Technology, Work and Employment. 2018. Vol. 33. No. 1. P. 1–12.
48. Sun Yat-sen University. SYSU unveils the Institute of Artificial Intelligence. n.d. [Online] <<https://www.sysu.edu.cn/sysuen/info/1018/56341.htm>> [Дата обращения: 02.12.2025].
49. University of Oxford, Saïd Business School. Oxford Artificial Intelligence Programme. n.d. [Online] <<https://www.sbs.ox.ac.uk/programmes/executive-education/online-learning/oxford-artificial-intelligence-programme>> [Дата обращения: 02.12.2025].
50. University of Oxford. Ai at Oxford. n.d.-a. [Online] <<https://www.ox.ac.uk/ai-oxford>> [Дата обращения: 02.12.2025].
51. University of Oxford. Oxford becomes first UK university to offer chatgpt edu to all staff. n.d.-b. [Online] <<https://www.ox.ac.uk/news/2025-09-19-oxford-becomes-first-uk-university-offer-chatgpt-edu-all-staff-and-students>> [Дата обращения: 02.12.2025].
52. Wang, K. H., Lu, W. C. AI-induced job impact: Complementary or substitution? Empirical insights and sustainable technology considerations // Sustainable Technology and Entrepreneurship. 2025. Vol. 4. No. 1. P. 100085.
53. Zawada, S. Considerations in the area of management: directions and currents // East African Scholars Journal of Economics, Business and Management. 2023. Vol. 6. No. 8. P. 239–247.
54. Zhou, Z., Chen, X., Li, E., Zeng, L., Luo, K., Zhang, J. Edge intelligence: Paving the last mile of artificial intelligence with edge computing // Proceedings of the IEEE. 2019. Vol. 107. No. 8. P. 1738–1762.

Daria Talakauskas

AI in the Workplace: The Current State of Research in the Social Sciences

Daria Talakauskas — Research Assistant in Center for Labor and Earnings Statistics, Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, HSE University. **Address:** 101000, Russia, Moscow, Myasnitskaya Str., 13, Bldg. 4. **E-mail:** dtalakauskas@hse.ru.

Abstract: An increasing number of organizations are implementing artificial intelligence (AI) technologies into various business processes, and the number of publications addressing aspects of AI's application in the workplace is growing rapidly. Given the uncertainty surrounding the effects of AI implementation on the labor market, the time lag associated with its integration, and the novelty and high relevance of the technology, there is a need for a systematic analysis of existing research on this topic. This study uses bibliometric analysis to describe the current state of the research field on AI in the workplace within the social sciences ($n = 1,344$), based on the Web of Science (WoS) database. According to the results, interest in this topic began to grow in 2017, and the phase of active growth in publication activity began in 2022, coinciding with the emergence of ChatGPT. The analysis identified two intellectual schools — economic and managerial — that examine AI in the labor sphere at the macro- and micro-levels. The conceptual structure of the field includes research at the technological, organizational, and social levels. The study has a number of methodological limitations, a significant portion of which are related to the use of the WoS database. The findings are valuable both for novice researchers and for experts already working in this field, as they provide a comprehensive and general overview of the current state of this emerging and evolving field of research.

Keywords: artificial intelligence, labor market, employment, bibliometric analysis, digitalization, automation

For citation: Talakauskas, D. (2026) AI in the Workplace: The Current State of Research in the Social Sciences. *Russia's Directions*. Vol. 4. No. 3. P. 44–67.

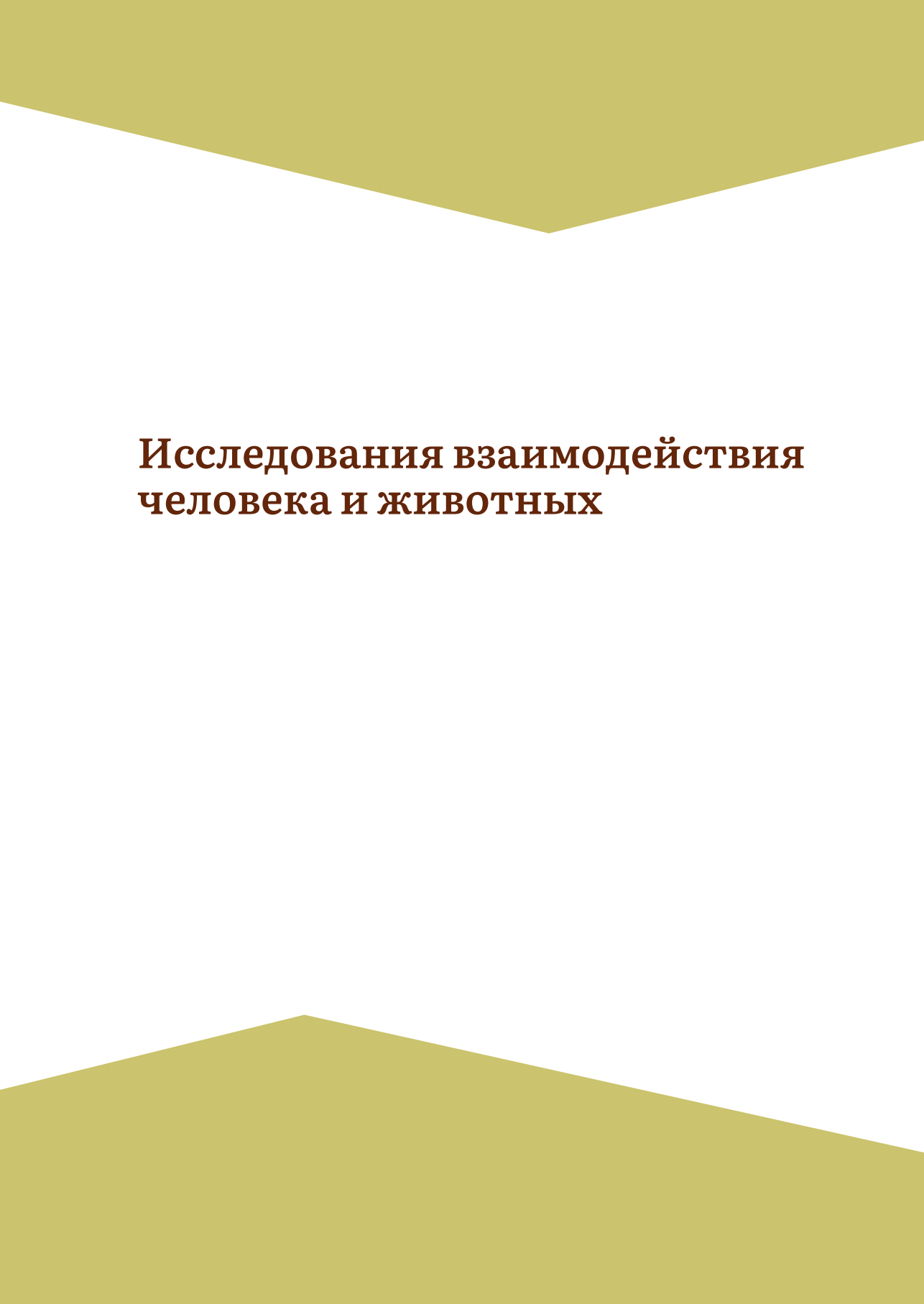
References

1. Acemoglu, D., & Restrepo, P. (2018). Artificial intelligence, automation, and work. In Agrawal A., et al. (eds.). *The economics of artificial intelligence: An agenda*. Chicago, London: University of Chicago Press. P. 197–236.
2. Agrawal, A., Gans, J. S., & Goldfarb, A. (2018). Prediction, judgment, and complexity: a theory of decision-making and artificial intelligence. In Agrawal A., et al. (eds.). *The economics of artificial intelligence: An agenda*. Chicago, London: University of Chicago Press. P. 89–110.
3. Alekseeva, L., Azar, J., Giné, M., Samila, S., & Taska, B. (2021). The demand for AI skills in the labor market. *Labour economics*. Vol. 71. P. 102002.
4. Ambani, D., & Rathod, A. (2025). The evolution of artificial intelligence: from rule-based systems to deep learning. *International journal of scientific research in engineering and management*. Vol. 8. No. 4. P. 1–5. <<https://doi.org/10.55041/ijsem30072>>.

5. Appel, R., McCrory, P., Tamkin, A., McCain, M., Neylon, T., & Stern, M. (2025). Anthropic economic index report: Uneven geographic and enterprise ai adoption. *arXiv preprint arXiv:2511.15080*.
6. Aria, M., & Cuccurullo, C. (2017). bibliometrix: An R-tool for comprehensive science mapping analysis. *Journal of Informetrics*. Vol. 11. No. 4. P. 959–975.
7. Banh, L., & Strobel, G. (2023). Generative artificial intelligence. *Electronic Markets*. Vol. 33. No. 1. P. 63.
8. Barley, S. R. (2020). *Work and technological change*. Oxford University Press.
9. Ben Dalla, L., Medeni, T. M., Zbeida, S. Z., & Medeni, İ. M. (2024). Unveiling the Evolutionary Journey based on Tracing the Historical Relationship between Artificial Neural Networks and Deep Learning. *The International Journal of Engineering & Information Technology (IJEIT)*. Vol. 12. No. 1. P. 104–110.
10. Benbya, H., Davenport, T. H., Pachidi, S. (2020). Artificial Intelligence in Organizations: Current State and Future Opportunities. *MIS Quarterly Executive*. Vol. 19. No. 4.
11. Bibliometrix. *Biblioshiny*. [Online] <<https://www.bibliometrix.org/home/index.php/layout/biblioshiny>> [Accessed: 05.01.2026].
12. Broecke, S. (2023). *Employment Outlook 2023: Artificial Intelligence and the labour market*. OECD Publishing.
13. Brougham, D., & Haar, J. (2018). Smart Technology, Artificial Intelligence, Robotics, and Algorithms (STARA): Employees' perceptions of our future workplace. *Journal of Management & Organization*. Vol. 24. No. 2. P. 239–257. <<https://doi.org/10.1017/jmo.2016.55>>.
14. Brynjolfsson, E., Rock, D., & Syverson, C. (2017). Artificial intelligence and the modern productivity paradox: A clash of expectations and statistics. *National Bureau of Economic Research*. No. w24001.
15. Casheekar, A., Lahiri, A., Rath, K., Prabhakar, K. S., & Srinivasan, K. (2024). A contemporary review on chatbots, AI-powered virtual conversational agents, ChatGPT: Applications, open challenges and future research directions. *Computer Science Review*. Vol. 52. P. 100632.
16. Chatterjee, J., & Dethlefs, N. (2023). This new conversational AI model can be your friend, philosopher, and guide... and even your worst enemy. *Patterns*. Vol. 4 No. 1.
17. Collins, H. (1990). *Artificial experts: Social knowledge and intelligent machines*. The MIT Press.
18. Damioli, G., Van Roy, V., & Vertesy, D. (2021). The impact of artificial intelligence on labor productivity. *Eurasian Business Review*. Vol. 11. No. 1. P. 1–25.
19. Donthu, N., Kumar, S., Mukherjee, D., Pandey, N., & Lim, W. M. (2021). How to conduct a bibliometric analysis: An overview and guidelines. *Journal of Business Research*. Vol. 133. P. 285–296.
20. Fontelo, P., & Liu, F. (2018). A review of recent publication trends from top publishing countries. *Systematic Reviews*. Vol. 7. No. 1. P. 147. <<https://doi.org/10.1186/s13643-018-0819-1>>.
21. Frey, C. B., & Osborne, M. A. (2017). The future of employment: How susceptible are jobs to computerization?. *Technological forecasting and social change*. Vol. 114. P. 254–280.
22. Gordon, R. J. (2018). Why has economic growth slowed when innovation appears to be accelerating?. *National Bureau of Economic Research*. No. w24554.
23. Gorodetsky, V. I., & Yusupov, R. M. (2020). Artificial Intelligence: Metaphor, Science and Information Technology. *Mekhatronika, Avtomatizatsiya, Upravlenie*. Vol. 21. No. 5. P. 282–294. (In Russ.) <<https://doi.org/10.17587/mau.21.282-293>>.
24. Huang, M.-H., & Rust, R. T. (2018). Artificial Intelligence in Service. *Journal of Service Research*. Vol. 21. No. 2. P. 155–172. <<https://doi.org/10.1177/1094670517752459>>.
25. Issa, H., Sun, T., & Vasarhelyi, M. A. (2016). Research ideas for artificial intelligence in auditing: The formalization of audit and workforce supplementation. *Journal of emerging technologies in accounting*. Vol. 13. No. 2. P. 1–20.
26. Jarrahi, M. H. (2018). Artificial intelligence and the future of work: Human-AI symbiosis in organizational decision making. *Business Horizons*. Vol. 61. No. 4. P. 577–586. <<https://doi.org/10.1016/j.bushor.2018.03.007>>.

27. Jöhnk, J., Weißert, M., & Wyrski, K. (2021). Ready or Not, AI Comes – An Interview Study of Organizational AI Readiness Factors. *Business & Information Systems Engineering*. Vol. 63. No. 1. P. 5–20.
28. Kassa, B. Y., & Worku, E. K. (2025). The impact of artificial intelligence on organizational performance: The mediating role of employee productivity. *Journal of open innovation: technology, market, and complexity*. Vol. 11. No. 1. P. 100474.
29. Krizhevsky, A., Sutskever, I., & Hinton, G. E. (2012). Imagenet classification with deep convolutional neural networks. *Advances in neural information processing systems*. Vol. 25.
30. Kumar, R. (2025). Bibliometric Analysis: Comprehensive Insights into Tools, Techniques, Applications, and Solutions for Research Excellence. *Spectrum of Engineering and Management Sciences*. Vol. 3. No. 1. P. 45–62. <<https://doi.org/10.31181/sems31202535k>>.
31. Kuzina, L.S., Polyakova, V.V., & Talaukauskas, D.S. (2024). From science fiction to reality: AI in the hands of the population. *ISSEK HSE University*. [Online] <<https://issek.hse.ru/news/996374628.html>> [Accessed: 7 January 2026].
32. Lane, M., Williams, M. (2023). *Defining and classifying AI in the workplace*. OECD Publishing. <<https://doi.org/10.1787/59e89d7f-en>>.
33. Latour, B. (2005). *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford University Press.
34. Law, J. (1992). Notes on the theory of the actor-network: Ordering, strategy, and heterogeneity. *Systems practice*. Vol. 5. No. 4. P. 379–393.
35. Lindgren, S., & Holmström, J. (2020). A social science perspective on artificial intelligence: Building blocks for a research agenda. *Journal of digital social research*. Vol. 2. No. 3. P. 1–15.
36. McClure, P. K. (2018). “You’re fired,” says the robot: The rise of automation in the workplace, technophobes, and fears of unemployment. *Social Science Computer Review*. Vol. 36. No. 2. P. 139–156.
37. Mongeon, P., & Paul-Hus, A. (2016). The journal coverage of Web of Science and Scopus: a comparative analysis. *Scientometrics*. Vol. 106. P. 213–228. <<https://doi.org/10.1007/s11192-015-1765-5>>.
38. Obermayer, N., Csizmadia, T., Banász, Z., & Purnhauser, P. (2023). The importance of digital and soft skills in the digital age. *European Conference on Knowledge Management*. Vol. 24. No. 2.
39. Ostapenko, T. (2024). Development of managerial economics as a component of economic theory. *Technology audit and production reserves*. Vol.3. No. 4 (77). P. 15–20.
40. Raisch, S., & Krakowski, S. (2021). Artificial intelligence and management: The automation–augmentation paradox. *The Academy of Management Review*. Vol. 46. No. 1. P. 192–210. <<https://doi.org/10.5465/amr.2018.0072>>.
41. Ramos, D., Cotrim, T., Arezes, P., Baptista, J., Rodrigues, M., & Leitão, J. (2022). Frontiers in occupational health and safety management. *International journal of environmental research and public health*. Vol. 19. No. 17. P. 10759.
42. Schislyaeva, E. R., & Saychenko, O. A. (2022). Labor market soft skills in the context of digitalization of the economy. *Social Sciences*. Vol. 11. No. 3. P. 91.
43. Sidhu, G. S., Sayem, M. A., Taslima, N., Anwar, A. S., Chowdhury, F., & Rowshon, M. (2024). AI and workforce development: A comparative analysis of skill gaps and training needs in emerging economies. *International journal of business and management sciences*. Vol. 4. No. 8. P. 12.
44. Singh, V., Singh, P., Karmakar, M., Leta, J., & Mayr, P. (2020). The journal coverage of Web of Science, Scopus and Dimensions: A comparative analysis. *Scientometrics*. Vol. 126. P. 5113–5142. <<https://doi.org/10.1007/s11192-021-03948-5>>.
45. Singla, A., Sukharevsky, A., Yee, L., & Chui, M. (2024). The state of ai in early 2024: Gen ai adoption spikes and starts to generate value. *McKinsey & Company*. <<https://www.mckinsey.com/capabilities/quantumblack/our-insights/the-state-of-ai-2024>> [Online] [Accessed: 06.01.2026].

46. Spencer, D. A. (2018). Fear and hope in an age of mass automation: debating the future of work. *New Technology, Work and Employment*. Vol. 33. No. 1. P. 1–12.
47. Sun Yat-sen University. SYSU unveils the Institute of Artificial Intelligence. n.d. [Online] <<https://www.sysu.edu.cn/sysuen/info/1018/56341.htm>> [Accessed: 02.12.2025].
48. Ternikov, A. A. (2023). Artificial intelligence and the demand for skills in Russia. *Voprosy Ekonomiki*. No. 11. P. 65–80. (In Russ.) [Online] <<https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-11-65-80>>.
49. University of Oxford, Saïd Business School. Oxford Artificial Intelligence Programme. n.d. [Online] <<https://www.sbs.ox.ac.uk/programmes/executive-education/online-learning/oxford-artificial-intelligence-programme>> [Accessed: 02.12.2025].
50. University of Oxford. Ai at Oxford. n.d.-a. [Online] <<https://www.ox.ac.uk/ai-oxford>> [Accessed: 02.12.2025]
51. University of Oxford. Oxford becomes first UK university to offer chatgpt edu to all staff. n.d.-b. [Online] <<https://www.ox.ac.uk/news/2025-09-19-oxford-becomes-first-uk-university-offer-chatgpt-edu-all-staff-and-students>> [Accessed: 02.12.2025].
52. Wang, K. H., & Lu, W. C. (2025). AI-induced job impact: Complementary or substitution? Empirical insights and sustainable technology considerations. *Sustainable Technology and Entrepreneurship*. Vol. 4. No. 1. P. 100085.
53. Zawada, S. (2023). Considerations in the area of management: directions and currents. *East African Scholars Journal of Economics, Business and Management*. Vol. 6. No. 8. P. 239–247.
54. Zhou, Z., Chen, X., Li, E., Zeng, L., Luo, K., & Zhang, J. (2019). Edge intelligence: Paving the last mile of artificial intelligence with edge computing. *Proceedings of the IEEE*. Vol. 107. No. 8. P. 1738–1762.

The page features a minimalist design with two large, solid yellow geometric shapes. One shape is a downward-pointing triangle at the top, and the other is an upward-pointing triangle at the bottom. The central area of the page is white and contains the main title.

Исследования взаимодействия человека и животных

Д. М. Рогозин

Жизнь рядом, или как социологи изучают животных

Введение в рубрику

Дмитрий Михайлович Рогозин — кандидат социологических наук, заведующий Лабораторией полевых исследований РАНХиГС. **Адрес:** Москва, Пречистенская наб., 11, с. 1, ком. 404. **Электронная почта:** rogozin@raneap.ru. **ORCID:** 0000-0001-7879-1111.

Аннотация: Статья представляет собой вводный текст к тематической рубрике, посвящённой социологическому изучению животных и практик сосуществования людей и нечеловеческих видов. Автор прослеживает трансформацию статуса домашних питомцев в современном обществе: от утилитарного и прагматичного отношения к культуре заботы, эмоциональной привязанности и очеловечиванию. Через призму личных автоэтнографических рефлексий и обзорного анализа статей выпуска (касающихся тактик избегания общения при выгуле собак, этических дилемм убийства животных в пищевой и научной практиках, а также опыта релокации с питомцами) исследуется роль животных как значимых акторов, формирующих социальную среду и повседневность. Опираясь на концепты этики заботы (Д. Харауэй, А. Мол, Дж. Ло), автор проблематизирует антропоцентризм, показывает неизбежность моральных компромиссов и утверждает, что полноценное социологическое описание невозможно без учёта «жизни рядом» и включения собственной исследовательской позиции в этическую рефлексию.

Ключевые слова: автоэтнография, антропоцентризм, домашние животные, методология полевых исследований, нечеловеческие акторы, социология животных, человеческо-животные отношения, этика заботы

Для цитирования: Рогозин, Д. М. Жизнь рядом, или как социологи изучают животных. Введение в рубрику // Пути России. 2026. Т. 4. № 3. С. 69–79.

Я вырос в маленьком сибирском городке Абазе на юге Хакасии. Когда мне исполнилось двенадцать, родители подарили мне щенка. Я долго выпрашивал, ждал, и вот свершилось! Помню, как отец послал меня самого идти в семью и выбирать щенка, я пригласил пойти вместе с собой друга. Помню, как я спешил, переходил на бег, как крутил в руках первого вылезшего навстречу щенка, прижимал к себе. Друг попросил подержать его, и щенок тут же его описал. Пушистый комочек радости и любви. Дома обнаружилось, что я выбрал сучку, пушистую, чёрную, с белой манишкой и белыми лапками лайку, голосистую и непоседливую. Так в 12 лет у меня появилась верная подруга, лай, взгляд, покусывания и прыжки которой я отчётливо помню и по прошествии более сорока лет.

Мы жили в небольшом двухэтажном домике на 16 квартир, к каждой был прикреплён огородик. Там отец и поставил будку, где зимой, когда температура опускалась ниже тридцати, дрожала и ждала свою миску с едой моя подруга. Было жалко её до слёз, но даже в голову не приходило запустить собаку в квартиру, хотя бы в коридор, немного погреться. У собак и людей были разные пространства, разные миры. Я не знал никого, кто бы держал собаку дома, хотя, конечно, не исключено, что так было и в те годы, но общее, непроговариваемое мнение было именно таким: человек живёт в доме, собака — в будке, и хорошо, если не на цепи, но для этого требовался вольер. Моя лайка была на цепи.

С тех пор многое изменилось. Теперь собаки живут в квартирах, у них есть свои специализированные врачи, свой корм, свои предметы гигиены. Последнее время всё чаще на улицах крупных городов встретишь прогуливающиеся пары с колясками, специально сделанными для маленьких собачек. Собака не просто очеловечилась, она стала главным членом семьи, диктующим общий распорядок, определяющим логику заботы.

Россия — страна домашних животных. Менее чем на 150 млн. жителей насчитывают около 75 млн. питомцев, 56% семей имеют кошку или собаку [Ipsos, 2023]. Считают, как всегда, по-своему, закрыто, без публичного обсуждения допущений и ошибок. В описании методологии лишь число опрошенных и уверения в научности подхода. Одним словом, как-то считают и как-то округляют, но даже в округлении, домашних животных у нас намного больше, чем в любой из европейских стран, стилю жизни которых мы неизменно пытаемся подражать. Изучая людей, невозможно пройти мимо животных, их окружающих, формирующих мир, мировоззрение, мироощущение человека. Как городская среда постепенно вытесняет сельскую, а стремление к комфорту — борьбу за существование, так и функциональное, прагматичное представление о домашних животных уступает место культуре заботы и ухода. Рядовому горожанину животные нужны не для пропитания, перемещения или безопасности, а для положительных эмоций, антистресса и преодоления одиночества.

Домашние животные не перестали быть помощниками, но их помощь сильно трансформировалась. Трансформировались и особенности заботы о питомцах, увеличились траты, обозначились границы новой близости с младшими и зависимыми. Домашние питомцы всегда больше какого бы то ни было функционала, потому не менее дороги больные, немощные и неуклюжие, раз и навсегда ставшие членами семьи или вовсе образовавшие семью. Разговоры и научные выкладки о тотальной коммодификации, камуфляжности заботы о питомцах за ширмой товарно-денежных отношений (см., например: [Nibert, 2013]) относятся к традиционной леворадикальной критике современного общества потребления. И хотя всё можно уложить в товарно-денежные схемы, любой хозяин собаки или кошки навряд ли согласится видеть в своём питомце лишь элемент интерьера, красивую игрушку. Взгляд на питомца как на игрушку выдаёт не хозяина, а временного попутчика, увы, зачастую умножающего армию бездомных животных.

Рассмотрим статьи, представленные в этом номере журнала. Максим Котельников описывает, как признание за своим питомцем моральности существенно ограничивает собственное социальное поведение [Котельников, 2026]. Прогулки с собакой приводят к коммуникативному включению в сообщество собачников, создают среду для естественной и казалось бы непринужденной коммуникации. В то время как социологи ищут повода для обращения к другому, кто-то другой, имеющий собаку, ищет и поводы, и средства избежать любого общения. Не только отсутствие интереса к разговору, но и неприятие других собачников с одновременным желанием не выходить за рамки вежливого поведения подталкивает на поиск приёмов уклонения от возникающих разговоров.

Как отмечает М. П. Котельников, выгул собаки — это не только забота о питомце, но и специфический тест на личное восприятие социальной уязвимости. Автор дистанцируется от психологизаторских трактовок, фиксируя онтологический статус нежелания контакта: «Причины того, почему я не хотел вступать во взаимодействие с собачниками, не являются предметом обсуждения данной работы. Здесь важно зафиксировать сам факт того, что мне было некомфортно, и я был вынужден мириться с этим социальным страданием» [Котельников, 2026, с. 81]. Подобный эпистемологический сдвиг позволяет перевести фокус с интроверсии как личностной черты на тактики избегания вынужденного соприсутствия, которое невольно иницирует питомец.

Проблематизация жизни собачников, предложенная в статье, разрушает романтический миф о спонтанном сообществе «любителей животных», обнажая напряжение в номинальной социальной группе. Практика выгула оказывается зоной принудительной социализации, где сталкиваются разнородные ожидания: если одни

участники склонны к общению, другие — разрабатывают приёмы избегания, формируя невидимую субкультуру. «В какой-то момент я задумался о том: насколько распространена подобная ситуация, и как с ней справляются другие собачники, тоже не любящие вести праздные беседы во время прогулок со своими любимцами? Благо, среди моих знакомых было некоторое количество владельцев собак, и я поговорил с ними о том, как проходят их прогулки. Выяснилось, что социальный дискомфорт, с которым я столкнулся, свойственен не только мне: некоторые мои знакомые также сообщили о том, что вынуждены ради блага своих домашних любимцев пребывать в социальных группах, нахождение в которых для них, мягко говоря, не было желаемым» [Котельников, 2026, с. 81].

Микросоциология этих тактик избегания достигает особой выразительности в описании триггеров, запускающих механизм социального дискомфорта. Часто источником напряжения становятся не глобальные конфликты, а банальные, почти бытовые детали, такие как вынужденное соседство с «женщиной намного старше <...> которая мне не очень приятна» [Котельников, 2026, с. 83]. Получается, что домашний питомец становится значимым субъектом, способствующим взаимодействию с пространственно близкими, но социально абсолютно чуждыми людьми. Потому перечисленные способы избегания общения могут быть переосмыслены в качестве своих противоположностей, становясь шпаргалкой для полевого интервьюера. Уместные комментарии действий чужой собаки, физическое присутствие в месте прогулки, отказ от гаджетов и привычка к более развернутым, но не затянутым высказываниям могут способствовать установлению отношений, необходимых для проведения социального исследования.

Вернусь ненадолго в своё детство. В небольшом советском городке, население которого, по сути, ведёт сельский образ жизни, дети участвуют не только в уходе, но и в убийстве животных. У нас были свиньи, курицы, в семье друга держали кроликов, корову и бычков. Считалось нормой подавить жалость и помочь в убийстве: держать или самому резать. Не забуду случай, когда помогал отцу забить и разделать свинью. Мне было лет четырнадцать. Мы свалили её на сделанный из досок настил, животное пыталось вырваться, чувствуя смерть, но я придавил его всем телом. Отец привычным движением резко всадил нож по самую рукоять. Он провернул лезвие внутри, чтобы рассечь сердце и открыть кровоток, но в этот раз раздался неестественный, сухой щелчок металла. Лезвие сломалось. В руках у отца осталась лишь рукоятка. «Держи крепче и не отпускай», — бросил он и ушёл искать другой нож в сарай. Вернулся быстро, но те минуты, пока его не было, длились вечность.

Самое невыносимое и запоминающееся в убийстве животных — глаза, молящие и всё понимающие. От этого взгляда невозможно

избавиться через годы. Однако последующая разделка туши, рассматривание строения органов, полностью меняло ситуацию. Твой друг, которого ты кормил, с которым играл, мгновенно переставал быть другом, а становился тушей, продуктом питания. Меня тогда поразила этот переход, он вызывает удивление и сейчас.

Утилитарность убийства животных ради пищи схожа с убийством ради научного эксперимента, о чём ведёт речь Елизавета Чашцевая. В обеих практиках происходит радикальное устранение субъектности живого существа через процесс декомпозиции и символического перевода тела в ресурс. Как пишет Е.О. Чашцевая, «полностью отделив убийство коровы на ферме или комбинате от сепарированного куска мяса без шерсти и костей на прилавке магазина, из восприятия покупателей устранили как таковой образ живого животного, предшествовавшего „куску мяса“» [Чашцевая, 2026, с. 100]. Эта логика полностью созвучна лабораторной практике, где «тело лабораторного животного необходимо декомпозировать и перевести в культурный артефакт, точно так же, как это происходит с телами животных на скотобойне» [Чашцевая, 2026, с. 102]. Обе системы строятся на фундаментальном механизме, который Жорж Батай называет «определением зверя как вещи»: «Собственно, смысл приготовления мяса по своей сути состоит не в гастрономических изысках: прежде всего он в том, что человек ничего не ест, не сделав это предварительно объектом» [Батай, 2006, с. 66; цит. по Чашцевая, 2026, с. 101]. Здесь убийство становится не актом насилия, а ритуалом трансформации, при котором живое существо превращается в ресурс, чья смерть легитимизируется в рамках производственной логики. Само слово «убийство» представляется неуместным. Так не говорят. Люди либо вовсе избегают подобного оборота, либо заменяют его словами «забить», «заколоть», «приготовить мясо».

Убийство животного ради пищи или научного эксперимента полезно и оправдано и не подлежит какой-либо проблематизации. Этическое напряжение обнаруживается лишь во время сбоев, когда по каким-то причинам переход в восприятии животного как субъекта к ресурсу затягивается. В эти мгновения ощущаешь уязвимость утилитарной логики, невозможность ей следовать, не подавив в себе, не отказавшись от естественных чувств привязанности, любви и сопереживания.

Сбои, поломки, разочарования есть, пожалуй, основа исследовательской оптики для столь сложного этического поля, как жизнь домашних животных. Об этом ярко и полемично рассказывается в статье Софьи Лопатко и Петра Иванова. Авторы утверждают, что заходили в поле с ожиданием сенсации. Им представлялись «некогерентные и плохо работающие бюрократические машины, ремонт поломанной коммуникации, ухищрения, на которые идут люди, чтобы реализовать казалось бы простой процесс, мёртоновская дисфункция

бюрократии в полный рост» [Лопатко, Иванов, 2026, с. 120]. Казалось бы, тема релокации с питомцами после февраля 2022 года просто обаяна была выдать драматичные истории о преодолении системных сбоев.

Но реальность оказалась обескураживающе прозаичной. Релоканты читали правила в интернете, чипировали животных, делали прививки, получали титры и переезжали. Никаких серых схем, никакого правового нигилизма: «Впервые в истории исследовании российских легальных норм мы нашли такие, которым следуют неукоснительно все участники правовых отношений» [Лопатко, Иванов, 2026, с. 123]. И в этой прозе сокрыт наиболее любопытный социальный факт — тотальное следование норме без каких-либо попыток отклонения или переопределения последней.

Ещё большее разочарование ждало их в вопросе социальной интеграции. Выяснилось, что питомцы не помогают релокантам вливаться в новое общество — просто потому что релоканты этого не хотят (см. выше: [Котельников, 2026, с. 81]). «Наши собеседники по большому счёту не заинтересованы в социальной интеграции. Да, им важно получить вид на жительство, гражданство, разрешение на работу. Но вовсе не для того, чтобы взаимодействовать с гражданами принимающей страны» [Лопатко, Иванов, 2026, с. 120]. Они живут в русскоязычных диаспорах, работают на российский или международный рынок, общаются в релокантских чатах. Более того, в ходе исследования авторы с удивлением осознали, что потеряли из виду самих животных. Питомец превратился в «самоходный багаж с особыми условиями перевозки». С животным проделывают привычные манипуляции, но где здесь его агентность? «Питомца прививают, чипируют, худеют, засовывают в переноску, везут. Сам он ничего не делает» [Лопатко, Иванов, 2026, с. 121].

Методологическая неудача, которой посвящена статья, указывает на немалый теоретический потенциал наблюдения за животными, их хозяевами и за собой как исследовательской группой с набором предустановленных стереотипов, по привычке трансформированных в гипотезы.

Статья С. Лопатко и П. Иванова может быть прочитана в перспективе критической теории, согласно которой постепенно стала доминировать глубокая инфантилизация и очеловечивание питомцев. Домашние животные всё чаще наделяются статусом детей, а забота о них имитирует родительство. Исследователи взаимодействия людей и животных, такие как Арнольд Арлюке и Клинтон Сандерс, отмечают, что включение питомца в семью на правах ребёнка кардинально меняет моральную экономику домохозяйства [Arluke, Sanders, 1996]. Это повышает эмпатию и готовность тратить ресурсы на ветеринарию, страховку и «развивающие» игры. Но такая любовь к питомцам глубоко антропоцентрична и нарциссична. Животное любят не за

его видовую специфику, а за способность быть удобным суррогатом ребенка или партнёра, не требующим сложной эмоциональной отдачи. Как указывает Донна Харауэй в своём «Манифесте о биологических видах-компаньонах» человека, близость с домашними животными всегда асимметрична: человек диктует правила игры, а животное вынуждено адаптироваться к роли вечного младенца, что лишает его агентности и естественных поведенческих паттернов [Haraaway, 2003]. Животное становится «зеркалом», в котором горожанин видит свою собственную заботливость, а не самостоятельным субъектом. Но статью можно прочесть и иначе: без торопливых обобщений и подстройки под доминирующий на Западе научный дискурс, не через критику участников исследования и анализируемую социальную группу, а через себя.

Я учился в университете в другом городе за шестьсот километров от дома и очень скучал. Ждал окончания сессий, использовал любые возможности, чтобы приехать домой. На втором или третьем курсе я приехал домой во время учёбы, планировал побыть несколько дней. На пороге дома встретил отца. Он обрадованно протянул нож: «Ты как раз вовремя. Поможешь свинью заколоть». Не заходя домой, я развернулся и уехал. В то время я был увлечён вегетарианством, и подобное предложение стало для меня неприемлемым.

Я тогда не осуждал родителей, не пытался что-то доказать, но лично не мог участвовать в убийстве животных, хотя имел немалый опыт и был бы вполне сносным помощником. Когда социолог говорит, что не любит собачников, ставит под сомнение этичность научных экспериментов, иронизирует над результатами собственного исследования, это не значит, что он кого-то осуждает или от чего-то отрицается, отрицая чью-либо практику, в том числе собственную. Исследовательская этика строится на оценке своих действий, планов, убеждений. Мир других изменяют политики, проповедники или общественные деятели. Исследование — это акт удивления и проблематизации, зачастую сопутствующий разочарованию и сомнению в собственной правоте, выбранном инструментарии, найденных аргументах. Исследование — это радикальное сомнение в себе, автоэтнографическое описание которого и составляет основу практики письма.

Исследование — это также принятие на себя ответственности за каждый выбор в ситуациях, где невозможны морально безупречные решения. В своей книге «Оставаясь со смутой. Заводить сородичей в Хтулуцене» уже упомянутая ранее Харауэй рассуждает, какой могла бы быть этика в мире, в котором, тесно переплетаясь и запутавшись, сосуществуют человеческие и нечеловеческие виды, и не просто соседствуют, но становятся «сородичами» [Харауэй, 2020]. В автоэтнографической главе с интригующим и несколько шокирующим названием «Омытые мочой DES и Премарин в многовидовой способности-к-ответу» философ, конструируя киборга из своей стареющей

стерилизованной собаки, беременных кобыл, женщин, вступивших в менопаузу (включая саму Харауэй), «дочерей DES» (DES — диэтилбестерол, нестероидный синтетический эстроген) и других действующих лиц, описывает потенциальную практику заботы и ответа посредством «многовидового мирения на раненой Терре» [Харауэй, 2020, с. 140]. Харауэй обнаруживает, что есть то, что роднит её со своей собакой, — необходимость гормональной терапии для избежания утечек мочи. Она осознаёт, что за несколько капель эстрогена «приходится расплачиваться многими валютами жизни и умирания» [Харауэй, 2020, с. 141]: в частности, история применения эстрогена DES — история забоя домашнего скота, человеческих жертв, разрушения целых экосистем. Харауэй признает: «... я даю моей собаке синтетический эстроген с ужасной человеческой и бычьей историей, ради того чтобы контролировать её недержание, ради её сердца и её содержания дома» [Харауэй, 2020, с. 147–148]. Она горько рассуждает и о своём опыте приёма натурального эстрогена, Премарина, когда она не знала или не желала знать об условиях его производства. Эти эстрогены выделяли из конской мочи, месяцами держа лошадей в стойлах с подсоединёнными к ним мочесборниками. Сейчас проведённые благодаря зоозащитникам реформы несколько улучшили жизнь лошадей, но в большинстве случаев фермеры просто не в состоянии внедрить дорогостоящие изменения. Узнав, она испытала стыд от своей неосведомлённости, но именно стыд, как пишет Харауэй, «побуждает к пожизненному переосмыслению и переработке ответственности!» [Харауэй, 2020, с. 147], а благодаря актуализированному или новообретённому знанию «тренируется мышца, необходимая для заботы о благополучии» [Харауэй, 2020, с. 153].

Аннмари Мол в книге *Eating in Theory* также проблематизирует оценку принимаемых нами решений: невозможно однозначно маркировать какое-либо действие как исключительно хорошее или исключительно плохое — ощущение моральной правоты обманчиво и иллюзорно [Mol, 2021, p. 99]. Однако это не избавляет нас от ответственности, а налагает дополнительные обязательства тщательного расследования возможных последствий наших действий, готовность пробовать, ошибаться и пробовать снова, что требует разработки новой этики «без утешительных опор», с полным осознанием того, что каждый поступок имеет разные последствия [Mol, 2021, p. 101]. Мол размышляет о том, что и кого мы едим, что и кого есть оправданно и с какой точки зрения, и, демонстрируя множество неоднозначностей в возможных ответах на эти вопросы, смещает фокус на иную задачу — сложный поиск компромиссов посредством постоянной рефлексии и беспрестанных переговоров между человеческими и нечеловеческими акторами [Mol, 2021, p. 137].

В некоторых случаях даже, на первый взгляд, такое аморальное действие, как убийство животного, может обнаружить неожиданную

глубину и быть пронизано отношениями заботы. В сборнике «Забота в практике» Джон Ло выбирает в качестве иллюстрации убийства «с заботой» историю про забой здорового скота из-за заражённой ящуром скотины на соседней ферме. Забота являет себя в том, как ветеринар ласково говорит с телёнком, чтобы успокоить его; в том, что используют перед забоем седативные препараты чтобы обеспечить мирную, «лёгкую» смерть; в том, что этой забой совершается с целью защитить и соседей, и всю страну от распространения болезни; в том, что увозят детей и телят, чтобы они не видели забой коров [Law, 2010, p. 58–68]. Забота оказывается сложной «экспериментальной хореографией сборки и разделения различных и относительно несовместимых версий заботы» [Law, 2010, с. 68].

Мир домашних и не только домашних животных — это не дополнительная опция для человека, не внешний мир. Это мир живых, отрицание или игнорирование которого существенно обедняет объяснение социального в человеческих сообществах. Потому мы открываем новую рубрику в журнале и призываем исследователей расширить границы обозреваемого социального мира и объяснительных схем. Присылайте свои работы и не забывайте включать себя в методические описания. Методология без автоэтнографии мертва.

Литература

1. Котельников, М.П. Соприсутствие без коммуникации: тактики избегания речевого взаимодействия с собаками во время выгула собаки // Пути России. 2026. Т. 4. № 3. С. 80–95.
2. Лопатко, С.А., Иванов, П.В. Исследование 404: что мы узнали о себе, науке и антропологической методологии, изучая релокантов // Пути России. 2026. Т. 4. № 3. С. 115–133.
3. Харауэй, Д. Оставаясь со смутой: Заводить сородичей в Хтулуцене / Пер. с англ. А.А. Писарева, Д.Я. Хамис, П.А. Хановой. Пермь: Гиле Пресс, 2020.
4. Чашева, Е.О. Между инструментом и жертвой: лабораторное животное в биомедицинском дискурсе // Пути России. 2026. Т. 4. № 3. С. 96–114.
5. Arluke, A., Sanders, C.R. Regarding animals. Philadelphia: Temple University Press, 1996.
6. Haraway, D.J. The companion species manifesto: Dogs, people, and significant otherness. Chicago: Prickly Paradigm Press, 2003.
7. Ipsos. Всероссийская перепись домашних животных 2023. Презентация / Центр изучения питания и благополучия животных. М., 2023. [Электронный ресурс] <https://petcarecenter.ru/docs/vse-rossijskaya_perepis_zhivotnykh_2023> [Дата обращения] 15.06.2026.
8. Law, J. Care and killing: Tensions in veterinary practice // Care in practice: On tinkering in clinics, homes and farms / Ed. By A. Mol, I. Moser, J. Pols. New York: Transcript Verlag, 2010. P. 57–72.
9. Mal, A. Eating in theory. London: Duke University Press, 2021.
10. Nibert, D.A. Animal oppression and human violence: Domestication, capitalism, and global conflict. New York: Columbia University Press, 2013.

Dmitry Rogozin

Living Near Here, or How Sociologists Study Animals

An introduction to the category

Dmitry M. Rogozin — PhD in Sociology, Head of the Field Research Laboratory, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). **Address:** Prechistskaya Embankment 11, bldg. 1, office 404, Moscow, Russia. **Email:** rogozin@raneap.ru. **ORCID:** 0000-0001-7879-1111.

Abstract: This article serves as an introductory text to a special issue dedicated to the sociological study of animals and the practices of human and non-human species coexistence. The author traces the transformation of the status of pets in modern society: from a utilitarian and pragmatic attitude to a culture of care, emotional attachment, and anthropomorphization. Through the lens of personal autoethnographic reflections and a review analysis of the issue's articles (which address tactics of avoiding communication during dog walking, ethical dilemmas of killing animals in food and scientific practices, and the experience of relocating with pets), the role of animals as significant actors shaping the social environment and everyday life is explored. Drawing on multispecies studies theory and the concepts of the ethics of care (D. Haraway, A. Mol, J. Law), the author problematizes anthropocentrism, demonstrates the inevitability of moral compromises, and argues that a comprehensive sociological description is impossible without taking into account «living side by side» and incorporating the researcher's own position into ethical reflection.

Keywords: anthropocentrism, autoethnography, ethics of care, field research methodology, human-animal relations, non-human actors, pets, sociology of animals

For citation: Rogozin, D. (2026) Living near here, or how sociologists study animals. An introduction to the category. *Russia's Directions*. Vol. 4. No. 3. P. 69–79.

Reference

1. Arluke, A., Sanders, C. R. (1996) *Regarding animals*. Philadelphia: Temple University Press.
2. Chashchevaya, E. O. (2026) Between instrument and victim: the laboratory animal in biomedical discourse. *Russia's Directions*. Vol. 4. No. 3. P. 96–114. (In Russian)
3. Haraway, D. (2020) *Staying with the trouble: making kin in the Chthulucene*. Transl. by Russuan. Perm: Gile Press. (In Russian)
4. Haraway, D. J. (2003) *The companion species manifesto: dogs, people, and significant otherness*. Chicago: Prickly Paradigm Press.
5. Ipsos. (2023) *All-Russian census of pets 2023*. Presentation. Moscow: Center for the Study of Animal
6. Kotelnikov, M. P. (2026) Co-presence without communication: tactics of avoiding verbal interaction with dog owners during dog walking. *Russia's Directions*. Vol. 4. No. 3. P. 80–95. (In Russian)

7. Law, J. (2010) Care and killing: tensions in veterinary practice. In: Mol, A., Moser, I., Pols, J. (Eds.), *Care in practice: on tinkering in clinics, homes and farms*. New York: Transcript Verlag. P. 57–72.
8. Lopatko, S. A., Ivanov, P. V. (2026) Study 404: what we learned about ourselves, science, and anthrozoological methodology by studying relocants. *Russia's Directions*. Vol. 4. No. 3. P. 115–133. (In Russian)
9. Mol, A. (2021) *Eating in theory*. London: Duke University Press.
10. Nibert, D. A. (2013) *Animal oppression and human violence: domesecration, capitalism, and global conflict*. New York: Columbia University Press.
11. Nutrition and Welfare. Available at: https://petcarecenter.ru/docs/vserossijskaya_perepis_zhivotnykh_2023 (Accessed: 15.06.2026).

М. П. Котельников

Соприсутствие без коммуникации: тактики избегания речевого взаимодействия с собачниками во время выгула собаки

Максим Павлович Котельников — кандидат социологических наук. Штатный преподаватель МВШСЭН. Адрес: г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20. **Электронная почта:** maximant13@yandex.ru.

Аннотация: В статье рассматриваются стратегии избегания нежелательного речевого взаимодействия с собачниками во время выгула собак. Исследование основано на автоэтнографическом опыте автора, а также на интервью с «интровертными» владельцами собак. В центре обсуждения — пять тактик, направленных на снижение уровня социального дискомфорта «собачника-интроверта»: активное комментирование действий своей собаки, физическое дистанцирование от места собачьей игры, использование мобильного телефона, ношение наушников и фатическая коммуникация. Особое внимание уделяется парадоксальной эффективности первой из них — речевого взаимодействия с собакой как способа «уклонения» от разговора с людьми. Также в статье анализируются практики легитимации прекращения собачьих игр, отражающие восприятие собак как существ с моральным статусом и автономными желаниями. Сделан вывод о том, что ни одна из описанных тактик не является универсальной, а их успешность зависит от ситуативных факторов.

Ключевые слова: взаимодействие; животные; автоэтнография; интроверсия; вежливое невнимание; повседневность; город

Для цитирования: Котельников, М. П. Соприсутствие без коммуникации: тактики избегания речевого взаимодействия с собачниками во время выгула собаки // Пути России. 2026. Т. 4. № 3. С. 80–95.

Why does a dog need to be walked?
Jack White

Введение

Замысел этого небольшого текста возник в тот период, когда моя собака (корги-пемброк по кличке Элли) подросла, и я стал на регулярной основе гулять с ней во дворе. Поначалу Элли боялась даже отходить от подъезда, но со временем она освоилась во внешнем мире, и мы стали совершать долгие прогулки по району. Разумеется, на нашем пути встречались другие собачники, и выяснилось, что Элли обожает играть с сородичами. Недалеко от моего дома располагается пустырь, на котором по вечерам регулярно собираются владельцы небольших пород собак. Мы с Элли стали завсегдатаями этого пустыря, проводя там по несколько часов каждый вечер. Для Элли эти часы, вероятно, были самыми счастливыми в течение суток, но для меня они были сопряжены с социальным дискомфортом — мне приходилось проводить значительное время в ситуации физического соприсутствия с людьми (владельцами других собак), с которыми я не хотел общаться. Причины того, почему я не хотел вступать во взаимодействие с собачниками, не являются предметом обсуждения данной работы. Здесь важно зафиксировать сам факт того, что мне было некомфортно, и я был вынужден мириться с этим социальным страданием.

В какой-то момент я задумался о том: насколько распространена подобная ситуация, и как с ней справляются другие собачники, тоже не любящие вести праздные беседы во время прогулок со своими любимцами? Благо, среди моих знакомых было некоторое количество владельцев собак, и я поговорил с ними о том, как проходят их прогулки. Выяснилось, что социальный дискомфорт, с которым я столкнулся, свойственен не только мне: некоторые мои знакомые также сообщили о том, что вынуждены ради блага своих домашних любимцев пребывать в социальных группах, нахождение в которых для них, мягко говоря, не было желаемым. В ходе интервью и путем самонаблюдения (а также включенного наблюдения за другими собачниками)¹, я обнаружил, что существуют различные тактики, позволяющие снизить социальный дискомфорт (или даже беспокойство) во время физического соприсутствия с другими собачниками, нередко желающими завести беседу с несчастными интровертными владельцами питомцев,

¹ К сожалению, я не имел возможности вести фото- и видеосъемку своих прогулок с Элли, поэтому в ходе исследования я интервьюировал знакомых собачников, а также делал письменные заметки после каждой прогулки.

такими, как я и мои знакомые. Настоящая статья посвящена описанию упомянутых тактик «нейтрализации» грозящего превратиться в нежелательную беседу социального взаимодействия, а также способом «безболезненного» выхода из коммуникации².

Вежливое невнимание в случае выгула собак

Элли может часами играть с другой собакой (или другими собаками). В такой ситуации я чувствую себя, как человек, оказавшийся в лифте, который идет вверх или вниз несколько часов кряду, а рядом со мной в кабине — незнакомый человек (в данном случае — с другим собачником)³. Как указывает Гоффман, не всякая ситуация физического соприсутствия подразумевает активное взаимодействие между людьми [Goffman, 1963, 84–85]. К примеру, вполне нормально находиться в вагоне метро и при этом не вести беседу с другими людьми, которые едут с вами в вагоне. Резонно предположить, что на то, насколько уместным будет молчание в ситуации физического соприсутствия между незнакомцами (или малознакомыми людьми), будут влиять три обстоятельства: 1) количество присутствующих людей; 2) площадь пространства, в котором (не) происходит взаимодействие и 3) предполагаемая длительность соприсутствия⁴. Если количество

² Насколько нам известно, на данный момент не существует работ, посвященных взаимодействию между собачниками, и тем более, такой деликатной проблеме, как нежеланию взаимодействовать с людьми во время выгула собаки. Тем не менее, стоит упомянуть крайне увлекательную работу этнометодолога Дэвида Гуди [Goode, 2007], в которой он описывает опыт игры со своей корги Кити. Правда, в своем исследовании Гуди обсуждает преимущественно взаимодействие между собой и своим питомцем. В данном исследовании исследовательский фокус направлен все же на преимущественно человеческое взаимодействие.

³ Важно отметить, что все обсуждающиеся ниже ситуации касаются взаимодействия только двух собачников. Такое решение обусловлено тем, что необходимость применения описываемых далее тактик возникает зачастую в тех случаях, когда собачников только двое. Если их больше, то интровертный собачник не в меньшей степени подвергается давлению вступить в речевое взаимодействие.

⁴ В качестве дополнительного фактора, обуславливающего легитимность невступления в коммуникацию, можно указать материальную организацию пространства. Например, два человека могут ехать в междугородней маршрутке на протяжении нескольких часов, при этом, если они не сидят рядом, то молчание будет вполне уместным, поскольку

людей мало (например, два человека), площадь пространства относительно невелика (или перемещение по нему по каким-то причинам невозможно) и длительность взаимодействия обещает быть долгой, то речевого взаимодействия как будто не избежать. Отказ от общения в такого рода ситуациях предполагает некую легитимацию [Scott & Lyman, 1968]. Нередко во время прогулок с Элли я оказывался именно в таких ситуациях.

Приведу пример. Я прихожу гулять с Элли на упоминавшийся пустырь и вижу там одного-единственного джека-рассела (с которым, как на зло, Элли очень любит играть) с хозяйкой, женщиной намного старше меня, и которая мне не очень приятна. Собаки, спущенные с поводков, сцепляются в лающий клубок, а я остаюсь с хозяйкой джека-рассела один на один. Обычно подобного рода игра может длиться около часа. Когда придут остальные собачники и снимут с меня ответственность быть единственным потенциальным собеседником женщины-собачницы — не вполне ясно. Женщина начинает вести со мной беседу об «ужасном поколении детей», которые тыкали в её собаку палкой (возможно, они хотели с ней поиграть, лично я не застал тот случай). Я отдавал себе отчёт в том, что не хочу ввязываться в обсуждение этой щепетильной темы, но при этом молчать было неловко. Каковы способы относительно безболезненного выхода из подобных ситуаций?

Личный опыт и интервью показывают, что в подобных ситуациях можно воспользоваться несколькими «стратегиями»:

1. Комментирование действий своей собаки

Как ни странно, для того, чтобы снять социальное напряжение, которое может возникнуть в случае нежелания поддерживать навязываемый другим собачником разговор, можно завести разговор, но не с другим человеком, а как бы с самим собой или со своей собакой. Таким образом слова звучат, вы и другой человек уже не пребываете в гнетущей тишине, но речевого взаимодействия между хозяевами собак как такового не происходит. В качестве доказательства «работоспособности» подобной тактики обратимся к словам одного из информантов:

«Когда я прихожу на площадку гулять с Унтом и вижу там какого-то человека, то я практически сразу начинаю Унту что-то говорить.

ку расстановка кресел, очевидно, затруднит возможность беседы между ними (например, они могут не видеть лиц друг друга) [Latour, 1992]

Он может носиться по площадке с другой собакой, валяться с ней, кусаться, что угодно делать, а я такой: „ай молодец“, „ой дурачок“, „куда ты побежал, скотина?“ или что-то в таком роде. Некоторые люди подхватывают эту мою интенцию и сами начинают говорить со своими собаками. И так может вся прогулка пройти. Происходит вот это бессмысленное балобольство, но с другим человеком я могу и словом напрямую не обмолвиться» (Олег, 28).

В этом фрагменте обращают на себя три момента. Во-первых, как справедливо указывает информант, эксплицитное обращение к своей собаке или комментирование ее действий как будто «выключает» потенциального собеседника из беседы, но при этом позволяет создать видимость разворачивающегося речевого взаимодействия. Во-вторых, интересно то, что информант использует тактику «разговора» со своей собакой как своего рода «превентивную меру»: он начинает активно комментировать действия Унта еще до того, как потенциальный собеседник вступит с ним в речевое взаимодействие, что снимает с него необходимость решать проблему прекращения беседы или перевода темы, ведь если беседа не успела начаться, то и прекращать ее не придется. В-третьих, стоит отметить, что несмотря на то, что такое комментирование помогает избежать разговора (как было сказано в первом пункте), оно, тем не менее, оставляет возможность включиться собачникам в производство дискурса, при этом не обращаясь к другому человеку напрямую. По-видимому, молчащий человек может испытать чувство социальной исключенности, но не имея очевидной возможности завязать беседу (как это сделать, если потенциальный собеседник уже как бы занят «другим разговором» со своим питомцем?), он все еще имеет возможность «подключиться» к комментированию. Такая ситуация похожа на работу двух комментаторов во время какого-нибудь спортивного соревнования, например, футбольного матча. Мой регулярный опыт просмотра матчей, в которых используется «двойное комментирование», свидетельствует о том, что комментаторы, работающие в паре, крайне редко вступают во что-то наподобие диалога, в котором присутствуют обмен репликами, обращения друг к другу, дискуссии, споры и тому подобные формы речевого взаимодействия. Конечно, такие прецеденты имеют место, но они (по моим субъективным оценкам, разумеется) остаются крайне редкими. Очевидно, что в случае комментирования футбольного матча отсутствие подобия «нормального» диалога неслучайно: комментаторы готовятся к матчу и стараются, чтобы «все прошло гладко». Вступление в оживленные дискуссии во время комментирования может стать причиной непредсказуемости дальнейшего взаимодействия, к примеру комментаторы, могут поссориться или отвлечься от комментирования матча. Работа на аудиторию в данном случае

представляет собой специфический фрейм речевого взаимодействия [Goffman, 1974], главное в котором — плавное течение комментирования. Этот фрейм отличен от совместного просмотра друзьями футбола в баре. Во время просмотра футбольного соревнования с другом можно не стесняться в оценках, выражениях, не задумываться от объективности своих суждений и т. д. Разумеется, комментирование действий своей собаки не является профессиональным комментированием футбольного матча, однако, на наш взгляд, это сравнение является уместным, поскольку комментирование игры своего питомца способствует переключения фрейма возможной коммуникации с другим собачником с «повседневной беседы» на что-то наподобие спортивного комментария. При таком переключении, как и в случае профессионального комментирования спортивных состязаний, активное речевое взаимодействие двух комментаторов друг с другом становится маловероятным событием (но, разумеется, не невозможным).

На основе личного опыта к словам процитированного информанта хочется добавить еще одну важную деталь (которая, возможно, так же имела значение в его попытках избежать нежелательной коммуникации, но не была отрефлексирована или банально не вспомнена во время интервью): для того, чтобы другой собачник понял, что вы «заняты комментированием», необходимо поддерживать определенную плотность высказываний. Проще говоря, комментирование не должно прекращаться на длительные промежутки времени. Здесь опять же напрашивается аналогия с профессиональным комментированием футбольного матча. Обычно комментаторы не замолкают на длительное количество времени. В данном случае это связано с вполне прагматичным мотивом. Их работа заключается в комментировании матча, и было бы странно, если бы на, к примеру, пять минут воцарилась бы тишина, нарушаемая лишь шумом трибун (такая тишина воспринималась бы как «поломка» [Heritage, 1984]). С другой стороны, такая установка порой приводит к довольно комичным ситуациям. Не всегда на поле происходит что-то интересное. В такие моменты некоторые комментаторы начинают повторяться, заниматься пересказом не слишком увлекательной статистики и так далее. В случае с выгулом собак необходимость в постоянном комментировании обусловлена не «профессионализмом», а необходимостью не позволить другому собачнику сломать «фрейм» комментирования. Тишина в данном случае подразумевает риск того, что другой собачник переключит фрейм коммуникации с комментирования на беседу.

2. Физическое дистанцирование

Второй тактикой, позволяющей избежать коммуникации с собачниками, является физическое дистанцирование от них в пространстве. Нередко я наблюдал за тем, как собачники, не желающие общаться (как и я сам), стоят поодаль от игровой площадки, при этом все еще оставаясь в пределах видимости своей собаки, и соответственно, сохраняя своего питомца в пределах собственной видимости⁵. Еще ни разу я не сталкивался с тем, чтобы они заслуживали упреки в том, что не хотят «присоединиться к коллективу гуляющих». Однако несмотря на кажущуюся простоту этой тактики (особенно на фоне энергозатратной первой), она таит в себе ряд проблем. Далеко не всегда игра протекает беспроblemно: иногда собаки начинают злиться друг на друга, и их необходимо разнимать. Собаки могут пуститься в погоню за велосипедистом или доставщиком еды или попытаться вступить во взаимодействие с приблизившимся к игровому пространству ребёнком. Если хозяин расположен от собаки слишком далеко, то он может не успеть вмешаться до того, как ситуация накалится. Я лично был свидетелем ситуации, когда одна из собак погналась за мальчиком на роликовых коньках и преследовала его до тех пор, пока тот не упал от страха. После падения собака продолжала лаять на него в то время, как хозяин спешил к ребенку на помощь. Вероятно, этой ситуации можно было бы избежать, если бы хозяин прогуливался не в удалении от игровой площадки, а находился бы в непосредственной близости от нее. В целом, возможность использования этой тактики во многом зависит от поведения питомцев и сопряженных с ним рисков. Например, я обычно не отхожу от Элли очень далеко как раз в силу её склонности вступать во взаимодействие с прохожими, велосипедистами, детьми и так далее. Простой оклик в ее случае часто не срабатывает (Элли не проходила специальной дрессировки, и я бы назвал её крайне упрямой собакой), из-за чего иногда приходится буквально ловить её до того, как она, например, пустится в погоню за велосипедистом.

⁵ Разумеется, стратегия физического дистанцирования может быть осуществлена только в том случае, если хозяин отпускает свою собаку с поводка для игры. Как показывает мой опыт наблюдений, больших собак хозяева редко отпускают с поводка, если игровое пространство не изолировано от «внешнего мира». Впрочем, у меня есть один друг, который выгуливает свою большую собаку без поводка. Нередко ему приходится выслушивать упреки людей, опасаящихся того, чтобы его собака покусает их или их детей. Еще ни разу я не наблюдал проявления агрессии со стороны собаки друга, поскольку она проходила специальную дрессировку. Однако опасения людей в данном случае представляются мне абсолютно понятными.

3. Использование гаджетов

Третьим способом является использование гаджетов. Действительно, резонно предположить, что направление взгляда в мобильный телефон создает видимость занятости, что, в свою очередь, блокирует возможность для других собачников вступить с вами в коммуникацию. Однако как показывает практика, этот способ срабатывает далеко не всегда. Я неоднократно сталкивался с тем, что собачники продолжают настойчивые попытки заговорить со мной, даже если я не поднимаю глаз от телефона. По-видимому, такое пренебрежение к моей изображаемой занятости объясняется тем, что в современном мире люди крайне часто устремлены в свои телефоны, и сам по себе факт того, что человек смотрит в мобильное устройство, уже не является очевидной преградой для того, чтобы попытаться инициировать с ним коммуникацию. В пользу этой гипотезы говорит то, что некоторые из моих знакомых, держа в руке телефон, считают оправданным осуществить эксплицитное предупреждение о том, что в данном случае их взгляд, направленный в телефон, связан с какой-то насущной необходимостью, и им требуется несколько мгновений спокойствия, чтобы решить какой-то вопрос. В данном случае вербализация просьбы «не беспокоить» указывает на то, что у моих знакомых существует фоновое ожидание [Goffman, 1967] относительно того, что их «пребывание в телефоне» может быть прервано собеседником, поскольку во времена, когда телефон буквально не выпускается людьми из рук, не стоит рассчитывать на то, что взгляд, направленный в мобильное устройство, сам за себя говорит о том, что человек занят и не расположен к беседе.

4. Ношение наушников

Можно было бы предположить, что прогулка в наушниках также является хорошим способом предотвращения возникновения нежелательных бесед с другими собачниками, однако, как показывает опыт, эта тактика имеет свои минусы. Во-первых, я неоднократно сталкивался с ситуацией, когда другие собачники, даже видя, что я нахожусь в наушниках, все равно пытаются вступить со мной в коммуникацию (я понимаю это по тому, что их рты раскрываются). В таком случае из соображений вежливости я снимаю наушники. Во-вторых, и это соображение напрямую связано с первым, по-видимому, само по себе пребывание в наушниках может быть трактовано как проявление невежливости к потенциальным собеседникам. По большому счету, все

ранее упоминавшиеся тактики скорее намекают на то, что человек не горит желанием вступать в коммуникацию, нежели однозначным образом маркируют его отказ вести беседу⁶. В случае, если вы не снимаете наушники и при этом находитесь рядом с другим собачником, это может быть считано как откровенно недружелюбный отказ разговаривать или, что еще хуже, непризнание другого собачника как достойного того, чтобы ради него снять наушники. Это утверждение основано на высказываниях наших информантов. Предоставим слово одному из них:

«Мне, честно говоря, как-то неловко гулять с собакой в наушниках, ну, потому что ты стоишь вот условно рядом с другим человеком, и вдруг он тебе что-то захочет сказать. У меня возникает ощущение, что это все-таки не очень вежливо — стоять в наушниках перед другим человеком» (Алексей, 18).

В данном случае неловкость, о которой говорит информант, исходит из устоявшихся представлений о вежливости. Ношение наушников воспринимается им как неуважительный жест по отношению к другому собачнику, даже если тот не предпринимает очевидных попыток вступить с ним в коммуникацию. Однако в нашем распоряжении есть рассказ о том, когда неловкость исходит не из внутренних убеждений информанта о том, как должно себя вести в присутствии других собачников, а становится результатом коммуникации, которой информант стремился избежать:

«Я гулял с Вилли, и он там завожился с другой собакой. Я был в наушниках, соответственно. И в какой-то момент хозяин той второй собаки начал передо мной махать руками, мол, сними наушники. Я снял, и он мне заявляет: „Уши-то снимать надо, когда со своим псом гуляешь, посмотри, что он с моей собакой вытворяет, оттащи его“. На мой взгляд, ничего такого Вилли с собакой этого мужика не вытворял, они просто бесились, немного агрессивно, но в пределах нормы. Мужик какой-то чувствительный попался слишком, может, день у него не задался. Но не суть. Вот после этого раза я, когда подхожу к другим собачникам, наушники всегда снимаю, ну, потому что,

⁶ За исключением, пожалуй, физического дистанцирования. Однако здесь важно сделать уточнение: если вы стоите достаточно далеко от играющих собак, то вы в принципе едва ли будете рассматриваться как потенциальный партнер для диалога. В случае, если вы остаетесь вблизи другого собачника, но не снимаете наушники, вы как будто явно указываете ему на то, что не собираетесь ни при каких обстоятельствах с ним разговаривать, в то время как вы уже, вероятно, категоризированы как потенциальный собеседник [Hester & Eglin, 1997].

во-первых, ну мало ли что, действительно, а во-вторых, не особо хочется получать замечания от всяких козлов» (Матвей, 28).

Мы видим, что в этом нарративе ношение наушников становится причиной (правда, не развившегося) конфликта. Несмотря на то, что информант воспринял претензию хозяина другой собаки по отношению к Вилли не вполне уместной, его требование снимать наушники во время прогулки оставило свой отпечаток. По-видимому, большинством собачников ситуация соприсутствия воспринимается как возможность (пускай и нежелательная) для старта коммуникации, поэтому пребывание в наушниках считается как жест невежливости⁷.

5. Фатичная коммуникация

В качестве последнего способа уклонения от нежелательной коммуникации я выделяю так называемую фатическую коммуникацию [Jacobson, 1960]. Под фатическим речевым актом обычно понимаются такие высказывания, которые не обладают каким-либо смыслом и направлены на установление или поддержание контакта (например, «ага», «угу», «mmm»). Парадокс в данном случае заключается в том, что обильное использование такого рода речевых актов либо блокирует развитие коммуникации, либо позволяет принимать в ней минимальное участие. Я применяю этот способ крайне часто. В моем дворе есть очень общительная женщина, которая готова говорить без умолку, и, разумеется, Элли очень любит играть с ее собакой. Обычно во время взаимодействия с этой женщиной я ограничиваюсь фразами

⁷ Обычно я не гуляю с Элли в наушниках (вернее, я перестал это делать по обсуждавшимся выше причинам), однако однажды мне пришлось выйти с ней позже обычного, и я не предполагал встретить много собачников во дворе, поэтому все же надел наушники. Во время прогулки мне встретился собачник, который тоже был в наушниках. Элли и другая собака начали обнюхивать друг друга. Я прекрасно помню, как в свете фонаря встретился взглядом с собачником, и мы, как будто ментально сговорившись, «разрешили» друг другу не снимать наушники. Несмотря на то, что между нами не произошло ровным счетом никакой вербальной коммуникации (при прощании мы лишь кивнули друг другу), у меня сложилось стойкое впечатление, что именно тот факт, что мы оба были в наушниках, легитимировал возможность остаться в них и продолжать слушать музыку, ибо в данном случае мы находились в «равных условиях». Наличие наушников лишь у одного из собачников, по-видимому, создает коммуникативную асимметрию [Brown & Levinson, 1987].

«угу» и «ага» (или сдержанной улыбкой), отвечая так практически на любую ее реплику. Вероятно, женщине довольно тяжело о чем-то длительно говорить, не получая какой бы то ни было внятной реакции собеседника, и в большинстве случаев ее коммуникационный пыл иссякает где-то спустя 5–10 минут, и мы продолжаем прогулку в относительно тишине. Видимо, со временем женщина поняла, что я не особо общительный человек, и теперь даже не предпринимает попыток завести со мной беседу, ограничиваясь простым приветствием. Проблема, связанная с этой тактикой, заключается в том, что она все же не гарантирует того, что вам не будут задаваться вопросы, требующие более-менее развернутого ответа. Если, комментируя действия своей собаки, вы сохраняете мяч на своей половине поля, то в данном случае инициативой владеет условный «соперник». Один раз мне был задан вопрос о том, как я кормлю Элли, и я уже не мог ограничиться ответом наподобие «ага» или «угу», вследствие чего я был втянут в изнурительный диалог о питании собак.

Тактики «безболезненного» выхода из коммуникации

Отдельного обсуждения заслуживает вопрос о «выходе из коммуникации». Как показывает мой опыт взаимодействия с собачниками, практически все они воспринимают своих и чужих собак как существ, наделенных своими желаниями, с которыми необходимо считаться. Это замечание важно, поскольку достаточно часто имеет место ситуация, когда хозяину собаки необходимо прервать игру своего питомца с другими собаками (или человек просто хочет прекратить физическое присутствие с другими собачниками, что, к слову, крайне актуально в случае меня и моих информантов), однако питомец не желает прекращать игровое взаимодействие. Практически ни разу я не сталкивался с ситуацией, когда хозяин силой «оттаскивал» свою собаку от другой и покидал игровое пространство. Даже если собака не оказывает сопротивления при попытке хозяина прекратить игру, человек все равно вынужден каким-либо образом «оправдать» необходимость завершения собачьего взаимодействия. Это происходит главным образом из-за необходимости «сохранить лицо» [Goffman, 1955] перед другими собачниками, причем эта процедура «сохранения лица» обусловлена как нежеланием прослыть плохим хозяином, не уважающим желания своей собаки, так и опасением показаться невежливым человеком. В большинстве повседневных ситуаций процесс завершения коммуникации между незнакомыми (или малознакомыми) людьми не вызывает особых сложностей. Например, в магазине, «пробив» товар на кассе, большинство людей говорят «до свидания» кассиру

(или не говорят ничего), слышат «до свидания» в ответ, и взаимодействие прекращается без каких-либо накладок. Однако в обсуждаемой ситуации игры собак произнесение простого прощания может оказаться недостаточным, поскольку в данном случае человек принимает решение не только за себя, но и за своего питомца. Это обстоятельство требует указания причины прекращения игры. К примеру, если посреди игры один из хозяев скажет своему питомцу «пойдем», и тот последует за человеком, это не гарантирует того, что завершение коммуникации пройдет безболезненно. Я лично сталкивался с нежелательностью такого опрометчивого «ретиrowания» с места игровых событий. Во время одной из прогулок с Элли у меня заболела голова. В момент, когда боль стала практически нестерпимой, моя собака резвилась с другой на поляне. Этому процессу не было видно конца, и я, усталый и раздраженный, сказал Элли «пойдем домой», и она направилась ко мне. В этот момент хозяйка другой собаки сказала мне следующее: «Ну, что же вы? Дайте собачкам еще поиграться». Очевидно, что в данном случае указания на то, что я собираюсь домой, оказалось недостаточно, чтобы беспрепятственно прекратить мое с Элли присутствие на поляне. Собака — «моральное существо», и чтобы прекратить её игру, нужны веские причины. Как показал мой опыт и взятые интервью, самыми употребимыми и рабочими легитимациями, позволяющими относительно безболезненно прекратить физическое соприсутствие с другим собачником, является указание на то, что вашей собаке необходимо справить нужду, или апелляция к тому, что вы уже долго гуляете со своим питомцем. Оба «оправдания» подразумевают то, что вы, прежде всего, заботитесь о благе своей собаки, и поэтому, прекращая игру, все еще остаетесь хорошим хозяином и не проявляете невежливость по отношению к другому собачнику. Важно отметить, что, будучи занятыми игрой, питомцы не могут справлять нужду (даже если хотят это сделать), поскольку им, по-видимому, не хочется отвлекаться от игрового процесса. Как демонстрирует мой личный опыт и интервью для того, чтобы собака справила нужду, ей необходимо на некоторое время остаться в одиночестве, и ее внимание не должно быть занято другой собакой. Один из информантов сформулировал это следующим образом:

«Моя Булка не может какать, если вокруг другие собаки, поэтому, когда я ухожу с площадки, я говорю другим собачникам «мы идем походить», и они сразу понимают, что Булке надо покакать. При этом я иногда пользуюсь этой хитростью просто, чтобы слить, даже если Булка уже покакала» (Артем, 21).

Указание на длительную прогулку также воспринимается другими собачниками, прежде всего, как забота о ее благополучии, поскольку питомцам не следует переутомляться, но им самим бывает

тяжело прекратить игровое взаимодействие, даже если они чувствуют усталость. Я наблюдал ситуацию, когда одна из партнерок по игре Элли, собака по кличке Берта, уже явно тяжело дышала и выглядела изможденной, но не уходила с площадки, и была вынуждена «отвечать» на попытки других собак продолжить с ней игру. Когда хозяин Берты все же зацепил ее на поводок и сказал, что они «уже давно гуляют, и Берте пора домой», никто из других собачников не предпринял попытки убедить хозяина Берты остаться на площадке еще на какое-то время, поскольку всем было понятно, что в данном случае он проявляет заботу о физическом здоровье Берты. Разумеется, оправдания подобного рода могут применяться и в тех случаях, когда собака ещё не устала, но её хозяину не хочется находиться в сопresутствии с другими собачниками. Я сам имел опыт использования подобной тактики. Однажды на площадку пришёл человек, который часто бывал в нетрезвом состоянии, и с которым в тот день у меня не было настроения вести коммуникацию (впрочем, надо признать, что в некоторых случаях разговоры с ним оказывались довольно забавными). Я сказал ему, что мы с Элли гуляем уже полтора часа, и у неё уже скоро начнут болеть лапы, поэтому нам пора домой (хотя, в действительности на тот момент мы гуляли не больше двадцати минут, и ретировавшись с площадки, отправились не домой, а в другое место для продолжения прогулки). Мужчина лишь понимающе кивнул.

Заключение

В рамках данной статьи я с помощью автоэтнографии и небольшого количества интервью со своими знакомыми собачниками попытался описать тактики ухода от нежелательной коммуникации во время выгула собаки. Среди таких тактик были упомянуты 1) активное комментирование действий своей собаки (и разговоры с ней); 2) физическое дистанцирование от места собачьей игры; 3) использование мобильного телефона; 4) ношение наушников; 5) фатическая коммуникация. Как ни странно, по-видимому, наиболее эффективной является первая тактика, хотя она парадоксальным образом требует от интроверта, не желающего общаться с другими собачниками, активного производства дискурса, обращенного к своей собаке. В целом, ни один из обсуждаемых способов не может быть признан универсальным, и успех использования каждого из них зависит от конкретных обстоятельств социального взаимодействия. Также в статье были обсуждены способы «безболезненного» завершения собачьей игры. Было показано, что собачники воспринимают своих питомцев как своего рода «моральных существ», с желаниями которых необходимо

считаться, вследствие чего прекращение собачьих игр требует легитимации, предъявляемой другим собачниками (нельзя просто взять и увести свою собаку, если она увлечена игрой). В качестве «легитимных» причин прекращения игры признаются те, которые связаны с «желаниями» самой собаки: необходимость справить нужду или усталость. Все описанные сложности, с которыми может столкнуться собачник-интроверт, наводят на мысль о том, что единственным гарантированным способом избежать нежелательной коммуникации с другими собачниками, является отказ от заведения собаки в принципе.

Литература

1. Brown, P., Levinson, S. C. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge University Press, 1987.
2. Goode, D. Playing with my dog Katie: an ethnomethodological study of dog-human interaction. Purdue University Press, 2007.
3. Goffman, E. On Face-Work: An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction // *Psychiatry: Journal for the Study of Interpersonal Processes*. 1955. No. 18(3). P. 213–231.
4. Goffman, E. Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings. Free Press, 1963.
5. Goffman, E. Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. Anchor Books, 1967.
6. Goffman, E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. Harvard University Press, 1974.
7. Heritage, J. A Change-of-State Token and Aspects of Its Sequential Placement // Atkinson J. M. & Heritage J. (Eds.) *Structures of Social Action*. Cambridge University Press, 1984. P. 299–345.
8. Hester S., Eglin P. (Eds.). *The Montreal Massacre: A Story of Membership Categorization Analysis*. Wilfrid Laurier University Press, 1997.
9. Jacobson R. Closing Statement: Linguistics and Poetics // Sebeok T. A. (Ed.) *Style in Language*. MIT Press, 1960. P. 350–377.
10. Latour, B. Where Are the Missing Masses? The Sociology of a Few Mundane Artifacts // Bijker W. E. & Law J. (Eds.) *Shaping Technology / Building Society: Studies in Sociotechnical Change*. MIT Press, 1992. P. 225–258.

Maxim Kotelnikov

Co-presence without communication: tactics for avoiding verbal interaction with dog owners while walking your dog

Maxim Kotelnikov, candidate of Sociological Sciences. Full-time teacher at the Moscow School of Social and Economic Sciences. **Address:** Moscow, st. Myasitskaya, 20. **E-mail:** maximant13@yandex.ru.

Annotation: The article examines strategies for avoiding unwanted verbal interactions with dog owners while walking dogs. The study is based on the author's autoethnographic experience and interviews with "introverted" dog owners. The discussion focuses on five tactics aimed at reducing the level of social discomfort of the "introverted dog owner": actively commenting on your dog's actions, physically distancing yourself from the dog's play area, using a mobile phone, wearing headphones, and phatic communication. Particular attention is paid to the paradoxical effectiveness of the first of these tactics — verbal interaction with the dog as a way of "avoiding" conversations with people. The article also analyzes practices of legitimizing the termination of dog play, reflecting the perception of dogs as creatures with moral status and autonomous desires. It is concluded that none of the described tactics is universal, and their success depends on situational factors.

Keywords: interaction; animals; autoethnography; introversion; polite inattention; everyday life; city

For citation: Kotelnikov, M. (2026) Co-presence without communication: tactics for avoiding verbal interaction with dog owners while walking your dog. *Russia's Directions*. Vol. 4. No. 3. P. 80–95.

References

1. Brown, P., Levinson, S. C. (1987). *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge University Press.
2. Goode, D. (2007). *Playing with my dog Katie: an ethnomethodological study of dog-human interaction*. Purdue University Press.
3. Goffman, E. (1955). On Face-Work: An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction. *Psychiatry: Journal for the Study of Interpersonal Processes*. No. 18(3). P. 213–231.
4. Goffman, E. (1963). *Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings*. Free Press.
5. Goffman, E. (1967). *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. Anchor Books.
6. Goffman, E. (1974). *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. Harvard University Press.
7. Heritage, J. (1984). A Change-of-State Token and Aspects of Its Sequential Placement. In Atkinson J. M. & Heritage J. (Eds.) *Structures of Social Action*. Cambridge University Press. P. 299–345.
8. Hester S., Eglin P. (Eds.). (1997). *The Montreal Massacre: A Story of Membership Categorization Analysis*. Wilfrid Laurier University Press.

9. Jacobson R. (1960). Closing Statement: Linguistics and Poetics. In Sebeok T. A. (Ed.) *Style in Language*. MIT Press. P. 350–377.
10. Latour, B. (1992). Where Are the Missing Masses? The Sociology of a Few Mundane Artifacts. In Bijker W. E. & Law J. (Eds.) *Shaping Technology / Building Society: Studies in Sociotechnical Change*. MIT Press. P. 225–258.

Между инструментом и жертвой: лабораторное животное в биомедицинском дискурсе

Елизавета Олеговна Чашцевая — магистр социологии, ИОН, РАНХиГС. **Адрес:** Москва, пр-кт. Вернадского, д. 82, стр. 1. **Электронная почта:** lizachash83@gmail.com.

Аннотация: В статье рассматривается фигура лабораторного животного в современном биомедицинском дискурсе через призму философских и социологических концепций власти, жертвоприношения и агентности. Автор показывает, что лабораторное животное занимает противоречивое положение: с одной стороны, оно выступает стандартизированным исследовательским объектом и биологическим ресурсом, предназначенным для производства научного знания, а с другой — наделяется символическим статусом жертвы, чья смерть оправдывается общественной пользой науки и закрепляется в практиках памяти и коммеморации.

Теоретической основой анализа служат концепция «голой жизни» Джорджо Агамбена, Жоржа Батая и трактовка жертвоприношения у Эмиля Дюркгейма в перцепции Майкла Линча, а также представление о материальной агентности в акторно-сетевой теории. В рамках агамбеновской перспективы лабораторное животное рассматривается как существо, исключённое из политического и правового порядка и сведённое к биологическому существованию. Обращение к работам Линча позволяет интерпретировать экспериментальную смерть животного как форму жертвоприношения, посредством которого тело животного трансформируется в носитель научного знания и включается в сакральный порядок науки. В концепции Линча жертвоприношение остаётся встроенным в утилитарную логику науки. Жертвой становится только то животное, чья смерть была правильно организована и привела к производству научного знания.

Автор показывает ограниченность подобного подхода и предлагает обратиться к философии Батая, где подлинное жертвоприношение связано не с производством полезного результата, а с утратой полезности и выходом из утилитарной логики. Жертвоприношение представляет собой разрыв с миром вещей и средств, освобождение от подчинения внешней цели.

Такой поворот позволяет иначе взглянуть и на вопрос агентности лабораторного животного. Если преждевременная смерть разрушает утилитарную логику эксперимента, лишает ученых ожидаемых данных и выводит животное из режима полезного использования, то её можно рассматривать как форму сопротивления. Такой взгляд позволяет увидеть в лабораторном животном не только объект научного воздействия или жертву, но и субъекта, способного нарушать установленный порядок производства знания.

Ключевые слова: исследования науки и технологий (STS), лабораторные животные, агентность, научная этика, жертвоприношение, Джорджо Агамбен, Майкл Линч, Жорж Батай.

Для цитирования: Чашцевая, Е. О. Между инструментом и жертвой: лабораторное животное в биомедицинском дискурсе // Пути России. 2026. Т. 4. № 3. С. 96–114.

Лабораторное животное в современном биомедицинском дискурсе выступает фигурой структурного разрыва. С одной стороны, оно сводится к инструменту для производства знания. С этим связана, например, стандартизация тел лабораторных животных — например, для экспериментов вывели крыс породы Спрэг-Дуули и Вистар, поскольку их особи обладают примерно одинаковым весом и размером мозга; кроме того, их скрещивание и генетическое разнообразие контролируется для возможности предсказания результатов эксперимента. Таким образом, лабораторные крысы выступают как взаимозаменяемые сущности, научный биокапитал. Кроме того, для более «эффективного» выполнения задачи животных нередко превращают в киборгианских созданий — такова описанная Донной Харауэй OncoMouse™ — высоко восприимчивая к раку «биоинженерная мышь», созданная и запатентованная гарвардскими исследователями как «изобретение» [Haraway, 1997].

В то же время, чтобы поддерживать моральную и институциональную легитимность практики опытов над животными, их смерть в результате эксперимента оформляется как оправданная, необходимая, «жертвенная». Идея о том, что лабораторные животные приносятся в жертву на благо науки, на разных уровнях воспроизводится самими учеными — к примеру, памятник лабораторной мыши в новосибирском Академгородке, памятник бабину на территории научного института в Сухуми и памятник собаке Лайке у здания Института военной медицины в Москве воспроизводят дискурс о том, что многие животные страдают и погибают во имя блага человека.

Необходимость в подобном оправдании опытов с животными возникла совсем недавно — с подъёмом зоозащитных движений во второй половине XX века. В своей статье 1991 года Арнольд Арлюк приводит результаты своего этнографического исследования учёных и сотрудников, чья работа так или иначе связана с опытами на животных или с уходом за лабораторными животными. Арлюк рассматривает, как эта работа, ещё недавно обладавшая довольно высоким социальным статусом, стала стигматизированной в результате действий активистов движения за права животных. В частности, он приводит множество интервью с учёными и ветеринарами, которые рассказывают о стратегиях избегания разговоров о своей работе и необходимости контролировать информацию, чтобы не быть осуждённым малознакомым собеседником. Один зоотехник говорит: «Раньше я чувствовал себя героем, а теперь — преступником» [Arluke, 1991, p. 311]. Одной из стратегий защиты, в частности, была конфронтация и отстаивание полезности своей работы:

«В интересах улучшения образа экспериментов на животных они принимали позу просветителей, приносящих публике информацию о науке и медицине, исправляя то, что считали заблуждениями

об исследованиях — подход, также встречающийся среди просветителей с другими стигмами» [Arluke, 1991, p. 318].

Именно с началом истории движения за права животных и, в частности, против вивисекции, лабораторное животное предстаёт в жертвенном свете. Первый в мире памятник лабораторному животному появился в Лондоне в 1906 году и был связан с «Делом о коричневой собаке» — скандалом вокруг акта публичной вивисекции над ещё живым терьером, который привёл к волне возмущения активистов и суфражисток и столкновениям со студентами-медиками, выступавшими за вивисекцию. Установленный в результате протестов бронзовый памятник, в противоположность современным, не обладал флером героизации. Это был именно памятник жертве вивисекции — не помощнику, а исключительно пострадавшему.

Эту практику коммеморации учёные довольно быстро взяли на вооружение, когда потребовалось в действительности занять оправданием того, что ещё недавно было нормальным. И уже в 1935 году советский физиолог Иван Павлов инициировал установку памятника своим знаменитым собакам, которых он использовал для исследования работы высшей нервной деятельности. Затем, комментируя свою встречу с противниками вивисекции в Лондоне, Павлов говорил: «Сфотографировать бы этот памятник да послать им. Это апофеоз собаки! Благодарность человечества. Раз я поставил памятник собакам, считаю, что мои счёты с ними покончены» [Голиков, Сысое, 2015, с. 88].

Таким образом, сегодня жесты в виде установки памятников чаще призваны продемонстрировать сообществу, что вынужденное насилие в виде сведения реального, натуралистического животного к частям тела, цифрам, фото и графикам, сведение его к состоянию инструмента хотя бы частично окупается тем, что наука выражает им благодарность и уважение за проделанный труд. Подобный механизм описывает Рене Жиран в своей книге о козлах отпущения — в момент кризиса жертву могут расчеловечивать, приписывать преступления, видеть в ней некоторую ненормальность, но после убийства и разрядки её роль признаётся спасительной [Жиран, 2023].

Исследователи в области STS и animal studies фиксируют, что лабораторное животное одновременно делается инструментом, стандартизированным биообъектом, и встраивается в моральные и ритуализированные практики оправдания убийства в логике необходимой жертвы и сакрализации знания.

Я хочу обратиться к философским прочтениям роли животного в мире человека, животного на службе у людей — где лабораторное животное является одним из частных случаев, — чтобы исследовать два способа этого взгляда, как на инструмент, раба, и как на жертву, которая приносится во благо сообщества. Для этого я обращусь

к концепции голой жизни Джорджо Агамбена и к двум концепциям жертвоприношения — Эмиля Дюркгейма и Жоржа Батая. Кроме того, меня интересует вопрос о том, можно ли найти третий путь, в котором лабораторное животное являлось бы не только безвольной жертвой или вещью, но и субъектом.

Животное-объект: голая жизнь

Исследователи отношений человека и животных нередко приписывают вторым статус голой жизни — понятия, введенного Джорджо Агамбеном и означающим существо, исключённое из политического и правового порядка, представляющее собой исключительно биологическую оболочку, жизнь как таковую, или *zoë* (сам факт жизни) в противоположность *bios* (форма жизни, свойственная конкретному существу).

Агамбен разрабатывал свою концепцию голой жизни в плотной связке с понятием *homo sacer*, которое он заимствует из архаического римского права. Если голая жизнь — это политическое состояние, то *homo sacer* относится к юридической сфере и обозначает человека, которого любой гражданин может безнаказанно убить, и в то же время его нельзя принести в жертву богам.

Homo sacer, таким образом, подвергается двойному исключению — из сферы как человеческого, так и религиозного закона:

«Статус *homo sacer* определяется [...] специфическим характером двойного исключения, в которое он помещён, и тем насилием, которому он подвергается. Это насилие — не подлежащее санкциям убийство, которое в его случае любой может совершить, — не поддается классификации ни как жертвоприношение, ни как убийство, ни как исполнение смертного приговора, ни как святотатство» [Agamben, 1995, p. 82].

В римском праве речь идёт об исключении именно за некоторое преступление, нарушение, но Агамбен совершает сдвиг и превращает его в структурную фигуру жизни, которая деперсонифицируется и помещается властью в режим убиваемости. Таким образом, из-за исключения из этих двух сфер человек лишается права на самоличное распоряжение своей жизнью и смертью. И хотя Агамбен описывает прежде всего человеческое состояние, сложно не согласиться, что животные часто также подходят под данное определение (с чем наверняка согласился бы сам Агамбен, которому также принадлежат следующие слова: «Что касается меня, то только антропология, не полагающаяся в центр

человека, может удовлетворить меня» [Agamben, 2024, p. 49]). Среди людей животные в действительности практически не обладают правами и слабо защищены, и хотя работа с лабораторными животными сегодня регулируется законами и научной этикой, на практике они остаются в крайне уязвимом положении.

Классический образ *homo sacer* — это раб на плантации или узник концлагеря. Что немаловажно, эти примеры также приводятся, когда идет речь о расчеловечивании, исключении групп людей из общества. Мы знаем, что это происходило как с колонизированными африканцами, так и с евреями в нацистской Германии. Расчеловечивание связано с размыванием границы между человеком и животным, принижением и сведением субъекта к его животной части. Как пишет Ашиль Мбембе в своей работе о биовласти: «В глазах завоевателя жизнь дикаря — это лишь другая форма животной жизни, нечто чуждое, выходящее за пределы понимания» [Mbembe, 2003, p. 24].

История представления результатов экспериментов с животными в научных публикациях показывает, что даже относительно этих незащищённых и практически невидимых существ может проводиться политика еще большей десубъективации. Как указывает специалистка по этике Лори Груэн, в 1920-е годы один из ведущих журналов в области биологии и медицины, «Журнал экспериментальной медицины», разработал рекомендации для авторов статей касательно того, как нужно описывать манипуляции с лабораторными животными и визуализировать их тела:

«Журнал требовал использовать специальную терминологию: „без анестезии“ вместо „без обезболивания“; „лишение пищи“ вместо „голодания“; „геморрагия“ вместо „кровотечения“; „интоксикация“ вместо „отравления“; „острый“ вместо „тяжелого“. Подробности страданий или борьбы животного в ходе эксперимента не указывались. Устранялись все детали, связанные с действиями животного, его криками до экспериментальной процедуры или после неё» [Груэн, 2024, с. 184].

Кроме того, фотографии тел препарированных животных ставились не размещать, если их можно было описать словами, а если этого не удавалось — размещали лишь изображение фрагмента, а не тела целиком.

Подобные процессы устранения всякой субъектности путем разложения, расчленения физического тела животного — не специфически лабораторная, а общекультурная тенденция. То же самое происходит, например, в современной индустрии производства еды. Полностью отделив убийство коровы на ферме или комбинате от сепарированного куска мяса без шерсти и костей на прилавке магазина, из восприятия покупателей устранили как таковой образ живого

животного, предшествовавшего «куску мяса». «Кусок мяса» всегда был лишь «куском мяса». Как пишет на эту тему Жорж Батай,

«Определение зверя как вещи стало фундаментальным понятием для человечества. [...] Конечно, во взгляде на зверя как на вещь есть доля лжи. Зверь существует сам для себя, и, чтобы сделать его вещью, его нужно убить или приручить. Даже более того, вполне вещью он становится лишь в тушёном, жареном, варёном виде. Собственно, смысл приготовления мяса по своей сути состоит не в гастрономических изысках: прежде всего он в том, что человек ничего не ест, не сделав это предварительно объектом. [...] Но убивать зверя и трансформировать его по своей воле — значит не просто делать вещью то, что изначально не было ею, это значит заранее определять ещё живого зверя как вещь. Убивая, расчлняя, обжаривая, я тем самым утверждаю, что это всегда было не более чем вещью» [Батай, 2006, с. 66].

И животное, и раб, таким образом, за счёт своей подчиненности, неспособности говорить на одном языке со своим тираном, деперсонифицированности и сведённости к состоянию голой жизни, во-первых, не защищены от безнаказанного убийства, и во-вторых, исключены из сакрального порядка — они не только не могут быть принесены в жертву, но и, как правило, не разделяют общую со своим поработителем религию. Если говорить о животных в европейской культуре, мы в целом не мыслим их как способных быть приверженными к какому бы то ни было религиозному порядку.

Но так происходит не во всех культурах. Например, существует множество антропологических работ о коренных жителях Амазонии, отношения которых с животными, разделяющими с ними одно жилое пространство джунглей, выстраиваются совершенно иным образом [например, Viveiros de Castro, 1992; Fausto, 2007; Дескола, 2012; Кон, 2018]. Бразильский антрополог Карлос Фаусто задается вопросом о том, почему жители Амазонии, веря в возможность перерождения и превращения человека в животного, воспринимая других животных как личностей и в некотором смысле своих родных, всё же не расценивают охоту на них как каннибализм. Ответ заключается в том, что отношения между аборигенами и животными выстраиваются в логике войны кланов, где представители вида убитого животного могут отомстить человеку за смерть своего «товарища». Поэтому для безопасности мясо убитого животного необходимо тщательно сварить, чтобы в нём не осталось ни частицы его души. И, напротив, если человек хочет получить часть силы животного — например, ягуара, — он может съесть его сырое мясо, таким образом установив между собой и существом родственные отношения.

Так мы переходим к другой трактовке убийства лабораторного животного — жертвоприношению. Эмиль Дюркгейм уже показал, что

феномен религии заключается не в вере в богов и сверхъестественное, а в разделении мира на сакральную и профанную части. И если, вслед за Дюркгеймом, исходить из предположения, что религия была предтечей науки¹, это открывает нам альтернативный взгляд на лабораторное животное как на жертвенное и включённое в сакральный порядок в современной науке.

Животное-жертва: дюркгеймианский взгляд

В 1988 году социолог Майкл Линч разработал концепцию жертвоприношения в контексте работы с лабораторными животными. Линч работает в дюркгеймианской традиции и утверждает, что наука работает как религия. Опираясь на свою полевую работу в нейронаучной лаборатории, где ставят эксперименты на крысах, Линч пишет о том, что для получения данных этих животных особым образом трансформируют, превращая из натуралистических животных, то есть целостных живых существ, в аналитических, представляющих собой набор информации в виде снимков, частиц тканей, результатов анализов и т. д. Тело лабораторного животного необходимо декомпозировать и перевести в культурный артефакт, точно так же, как это происходит с телами животных на скотобойне. Проще говоря, после или в ходе эксперимента животное необходимо убить, и сделать это необходимо правильным образом — таким, при котором ткани не страдают и останутся пригодными для анализа и дальнейшей работы.

Этот процесс специфического умерщвления Линч концептуализирует как жертвоприношение в классическом смысле — жертвоприношение, которое описывали Юбер и Мосс, а вслед за ними Дюркгейм. В этой традиции жертвоприношение рассматривается как практика, устанавливающая «коммуникацию» между священным и профанным мирами.

Сама по себе смерть животного еще не делает его жертвой. Если в логике голой жизни животное может быть безнаказанно убито как лишённый политической значимости объект, то в лаборатории его

¹ Дюркгейм видел в религиозном мышлении первую форму познания и классификации феноменов: «Религия расчистила путь для науки и философии, потому что показала разуму, как А и В могут быть связаны между собой. Это позволило разуму отсоединиться от чувственных восприятий и возобладать над ними». Научное и религиозное мышление, таким образом, преследуют одну и ту же цель: соединять вещи друг с другом, устанавливать внутренние связи между явлениями, классифицировать и систематизировать

смерть дополнительно наделяется смыслом и включается в символический порядок науки. Расчленённое тело рассматривается уже не как попытка свести живое существо к состоянию профанного объекта, а, напротив, как производство медиума между профанным и сакральным миром: превращаясь в графики, препараты, микрофотографии и массивы данных, оно начинает функционировать как носитель научной истины.

В «Элементарных формах религиозной жизни» Дюркгейм описывает жертвоприношение у австралийских племён как способ поддержания жизни божества — его необходимо ритуально подпитывать, иначе оно может погибнуть, а вместе с ним окажется нарушенным и порядок коллективной жизни. Таким образом, и божество, и человек обязаны своим существованием друг другу. Научная польза здесь играет ту же роль, что и сакральная цель в классическом жертвоприношении: животное оказывается не просто убито, а принесено в жертву во имя поддержания и воспроизводства коллективного порядка науки. Без ежедневно проводимых экспериментов, написания статей и производства данных «тело» науки не будет подпитываться и развиваться.

Всё это, таким образом, предоставляет нам механизм для превращения голой жизни в сакральную жертву через введение концепции научной пользы.

Возможность рассматривать убийство лабораторных животных как жертвоприношение Линч объясняет тремя причинами: во-первых, жертва подготавливается «таким образом, чтобы создать и поддерживать ориентацию на координаты в абстрактном пространстве» [Lynch, 1988, p. 276], то есть превращается из натуралистического животного в точку на системе координат в пространстве научного описания — стандартизированную, сопоставимую, измеримую; во-вторых, результат её убийства позволяет установить связь между эмпирически схватываемым натуралистическим животным и пока что недоступным, «невидимым» аналитическим, как между двумя разными онтологическими порядками; и в-третьих, лабораторное животное, используемое для исследования методов лечения, которые потенциально, в случае успешного тестирования, будут применяться на людях, является в некотором смысле носителем человеческих атрибутов — его тело выступает временной заменой человеческого тела.

Сложность возникает в тот момент, когда животное умирает вне установленного порядка или когда его тело по каким-то причинам оказывается непригодным для превращения его в набор данных:

«Например, лаборант ошибся, и крысы умерли от введённого препарата за день до того, как планировалось убить их с целью эксперимента. Крысы не должны просто умереть в процессе эксперимента — тогда это не будет жертвоприношением. Они должны умереть

по причинам и в тот срок, которые им установили сверху ученые. Иначе данные животного не имеют значимости и оно **просто умерло**» [Lynch, 1988, p. 277].

Это важный момент — жертвоприношение может состояться, только если животное не выпадает из логики полезного использования. Животное, которое оказалось не в состоянии выполнить функцию, присвоенную ей ученым, несмотря на свою смерть в стенах лаборатории исключается из пантеона животных, пострадавших во имя науки и оказавшихся полезными. Оно просто предается забвению.

Жертвоприношение: взгляд Батая

Однако в концепции Линча остается важное ограничение: жертвоприношением признается только та смерть, которая успешно встроена в производство научного знания и приносит полезный результат. Животное, умершее «не вовремя», не оставившее после себя пригодных данных, выпадает из сакрального порядка науки и оказывается просто потерянным биоматериалом. Но что, если именно эта бесполезность позволяет иначе взглянуть на природу жертвоприношения?

Здесь продуктивным становится обращение к Жоржу Батаю. Рассуждая о механизме жертвоприношения, он пишет о том, что «заклание животного предстает способом загладить нанесенное ему оскорбление, сведение его к состоянию вещи». Батай развивает тему жертвоприношения, опираясь на одну из своих ключевых концепций — концепцию общей, или солярной, экономики. Во многом она вдохновлена работой Мосса «Очерк о даре», где описывается практика потлача — уничтожения ценных даров, которая становится кульминацией дарообмена между группами людей, прерывая цепочку взаимного долга и делая дар тотальным. Батай разрабатывает собственную экономическую теорию, ставя в её центр не накопление благ и максимизацию полезности, как это было принято среди современных ему экономистов, а растрату и потребление. Человек, согласно этой теории, стремится к растрате всех материальных излишков, которые у него есть, а состояние суверенности, то есть свобода от чего бы то ни было и самодостаточность в принятии решений, достигается за счёт бесполезной траты. Здесь показателен пример со столом и стаканом вина, который Батай приводит в «Теории религии»:

«Вот мой стол, кровать. Чтобы сделать их и поставить у меня в комнате, пришлось отказываться от сиюминутных интересов. Фактически мне самому пришлось работать, чтобы заплатить

за них, то есть теоретически я должен был компенсировать равнополезным трудом труд тех рабочих, которые их делали.

Теперь я ставлю перед собой на стол большой стакан спиртного. Этот стол больше не является орудием труда — он служит мне для питья спиртного. Поставив на стол свой стакан, я уничтожил этот стол или, по крайней мере, я уничтожил этот труд, который требовался для его изготовления...» [Батай, 2006, с. 97–98].

Путем уничтожения полезности человек утверждает свой суверенитет, утверждает себя как личность, которая может не подчиняться капиталистическим законам и требованиям власти имущих. Суверенность у Батая означает самодостаточность и свободу от любого подчинения. И жертвоприношение также встраивается в эту логику. Уничтожая жертвенного козлёнка, человек уничтожает всю полезность, которую он потенциально мог ему дать — например, питательные ресурсы. Таким образом, в момент жертвоприношения жертвенное животное вырывается из подчинения пользе и освобождается от труда — а вместе с ним и человек:

«Всё находящееся в моей власти говорит о том, что я принудил подобное мне существовать не для своей собственной, а ради другой, чуждой ему цели. Цель плуга чужда той реальности, которая его образует; еще в большей степени — цель пшеничного зерна или телёнка. Между тем актуальная цель хлебопашца в момент, когда он работает в поле, не есть его собственная цель. Урожай и скот — это вещи, но и хлебопашец и скотовод во время работы — тоже вещи. Хлебопашец — не человек, он плуг того, кто ест хлеб. Люди приносят в жертву первины урожая или же скотину, чтобы изъять растение и животное, а одновременно и земледельца и скотовода из мира вещей» [Батай, 2006, с. 68].

Таким образом, внезапную и преждевременную смерть лабораторного животного можно рассматривать не просто как утрату «полезного ресурса», а как нарушение утилитарной логики науки, которое выводит эксперимент за пределы функциональной экономики производства знания. Эта смерть становится формой избыточной траты, лишённой полезного возврата. И если для дюркгеймианской традиции, в которой работает Линч, это означает, что жертвоприношение не состоялось, то с точки зрения Батая именно такая случайная смерть является жертвоприношением, поскольку она позволяет животному наконец перестать быть рабочим животным и приносить «пользу» — и освободиться.

Здесь хочется добавить, что в целом наличие неутилитарных исследований в науке — это вопрос, которым также занимается этика науки. Как указывает Лори Груэн, сторонники экспериментов над животными обычно обращаются к утилитаристской или связанной

с ней консеквенционалистской концепции, которые пытаются рассчитывать оправданность экспериментов исходя из их полезных последствий — например, для здоровья и благополучия людей. Однако это сопряжено с большим количеством сложностей, связанных, например, с тем, что тело животного хоть и наделяется человеческими атрибутами, на деле часто довольно сильно от него отличается. К примеру, при исследовании повреждений центральной нервной системы на мышцах нужно учитывать, что нервная система мыши в десять раз короче, чем у человека — поэтому использовать результаты такого исследования для создания схемы лечения центральной нервной системы человека может быть очень сложно, а иногда и невозможно. По этой причине «в большинстве экспериментов над животными цель в том, чтобы получить информацию о каких-то фундаментальных биологических процессах, а не в том, чтобы прийти к конкретным терапевтическим результатам, которые очевидно изменят мир к лучшему. Возможно, даже и не ждут того, что страдание в будущем приведёт к каким-то выгодам; как часто говорят сами учёные, научное исследование нелинейно» [Груэн, 2024, с. 206].

Это осложняет применение утилитарной логики и наводит на мысль о том, что в действительности в процессе производства научного знания есть место и батаевской избыточной трате — ресурсов, времени, внимания, жизней животных. Эту избыточность можно интерпретировать как «дар» научного процесса.

Вопрос о намеренности и осознанности этой траты со стороны учёных мы оставим за скобками. Однако мы точно знаем, что лабораторное животное может умереть как раз вопреки воле экспериментатора — слишком рано и «бессмысленно», не оставив после себя полезных артефактов. Если это и жертвоприношение, то самовольное — в качестве «последнего броска агентности» экспериментального животного.

Чтобы концептуализировать подобную способность исследовательского объекта влиять на ход научной практики, можно обратиться к акторно-сетевой теории и, в частности, к работам Эндрю Пикеринга о материальной агентности. В лаборатории учёные, технологии, исследовательские объекты, лабораторные животные связываются в сети, где значение может иметь любой элемент. Пикеринг пишет, что мы обязаны думать о человеческой и нечеловеческой агентности одновременно, чтобы понять, как функционирует производство научного знания. И хотя он считает, что интенциональность мы можем признать только за человеческими агентами (при этом он не рассматривает животных, его фокус сосредоточен скорее на технологиях), тем не менее, он показывает, как две агентности последовательно сменяют друг друга в процессе производства знания. В самом начале мяч обычно находится у учёного, который конструирует эксперимент, вовлекает в него различные материальные атрибуты — допу-

стим, имплантирует резус макаке под кожу электрод, затем сажает её в кабину космического корабля и отправляет на орбиту. Затем активная роль переходит на сторону изобретения или исследовательского объекта, который ведёт себя определенным образом, по сути не подконтрольным учёному. Ракета может взорваться на старте или разгерметизироваться во время активной фазы полёта, макака может задохнуться или, напротив, напуганная вернуться на землю. Это период, когда учёный остаётся пассивным наблюдателем. Обычно эксперимент не получается с первого раза — тогда он вновь становится активным и изучает причины неудачи, устраняет недостатки системы, обучает новых макак. Эти фазы сменяют друг друга постоянно в процессе взаимной настройки, попутно изменяя ход эксперимента, а иногда даже его цели. Таким образом Пикеринг показывает, что интенциональность или её отсутствие само по себе ещё не приравнивается к агентности.

Смерть как форма сопротивления

Если следовать этой логике, агентность лабораторного животного проявляется не только в способности участвовать в производстве знания, но и в возможности нарушать утилитарную логику эксперимента. Животное может оказаться неподатливым материалом — телом, которое не удаётся полностью встроить в режим научного контроля и полезности. В предельной форме такая неподатливость проявляется в случайной, преждевременной или «бесполезной» смерти животного.

Здесь вопрос агентности смыкается с вопросом свободы и сопротивления. Лабораторное животное постоянно пребывает в ситуации, которую Мбембе обозначает как состояние «смерти-в-жизни» [Mbembe, 2003, p. 21] — их жизнь им не принадлежит и может быть прервана кем угодно и в любой момент. Один из немногих выходов из этой ситуации — предпочтение смерти страданию, последний рывок воли в попытке обрести свободу. Как в случае раба это может быть бунт или самоубийство, так в случае животного — агрессивное сопротивление или смерть.

Концепции смерти, свободы и бытия-человеком-в-противоположность- животному плотно переплетены между собой. Рассматривая этот вопрос, Мбембе обращается, в частности, к Гегелю, у которого «человек становится субъектом — то есть отделяется от животного — через труд и борьбу, в которых он сталкивается со смертью» [Mbembe, 2003, p. 14], а также на Хайдеггера, утверждавшего, что «человеческое „бытие-к-смерти“ является условием подлинной человеческой свободы» [Mbembe, 2003, p. 37–38], поскольку «человек свободен жить своей

жизнью лишь потому, что свободен умереть своей смертью» [Mbembe, 2003, р. 38]. В этих концепциях человек обретает свободу от животного состояния через осознание своей смертности. Батай описывает генезис человека как выход из имманентного состояния животного — человек начал отличать себя от Другого и от мира в целом, в то время как животное существует слитно с миром, как рыба, которая не ощущает вокруг себя воды. Для Батая лев, который вонзает зубы в жертву, не отличает ее от самого себя. Как пишет Оксана Тимофеева: «Оба они, и поедающее, и поедаемое, разделяют общую пульсацию бурной жизни, которую Батай сравнивает с движением морских волн, захлестывающих одна другую» [Тимофеева, 2025, с. 136]. А значит, и умирая, животное просто остаётся растворённым в имманентности.

Однако тот факт, что животное имманентно пребывает в бытии, не означает, что животное податливо и не способно на сопротивление. Животное Батая обладает суверенитетом — каноничным примером этого является внезапно понесшая лошадь или разъярившийся цирковой слон, убивающий своего дрессировщика. Животному, как и рабу, доступно понимание свободы. Цитируя Пола Гилроя, Мбембе пишет:

«[...] это предпочтение смерти рабству есть комментарий к природе самой свободы (или её отсутствию). Если это отсутствие составляет саму сущность того, что значит существовать для раба, то то же самое отсутствие является и способом, которым он или она осознаёт свою смертность» [Mbembe, 2003, р. 139].

В ситуации радикального подчинения свобода и смерть оказываются тесно связаны между собой. Раб осознаёт свою смертность через стремление к свободе — в некотором смысле, стремясь вернуть себе свою человечность, вырваться из животного состояния, к которому его свёл колонизатор.

Феномен самоубийства у животных описывал еще Аристотель в своей «Истории животных». Чувствуя необходимость соблюдения заданного «мирового порядка», общего для всех видов, животное, как он пишет, избегает нарушения всеобщих законов и запретов — одним из которых является запрет на инцест. Аристотель описывает два случая, когда верблюда и коня «обманом» свели с их собственными матерями, накрытыми тканью. Последствия такого запретного спаривания оказались фатальными — верблюд, раскрыв обман, укусом убивает своего верблюжатника, а конь, увидев под тканью свою мать, побежал и бросился в пропасть.

Однако эти случаи мифологичны. Как говорит современная этология, чтобы приписать животному способность к самоубийству, необходимо рассматривать этот акт исходя из трёх составляющих: осознанного понимания собственной смертности, намерения причинить себе летальный вред и связи этого намерения с психическим состоя-

нием. Все три пункта доказать в случае животных довольно сложно, поскольку мы можем наблюдать лишь поведение и его последствия, но не считать мотивы и уровень осознанности существа другого вида. Однако существует множество работ этологов [например, Лоренц, 2023; de Waal, 1996; Panksepp, 2011], в которых рассматривается самоповреждающее поведение, апатия, отказ от еды у животных в связи с потерей детеныша или партнера, депрессивно-подобным состоянием, высоким уровнем стресса, болью. Кроме того, некоторые социально организованные животные — к примеру, муравьи, — способны на то, что внешне выглядит как описываемое Дюркгеймом альтруистическое самоубийство, ради защиты интересов своей группы или детенышей.

Тем не менее, применять термин «самоубийство» к другим видам было бы некорректно. Животное, которое отказывается от еды или занимается самораздираением, может не осознавать, что его действия ведут к гибели, и всё равно вести себя как неподатливая материя в руках учёного. Некоторые исследователи идут ещё дальше. Так, в статье, посвященной резус макакам Эйбл и Бейкер — первым живым существам, пережившим суборбитальный полет, — Бимм описывает смерть Эйбл на операционном столе почти сразу после полета. Она умерла от неожиданной реакции на анестезию во время простой операции по удалению имплантированного ей перед полётом электрода. Точную причину такой реакции организма установить так и не удалось. Как пишет Бимм, смерть была «самым значительным актом сопротивления» [Bimm, 2013, p. 35] Эйбл, поскольку она лишила ученых ценных данных — они планировали «наблюдать за ней „10–15 лет, чтобы выявить возможные отсроченные последствия [космического полёта]“» [Bimm, 2013, p. 35].

Способно ли животное на такой рывок, способно ли оно осознать собственную смертность? Если раб может ради свободы совершить самоубийство, может ли сделать это лабораторное животное — и таким образом вырваться из логики полезности, самовольно стать непродуктивной тратой? Здесь возникает любопытная аналогия между лабораторным животным и террористом-смертником. По Мбембе, смертник совершает саможертвоприношение во имя высшей цели, поскольку верит, что его личная смерть не будет являться концом бытия в полном смысле слова — что его жизнь продолжится на другом онтологическом уровне, ведь бытие существует вне нашей материальной оболочки. Нечто подобное, как кажется, можно сказать и о животном, для которого, возможно, понимания смерти нет вообще — а значит, и существование его, существование как всё во всём, никогда не прервётся — здесь можно в шутку заметить, что в этом смысле мировоззрение животного ближе к буддизму.

Заключение

Мы видим, что природа лабораторного животного двойственна — оно и жертва, и раб. Его освобождение из круга полезности лежит в смерти-сопротивлении, в случайной смерти, в провале эксперимента. Погибший раб больше не может работать на плантации, однако лабораторному животному безработность доступна только через внезапное умирание. Исход один — свобода через смерть. Таким трагическим образом реализуется суверенитет в том значении, которое этому слову придает Батай. Оно отличается от некоторых классических определений суверенности, например, у Фуко, в котором фигурирует власть над жизнями других людей. Как отмечает Оксана Тимофеева, Батай видоизменяет гегелевскую дихотомию «рабство/господство», превращая её в оппозицию «рабство/свобода». Сувереном, как отмечает Батай, «может быть (и иногда бывает) каждый из нас» [Батай, 2006, с. 33]. Человек из примера выше, который уничтожает собственный труд, ставя на стол стакан вина, в этот миг реализует собственную суверенность, отказываясь подчиняться логике полезной траты. Животное у Батая также обладает суверенитетом, поскольку даже если внешне оно подчинено воле другого, внутренне оно всегда отстранено от этой работы на другого и в любой момент может ее прекратить [Bataille, 1988]. В этом смысле суверенность животного даже выше, чем суверенность человека и уже точно выше, чем у раба, для которого окно суверенности настолько узко, что, пожалуй, может ограничиваться одним лишь редким бунтом или самоубийством.

В заключение я бы хотела вернуться к ключевому тезису, с которого начала этот текст: увековечение памяти лабораторных животных через памятники и ритуалы — это не просто жест благодарности, а фундаментальный механизм, удерживающий легитимность науки в эпоху зоозащиты и научной этики. Все рассмотренные мною концепции — от голой жизни Агамбена до дюркгеймианского и батаевского жертвоприношения, а также материальной агентности Пикеринга — демонстрируют, как лабораторное животное балансирует между инструментом, жертвой и субъектом.

Версия жертвоприношения как ритуала, который переводит тело лабораторного животного из натуралистического состояния в аналитический артефакт и носитель сакрального знания, которую описывает Линч, выглядит не как универсальная лабораторная парадигма — это переходный этап: от животного-раба — стандартизированного и бесправного биокапитала, господствовавшего до подъема зоозащитных движений, — к животному-жертве, чья смерть сакрализуется через нарративы пользы и коммеморативные практики (включая памятники лабораторным животным). Наука, признавая вклад

животных, стремится сохранять свою моральную устойчивость, а память становится мостом между *zoë* и *bios*.

Однако в этой версии животное по-прежнему остается пассивным объектом исследования. И применение батаевской концепции жертвоприношения дает нам новый взгляд: жертвоприношение происходит в момент внезапной смерти животного, как крайнее проявление агентности, когда животное, вопреки планам ученых, умирает и вырывается из утилитарной логики, обретая тем самым свободу от роли инструмента. Подобные акты, однако, не подлежат увековечиванию. Как и бунты рабов, они остаются в истории науки разве что как неудобные, вытесняемые эпизоды, нарушающие утилитарный порядок и не вписывающиеся в официальный нарратив благодарности.

Литература

1. Батай, Ж. Проклятая часть: сакральная социология. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2006.
2. Голиков, Ю. П., Сысue, В. М. Неизвестное об известном памятнике «Собака Павлова» // Медицинский академический журнал. 2015. 15(3). С. 85–89.
3. Груэн, Л. Этика и животные: введение. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2024.
4. Дескола, Ф. По ту сторону природы и культуры. М.: НЛО, 2012.
5. Дюркгейм, Э. Самоубийство: социологический этюд. М.: Мысль, 1994.
6. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Элементарные формы, 2018.
7. Жирар, Р. Козел отпущения. Изд. 2-е, испр. М.: Издательство Ивана Лимбаха, 2023.
8. Кон, Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. М.: Ad Marginem, 2018.
9. Лоренц, К. Агрессия, или Так называемое зло. М.: Издательство АСТ, 2023.
10. Тимофеева, О. Введение в эротическую философию Батая. М.: Новое Литературное Обозрение, 2009.
11. Тимофеева, О. История животных. М.: Новое Литературное Обозрение, 2025.
12. Agamben, G. Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life. Stanford, 1995.
13. Agamben, G. Quaderni. Vol. I (1972–1981). Roma: Quodlibet, 2024.
14. Arluke, M. Going Into The Closet With Science: Information Control Among Animal Experimenters // Journal Of Contemporary Ethnography. 1991. Vol. 20. No. 3.
15. Bataille, G. Oeuvres complètes. XI. Articles 1. 1944–1949. Paris: Gallimard, 1988.
16. Bimm, J. Primate Liver In Early American Space Science // The History Of Spaceflight. 2013. Vol. 20. No. 4.
17. De Waal, F. Good Natured: the origins of right and wrong in humans and other animals. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.
18. Fausto, C. Feasting on People: Eating Animals and Humans in Amazonia // Current Anthropology. 2007. Vol. 48. No. 4.
19. Haraway, D. Modest_Witness@Second_Millennium. FemaleMan@_ Meets_OncoMouse™: Feminism and Technoscience. NY.: Routledge, 1997.

20. *Panksepp, J.* The basic emotional circuits of mammalian brains: Do animals have affective lives? // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2011. Vol. 35.
21. *Lynch, M. E.* Sacrifice and the Transformation of the Animal Body into a Scientific Object: Laboratory Culture and Ritual Practice in the Neurosciences // *Social Studies of Science*. 1988. Vol. 18. No 2.
22. *Mbembe, A.* Necropolitics // *Public Culture*. 2003. Vol. 15. No. 1.
23. *Pickering, A.* The Mangle Of Practice: Time, Agency, And Science. Chicago: The University of Chicago Press, 1995.
24. *Viveiros de Castro, E.* From the Enemy's Point of View: Humanity and Divinity in an Amazonian Society. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1992.

Elizaveta Chashchevaya

Between Instrument and Victim: The Laboratory Animal in Biomedical Discourse

Elizaveta Chashchevaya, M.A. in Sociology. Institute for Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). **Address:** 82 Vernadsky Prospekt, Bldg. 1, Moscow. **E-mail:** lizachash83@gmail.com.

Abstract: The article examines the figure of the laboratory animal in contemporary biomedical discourse through the lens of philosophical and sociological concepts of power, sacrifice, and agency. It argues that the laboratory animal occupies a contradictory position: on the one hand, it functions as a standardized research object and biological resource used for the production of scientific knowledge; on the other hand, it is endowed with the symbolic status of a sacrifice whose death is justified by the social benefits of science and commemorated through various practices of remembrance and memorialization.

The analysis draws on Giorgio Agamben's concept of bare life, Georges Bataille's philosophy, Émile Durkheim's theory of sacrifice as interpreted by Michael Lynch, and the notion of material agency developed within actor-network theory. From an Agambenian perspective, the laboratory animal appears as a being excluded from the political and legal order and reduced to mere biological existence. Drawing on Lynch's work, the article interprets the experimental death of an animal as a form of sacrifice through which the animal body is transformed into a carrier of scientific knowledge and incorporated into the sacred order of science. In Lynch's account, however, sacrifice remains embedded within the utilitarian logic of scientific practice: only an animal whose death has been properly organized and successfully contributes to the production of knowledge can acquire the status of a sacrifice.

The article highlights the limitations of this approach and turns to Bataille's philosophy, in which genuine sacrifice is associated not with the production of useful outcomes but with the destruction of utility and a departure from utilitarian logic. Sacrifice is understood as a rupture with the world of things and instruments, liberating beings from subordination to external ends.

This shift also offers a new perspective on the agency of laboratory animals. If a premature death disrupts the utilitarian logic of an experiment, deprives researchers of expected data, and removes the animal from the regime of productive use, it can be interpreted

as a form of resistance. Such an approach makes it possible to view the laboratory animal not only as an object of scientific intervention or a sacrificial victim, but also as a subject capable of disrupting the established order of knowledge production.

Keywords: Science and Technology Studies (STS), laboratory animals, agency, research ethics, sacrifice, Giorgio Agamben, Michael Lynch, Georges Bataille.

For citation: Chashchevaya, E. (2026). Between Instrument and Victim: The Laboratory Animal in Biomedical Discourse. *Russia's Directions*. Vol. 4. No. 3. P. 96–114.

References

1. Bataille, G. (2006). *The Accursed Share: Sacred Sociology*. Moscow: Ladimir. (In Russ.)
2. Golikov, Yu. P. and Sysuev, V. M. (2015). Unknown facts about the well-known monument "Pavlov's Dog". *Medical Academic Journal*. No. 15(3). P. 85–89. (In Russ.)
3. Gruen, L. (2024). *Ethics and Animals: An Introduction*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)
4. Descola, P. (2012). *Beyond Nature and Culture*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. (In Russ.)
5. Durkheim, É. (1994). *Suicide: A Study in Sociology*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
6. Durkheim, É. (2018). *The Elementary Forms of Religious Life: The Totemic System in Australia*. Moscow: Elementarnye Formy. (In Russ.)
7. Girard, R. (2023). *The Scapegoat*. 2nd ed. Moscow: Ivan Limbakh Publishing House. (In Russ.)
8. Kohn, E. (2018). *How Forests Think: Toward an Anthropology Beyond the Human*. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)
9. Lorenz, K. (2023). *On Aggression*. Moscow: AST. (In Russ.)
10. Timofeeva, O. (2009). *Introduction to Bataille's Erotic Philosophy*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. (In Russ.)
11. Timofeeva, O. (2025). *History of Animals*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. (In Russ.)
12. Agamben, G. (1995). *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*. Stanford.
13. Agamben, G. (2024). *Quaderni*. Vol. I (1972–1981). Rome: Quodlibet.
14. Arluke, A. (1991). Going into the Closet with Science: Information Control Among Animal Experimenters. *Journal of Contemporary Ethnography*. No. 20(3).
15. Bataille, G. (1988). *Œuvres complètes*. Vol. XI. *Articles 1. 1944–1949*. Paris: Gallimard.
16. Bimm, J. (2013). Primate Lives in Early American Space Science. *The History of Spaceflight*. No. 20(4).
17. de Waal, F. (1996). *Good Natured: The Origins of Right and Wrong in Humans and Other Animals*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
18. Fausto, C. (2007). Feasting on People: Eating Animals and Humans in Amazonia. *Current Anthropology*. No. 48(4).
19. Haraway, D. (1997). *Modest_Witness@Second_Millennium.FemaleMan©_Meets_OncoMouse™: Feminism and Technoscience*. New York: Routledge.
20. Panksepp, J. (2011). The Basic Emotional Circuits of Mammalian Brains: Do Animals Have Affective Lives? *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. No. 35.
21. Lynch, M. E. (1988). Sacrifice and the Transformation of the Animal Body into a Scientific Object: Laboratory Culture and Ritual Practice in the Neurosciences. *Social Studies of Science*. No. 18(2).
22. Mbembe, A. (2003). Necropolitics. *Public Culture*. No. 15(1).

23. Pickering, A. (1995). *The Mangle of Practice: Time, Agency, and Science*. Chicago: The University of Chicago Press.
24. Viveiros de Castro, E. (1992). *From the Enemy's Point of View: Humanity and Divinity in an Amazonian Society*. Chicago; London: The University of Chicago Press.

С. А. Лопатко, П. В. Иванов

Исследование 404: что мы узнали о себе, науке и антрозоологической методологии, изучая релокантов

Софья Алексеевна Лопатко — студентка 4-го курса бакалавриата Факультета исторических и политических наук, кафедры антропологии и этнологии Национального исследовательского Томского государственного университета. **Адрес:** Томск, пр. Ленина, д. 36. **Электронная почта:** danawourd@gmail.com. **ORCID:** 0009-0001-9542-285X.

Пётр Вадимович Иванов — старший преподаватель кафедры территориального развития имени В.Л. Глазычева Факультета дизайна и медиакоммуникаций РАНХиГС. **Адрес:** Москва пр. Вернадского, д. 82. **Электронная почта:** petravadimovichivanov@gmail.com. **ORCID:** 0009-0005-8581-7072.

Аннотация: Статья представляет собой рефлексивный отчёт о поисковом антрозоологическом исследовании, посвящённом релокации россиян с домашними питомцами после февраля 2022 года. Авторы ставят под сомнение не только эмпирические результаты, но и саму возможность проведения такого исследования в заявленной оптике. На основе 26 биографических интервью с релокантами, переехавшими преимущественно в Сербию, Германию, Армению, а также в другие страны, авторы приходят к неожиданному выводу: вопреки изначальным ожиданиям, процедура перевозки животных не обнаруживает системных бюрократических сбоев, а питомец не играет значимой роли в социальной интеграции мигрантов, поскольку большинство релокантов не стремятся к интеграции в принимающее общество, предпочитая оставаться в русскоязычной диаспоре. Основной массив эмпирических наблюдений сводится к анекдотическим случаям — от видовой дискриминации на рынке арендного жилья до страхов перед европейской ветеринарией. В двух рефлексивных эссе авторы анализируют причины методологической неудачи: ошибочный фокус на отношениях человека и бюрократии вместо отношений человека и животного, игнорирование агентности питомца, предвзятость выборки и влияние академических инфраструктур, подталкивающих к поиску сенсаций. В итоге статья превращается не в отчёт об исследовании, а в самоанализ границ антрозоологической методологии и критику конференционной культуры, которая предопределяет исследовательские ожидания. Авторы приходят к выводу, что отсутствие «сенсации» само по себе и реакция на это становится значимым результатом, побуждающим к пересмотру исследовательских установок.

Ключевые слова: антрозоология, релокация, домашние питомцы, миграция, методология

Для цитирования: Лопатко, С.А., Иванов, П.В. Исследование 404: что мы узнали о себе, науке и антрозоологической методологии, изучая релокантов // Пути России. 2026. Т. 4. № 3. С. 115–133.

Введение

С относительно недавних пор мы принимаем участие во встречах Academic cat think tank — группы исследователей антропологов, бихевиористов, ветеринаров и прочих специалистов, изучающих котов. Оттуда мы узнали про готовящийся в Барселоне онлайн-конгресс по антрозоологии, и, конечно, загорелись желанием поучаствовать. Мы обсуждали в чате различные темы, которые могли бы быть интересны на международном уровне: наше предыдущее исследование было посвящено котовладению и отношению владельцев кошек к смерти питомца. Мы сочли, что тема исчерпана и нужно двигаться дальше. Обсуждалось многое — социальное конструирование нормативного отношения к питомцу в практиках пэтнянь, питомцы и медицина, общественные животные на заводах, но в итоге мы зацепились за тему релокации с питомцами. Был ажиотаж интересной, «горячей», многомерной темы, которая, как предполагалось, должна вывести нас на продуктивные сценарии научного анализа. Постановка исследовательского вопроса была довольно общей — как устроена релокация с питомцами и помогают или мешают животные социальной интеграции на новом месте. Мы решили выйти из зоны комфорта, расширить видовые рамки и опросить не только котовладельцев, но также собаководовладельцев и владельцев нескольких питомцев. Тем не менее, после выхода в поле и нескольких сессий обсуждения мы осознали, что не получили достаточно интересных выводов. Данный текст излагает некоторые заключения, к которым мы всё же пришли, а также пытается ответить на вопрос: почему же исследования не случилось?

В качестве эксперимента, мы позволим себе отойти от стандартного формата «научной статьи». Структура работы будет следующей: в части «Методология» мы расскажем, как проводилось исследование, в «Эссе 1» и «Эссе 2» представим авторскую рефлексия в свободной форме, часть «Итоги поля» будет содержать те немногочисленные эмпирические наблюдения, которые нам удалось сделать, а в «Выводах» подведём итоги.

Методология.

Как мы проводили исследование релокации с питомцами?

В соответствии с исследовательским вопросом был разработан гайд для биографических интервью. Изначально планировалось, что это — скорее гайд для полужформализованных интервью, подразумевающих большое количество вопросов, возникающих в процессе, но практи-

ка показала, что гайд был достаточно детальным, чтобы счесть некоторые из наших интервью формализованными. Это сделало поле довольно комфортным и быстрым. Для нас было нормальным проводить в день до четырёх интервью по видеоконференцсвязи. Каждое из них занимало от 40 минут до часа, хотя в массиве есть аномалии с большим или меньшим временем проведения. Так, например, самое короткое интервью заняло 30 минут, потому как собеседник был предельно конкретным в своих ответах, а его опыт оказался легко формализуемым в рамках беседы. В ходе интервью собеседники зачастую демонстрировали нам своих питомцев, что прибавляло процессу интервьюирования шарма и веселья. В целом сам процесс реализации поля был наполнен позитивными эмоциями и ощущением приятного сближения с информантами за счёт разговора об общих интересах (оба автора исследования также имеют домашних питомцев).

Рекрутинг информантов изначально планировался мультимедальным. Первые интервью мы взяли у своих знакомых релокантов с питомцами, и через них планировали выйти на сообщества релокантов-питомцевладельцев. Также мы обнаружили огромный телеграм-чат «Релокация с питомцами» и планировали сделать в нём объявление о поиске информантов: знакомые релоканты не особо помогли нам в их поиске, т. к. оказались вне активных сообществ релокантов-питомцевладельцев. Администраторы чата «Релокация с питомцами» отказали нам в публикации объявления, заподозрив в том, что это может быть реклама. Несмотря на всю задействованную нами харизму и талант убеждения, они остались на своей позиции, и нам пришлось признать своё поражение. Поэтому было принято решение сделать публикацию в телеграм-канале Петра Иванова «Урбанизм как смысл жизни». Учитывая, что в канале больше 10 000 подписчиков, шанс того, что среди них окажутся релоканты с питомцами или друзья релокантов с питомцами, был ненулевой. Наши ожидания оправдались — в личные сообщения писали десятки релокантов, готовых поделиться своим опытом. Всего мы собрали 26 интервью, но потенциально могли и больше — откликов было порядка 40, а обещаний рекрутировать знакомого вдобавок к этому ещё около 20. В основном откликались релоканты, переезжавшие с кошками, но собаководы тоже представлены в выборке. В целом это отражает факт того, что россияне склонны содержать скорее кошек [ВЦИОМ, 2025], а также с некоторой вероятностью факт того, что идея релоцироваться с кошкой воспринимается проще, нежели идея релоцироваться с собакой, однако эта гипотеза требует дополнительных исследований. Среди информантов преобладали женщины старше 30-ти лет, однако фигурировали и женщины более старшего или младшего возраста, а также мужчины. Некоторые интервью давали пары, что также косвенно указывает на то, что «питомцевладение» — это коллективная семейная практика и партнёрам интересно рефлексировать её

совместно. Учитывая нативность и неконтролируемость распространения поста, получилось что-то типа «сарафанного радио» среди релокантов. Прошедшие интервью рекомендовали нас своим друзьям внутри релокантских сообществ, но происходило это неравномерно по разным странам, в связи с чем большинство выборки составили релоканты в Сербию. Возможно, это связано с тем, что там есть наиболее активные сообщества питомцевладельцев, или же с тем, что нам повезло достичь обладателей высокого социального капитала в таких сообществах, в то время как в сообществах в других странах — не повезло. Этот факт стал основой идеи ремонта выборки, когда мы анализировали массив данных и пробовали под разным углом на него посмотреть: одним из предложений было сужение исследования до изучения релокантов в Сербию. Разумеется, учитывая нашу стратегию рекрутинга, мы не могли контролировать такие вещи, как род занятости наших информантов и иные социально-демографические характеристики: так вышло, что большинство наших собеседников характеризовались удалённым родом занятости и работой преимущественно на российский или международные рынки. Редкие информанты строили свой трудовой путь с нуля на новом месте. Впрочем, встречались и пивотальные ситуации, когда информанты меняли род занятий с оппозиционной журналистики на пэтнянство (уход за животными на время отсутствия хозяев).

Из чего состоял гайд интервью? Нас интересовало то, каков статус питомца в домохозяйстве был до переезда: был ли он домашним животным, вещью, партнёром, субъектом контракта. Какова была занятость информанта до переезда, где информант жил, уровень его образования, общая биография питомца и его хозяина. Мы посчитали, что эти параметры станут независимыми переменными, которые будут так или иначе детерминировать остальной нарратив и событийный ряд. Далее мы спрашивали о причинах релокации, был ли переезд спонтанным или запланированным, с целью понять пул ценностей информанта, который привёл к переезду. Отдельное внимание мы уделяли вопросу релокации в одиночку или с семьей, потому как из пилотных интервью стало понятно, что нередко случалось, когда один из членов семьи либо вынужденно, либо запланированно первым переезжает в новую страну «на разведку», а в это время второй член семьи (чаще всего женщина) делает все необходимые для перевозки питомца документы и приезжает уже после. Затем мы задавали вопросы о непосредственно релокации с питомцем: есть ли у питомца особенности ухода и здоровья, что он ест, как был устроен процесс узнавания о правилах релокации с питомцами в зависимости от страны, как проходило оформление нужных документов, как осуществлялась непосредственно перевозка. Так, мы ожидали встретить «поломки» бюрократической системы, которые нашим участникам исследования необходимо было бы «чинить». Наконец, в финальном

блоке вопросов мы спрашивали о том, как устроена жизнь с питомцем на новом месте: было ли сложно искать жилье, как проходила адаптация на новом месте на уровне инфраструктур (организация питания, ухода, ветеринария). Отдельно спрашивали о том, как соседи относятся к питомцевладельцу и помогает или мешает питомец в социализации на новом месте. На поверхности лежало предположение о том, что мы будем наблюдать большую интеграцию собаководовладельцев на новом месте, но тем не менее кошки тоже будут способствовать вливанию в новый коллектив за счёт дофаминового прилива от счастья наблюдать каждый день пушистика, который тебя безусловно любит, в отличие от, например, дочери-подростка.

В целом наше исследование стоит охарактеризовать как поисковое. Мы не занимались детальной теоретической проработкой нашего методологического аппарата, положившись на факт, что то, что мы изучаем, интересно на интуитивном уровне, а исследование должно подтверждать интуицию. Тем не менее, мы уделили много внимания моделированию социальной ситуации релокации с питомцем, что привело нас к рабочему и фактически исчерпывающему опросному инструменту, что безусловно является сильной стороной методологии нашей работы. О проблемах и слабых сторонах работы читайте далее в наших рефлексивных эссе.

Эссе 1.

Как мы открыли ничего: опыт антрозоологического исследования, которое не вышло таковым (Пётр Иванов)

Роберт Эзра Парк, один из ключевых мыслителей Чикагской школы, давая определение социологии, говорил, что это супержурналистика [Park, 1929]. Что бы это ни значило, но тем не менее, если пытаться филологически разматывать этот тезис, то как будто бы речь идёт об онтологическом родстве журналистики и социальных наук. А, стало быть, где-то здесь должна прослеживаться общность метода. Не сказал бы, что заходя в исследование питомцев и релокации мы осознанно руководствовались этим тейком, но ретроспективно как будто бы мы действовали именно в этой парадигме. Перебирая различные идеи для исследования, с которым хотелось бы податься на антрозоологический конгресс в Барселоне, мы уцепились за тему, которая звучала наиболее увлекательно именно в житейском смысле — релокация с питомцами. Ведь как будто бы одно дело просто переехать в другую страну, а совсем другое дело перевезти пушистика. Моему

воображению рисовались некогерентные и плохо работающие бюрократические машины, ремонт сломанной коммуникации, ухищрения, на которые идут люди, чтобы реализовать казалось бы простой процесс, мёртоновская дисфункция бюрократии в полный рост [Merton, 1957, p. 195–206]! В общем, назревало нечто увлекательное на стыке социологии права [Панеях, 2014] и антрозоологии.

А процесс на самом деле оказался простым. Если отбросить все тонкости, то получается так: человеку в случае с релокацией с питомцем нужно узнать в интернете правила перевозки питомца, выполнить эти правила (чипирование, прививки, титры) и перелететь в новую страну. И, собственно, наши собеседники в точности следовали этой процедуре. Никаких особых проблем ни у кого не возникало. У кого-то котик плохо переносил перелёт и стрессовал. Кто-то отказывался от перевозки котика по причине его старости. Кто-то вёз алабая через границу на автомобиле, потому что алабай слишком большой для перевозки самолётом. Но это всё анекдотические отклонения от универсальной процедуры, про которую мы выяснили, что она выполняется просто.

У нас была гипотеза о том, что питомец так или иначе способствует или препятствует интеграции на новом месте. Но в процессе исследования выяснилось довольно мало интересного на этот счёт. Есть, конечно, один случай, когда пара релокантов завлекает своих визави к себе в гости под предлогом показать очень красивого кота, а потом предлагает вино и настольные игры, так они заводят друзей. Ну или история про то, что одна женщина переехала в Италию с котом и соседи её шеймят за то, что она своего кота на улицу не выпускает. Или ещё одна информантка столкнулась в Швеции с тем, что в объявлениях об аренде указывают точное количество и видовой состав питомцев и в квартиру в объявлении о которой написано «1 кошка и 1 собака» с двумя кошками заехать нельзя. Но в целом история с перевозом кошек, будь их хоть две, хоть двенадцать, это история про то, что релокант как особо не общался с другими людьми через своё животное, так и не общается. Был ещё случай, когда у релокантов котик сбежал и его искали всем районом, но ни к каким существенным изменениям в процессе их интеграции это не привело. Собаководельцы, предсказуемо, чуть лучше интегрируются за счёт общения с другими собаководельцами на прогулке, но к чему-то пивотальному это не приводит. Просто чуть больше языковой практики.

Отдельно хочется заметить, что мы как будто бы ошиблись в самой постановке вопроса. Мы почему-то решили, что релоканты обязательно хотят интегрироваться. Да ещё и животных сюда приплели. Но выясняется, что наши собеседники по большому счёту не заинтересованы в социальной интеграции. Да, им важно получить вид на жительство, гражданство, разрешение на работу. Но вовсе не для того, чтобы взаимодействовать с гражданами принимающей

страны. Они сидят в релокантских чатах, дружат с другими релокантами, пользуются релокантскими сервисами и создают сервисы для релокантов (пэтняня, ветеринарные услуги), наконец работают либо на российский рынок либо на международный, для чего в сущности можно находиться в любой точке мира. И в целом им нормально. Причём так живут как релоканты, которые планируют однажды вернуться в Россию, так и релоканты, которые поставили крест на возвращении. И питомцы тут по большому счёту не причём. Они никак не влияют на интеграцию релокантов за неимением у них потребности в таковой. Что, впрочем, частично подтверждается исследованиями релокантов в Армении [Melkumyan, 2025], в котором речь идёт о том, что релоканты худо-бедно интегрируются экономически, но социально и культурно остаются сегрегированной новой российской диаспорой. И питомцы тут как будто бы не причём, т. к. никак не влияют на экономическую интеграцию.

Вообще, конечно, есть ощущение, что нужно было внимательнее отнестись к моделированию социальной ситуации релокации с питомцами. В том числе к агентности питомца в этой социальной ситуации. Потому что как будто бы роль питомца в релокации скромная. Колин Джеролмак в своём манифесте “Towards a Sociology of Nature” [Jerolmack, 2012] писал о том, что мы должны вводить в социологические модели природные факты там, где они играют значимую роль. Однако в случае с релокацией с питомцами мы этого не обнаружили. Это попросту самоходный багаж с особыми условиями перевозки. В наших полевом материале есть весёлые истории про то, как некоторых питомцев «приходилось худеть» (вообще без всякой субъектности, страдательный залог) для того, чтобы выполнить норму в 8 килограмм для перевозки в салоне самолёта. Но и тут какой-то агентности нет. Питомца прививают, чипируют, худеют, засовывают в переноску, везут. Сам он ничего не делает. На новом месте питомец — объект элементарных инфраструктур. Кормление питомца не проблема — обычно привычные корма транснациональных производителей есть везде. Подобрать замену необычному корму — тоже не проблема. Ветеринарные услуги, пожалуй, могут отличаться в сторону того, что в некоторых странах не совсем понимают зачем лечить питомцев в принципе (помрёт — возьмёте другого, что за проблема) или лечить возрастных питомцев (для ветеринаров в Сербии неочевидно, зачем лечить кошку 16 лет, в то время, как российские ветеринары готовы браться за её лечение). Но повторяюсь, это всё вообще не про агентность животного. Корм ему насыпают, в ветеринарку относят, лекарства колят. Где здесь живой питомец непонятно. Как будто бы мы можем без особых потерь в этом сценарии заменить питомца на пианино. Перевозить сложно, имеет особые условия на новом месте — микроклимат в квартире, услуги настройщика. Но мы не фортепиантропологи, мы такое не изучаем.

В голове вертится спасительная мысль, что быть может мы что-то узнали про релокантов. Бог с ней с антрозоологией, может хоть в исследования миграции какой-то вклад внесли. Дескать потому мы ничего интересного и не узнали про перевоз питомцев, что релоканты — это люди, наделённые высокой ценностью формального исполнения правил. Но для того, чтобы эту идею проверить надо бы проводить какое-то дополнительное и желательно компаративное исследование. Только вот вообще не в контексте антрозоологии. А хотелось бы всё-таки пушистиков изучать.

Мы узнали много анекдотов, посмотрели много котиков и собак по видео и на фотографиях. Досконально узнали как перевозить питомцев в другие страны. Знаем, что собаководы-релоканты в Сербии общаются в своём чате строго по делу, а котовладельцы-релоканты бесконечно спаят друг другу фотографии в духе «смотрите как мой кот интересно лежит». Выяснили, что в Германии муниципалитеты рекомендуют в случае если у вас есть один кот — завести второго. А также что Сербия, Армения и Грузия это страны, в которых очень любят и ценят общественных собак, а к кошкам скорее равнодушны и не очень понимают зачем их держать дома. В сто первый раз узнали, что россияне считают питомцев членами семьи¹. Но исследования из этого не сложилось. Это был увлекательный заплыв по житейским историям, который ничем науку не обогатил. Для проведения исследования в антрозоологическом зале [Gherghel, 2023] нам нужно было бы поставить вопрос, лежащий в плоскости HAS (human-animal studies), изучать отношения и связи между релокантами и питомцами, а мы по сути дела изучали отношения релокантов с бюрократическим аппаратом, полностью потеряв животных в процессе. И не обнаружили в отношениях с бюрократией ничего интересного. Система работает, люди исправно выполняют её протоколы и приходят к ожидаемому результату взаимодействия. Никакой драмы, никаких поломок, никакого напряжения.

Запомним этот опыт на будущее и будем тщательнее подходить к научной постановке исследовательского вопроса. И не будем забывать про агентность пушистых в социальных ситуациях.

PS. А еще я думаю об ошибке выборки. Мы же общались только с теми, кто перевёз своего питомца. А с теми, кто оставил в России — не поговорили. Возможно тут возник бы ценный сравнительный материал, но мы его упустили.

¹ Об этом мы писали в статье по результатам предыдущего исследования, которая сейчас находится на рассмотрении в редакции одного научного журнала. Практически все наши информанты называли питомцев членами своей семьи. В текущем исследовании наблюдается аналогичная картина.

Эссе 2.

Фарисейская закуска научных конференций (Софья Лопатко)

Социальные науки прошли долгий путь от фиксации исследователями бросающихся в глаза аномалий и всего «необычного» до внимательного и бережного отношения к рутинам. На смену захватывающим дух описаниям пёстрых ритуалов и ужасающих трагедий пришли монографии, анализирующие, на первый взгляд, нудные учётные книги и непримечательные действия рабочих. Однако смену фокуса не стоит путать со стремлением вдруг буднично фиксировать прописные истины: в каждой работе, посвящённой повседневности (если она, конечно, хорошо написана), социолог или антрополог обязательно приходит к необычному выводу, небанальному взгляду на банальное, скрытым практикам, потайным смыслом.

Тем печальнее браться за на первый взгляд острую, живую и актуальную тему, с азартом поглощать литературу, в запале выходить в поле... и возвращаться из него с пустыми руками. Так и случилось с нами, когда мы взялись за тему релокации людей с питомцами. Начало благоволило — несмотря на смутную тревогу от отсутствия чётко поставленного исследовательского вопроса, вдохновляло количество респондентов, их необычные биографии. Переезд в Германию с двенадцатью кошками! Гигантский алабай, с которым нужно пересечь грузинскую границу! Релокация в Европу с лошадью! Чудеса, да и только. Как из этого может не родиться гениальный текст?

Но текст упорно не рождался. Само по себе неналичие исследовательского вопроса поначалу не сильно беспокоило: это не помешало прийти к хоть сколько-то интересным выводам в наших предыдущих работах. Достаточно часто на ответы наводит само поле, случайно подвернувшаяся под руку статья с нулём цитирований, заштатный разговор с коллегой под бразильский фильтр-кофе. Однако время шло, а ни одной гипотезы так и не появлялось. Любой намёк на необычность и небанальность тонул в бездне осознания того, насколько рутинна и незамысловата вся та деятельность, которую мы изучали. Картина миграции с животными оказалась проста до неприличия: будущий релокант принимал решение о переезде, читал в интернете правила перевозки животных, исполнял их... и не сталкивался на своём пути ни с одной «нескучной» проблемой. Двенадцать кошек могут уехать в Германию так же легко, как и одна, только в две партии. Документы оформляются за несколько дней, а где-то их даже не смотрят. Если в стране переезда нет редкого медицинского корма, ему с лёгкостью находят аналоги. Кажется, впервые в истории исследовании российских легальных норм мы нашли такие, которым следуют неукоснительно все участники правовых отношений. Латур как-то

упрекнул социологов в том, что те ищут жёсткие законы и морали, которые скрепляли бы общество, но находят они лишь подвижные нормы и мягких людей [Latour 1992, p. 227]. Что ж, кажется, с мэтром можно заочно поспорить: российские релоканты оказались удивительно хороши в следовании жёстким законам.

Однако отрицательный результат остаётся результатом и талантливый учёный способен подтолкнуть к, быть может, более продуктивной рефлексии, чем та, к которой он шёл изначально. Не знаю, насколько я талантливый учёный, но могу попробовать поразмышлять над тем, что привело к неудаче.

Прежде всего — исследовательская предвзятость. Как добрые русские люди, мы вышли в поле с полным ожиданием встретить тотальный правовой нигилизм и серые схемы провоза пушистиков. Это же ожидание привело к мощнейшему разочарованию: оказывается, люди действительно выполняют требования государств и перевозчиков, без вопросов и кривых схем.

Далее я бы предположила ряд методологических ошибок. Мы заранее составили и согласовали гайд будущих интервью, однако, возможно, стоило бы провести его корректировку после нескольких взятых интервью, ведь составлялся он без чёткого исследовательского вопроса, а потому нельзя было чётко выделить задачи, которым он мог бы служить. Тем не менее, оглядываясь назад, я не могу сказать, насколько бы это спасло ситуацию.

Интервью хоть и позволяет собрать насыщенные, пестрящие подробностями данные, не является идеальным методом, особенно в контексте учёта животных: оно представляет лишь один взгляд на произошедшую миграцию, ещё и в ретроспективе. Сам питомец рискует стать лишь пушистой сумкой в чужом рассказе о переезде.

Следующий пункт, ставший возможной причиной неудачи — отсутствие чётко обозначенной выборки. Мы опрашивали всех, кто откликнулся на несложное резюме — переехали из России в другую страну с питомцем. Была попытка сузить выборку до релокантов в Сербию, однако она качественно не сказалась на результатах и не помогла анализу. Писать обо всех — верный способ написать ни о ком.

Наконец, наша неопытность. Социальные исследования животных чудовищно недопредставлены в российской науке, а в мировой существуют разрозненно, без общей методологической и теоретической базы. С одной стороны, это потрясающая возможность стать новатором и провести свет в зооантропологическую будку. С другой — это требует опыта, начитанности, удачи и исследовательской интуиции, которые в этот раз оказались не на нашей стороне. Возможно, более опытные коллеги с более глубоким представлением об исследованиях животных смогли бы превратить нашу интуицию в новое знание.

Однако чего я всё о нас да о нас? Давайте, пока не остыло, дадим по шапке кому-нибудь ещё. Сегодня под раздачей — устройство науки.

Мой до аскетизма скромный опыт пребывания в лоне академии, тем не менее, успел приучить меня к определённом подходу к исследовательской работе. Самый обидный комментарий после выступления — а почему нам должно быть интересно это слушать? Крупные работы, вроде курсовых и дипломов, могут быть посвящены безопасным и неэкстремальным темам — зачастую груз ответственности пересиливает тягу к небанальному. Однако формат конференций существует не для скучных конформистов, получающих корочку для мамы и папы. Конференции — для тех, кто хочет рискнуть и влиться в лигу низкооплачиваемых умников-стахановцев. Туда идут с темами, которые будут выделяться в программках и постах-анонсах в социальных сетях.

Такой подход во многом предопределил то, как мы видим материал, и то, с чем заходим в поле. Как любые социальные исследователи, мы ужасно завидуем журналистам (хоть и не меньше презираем их поверхностный подход): нам хочется обладать их скоростью, присваивать себе сенсации, но так как мы, учёные, люди высокомерные и тщеславные, мы хотим делать это ещё лучше. Журналисты пишут о необычных явлениях, и мы хотим! Журналист написал о релокации? Хах! Жаль, что его узколобие помешало ему разглядеть сложнейшее переплетение актор-сетей! Воистину, «берегитесь закваски фарисейской» [Лк. 12:1].

Но сложнейшего переплетения актор-сетей не случилось, и нарциссичный вундеркинд, коими нас воспитывают институты производства научного знания, переживает сильнейшее сокрушение собственного эго. Почему же мне не хватило интуиции, ума, начитанности? Неужели я зря трачу время на штудирование англоязычных журналов? Неужели я не особенный, а мои тексты не разделят антропологию на «до» и «после»?

Происходит противоестественный сбой. Полевой этап исследования, в сущности, прошёл прекрасно: мы все получили удовольствие, посмотрели на котов, наслушались анекдотов. Есть даже какой-никакой вывод: нормы есть, они работают хорошо, существует потребность в совершенствовании методологии. Казалось бы, сиди себе да радуйся, что хоть где-то миграционные процессы не омрачены бессмысленной волокитой и жестокостью. Но почему же мы так несчастны? Почему же нас так волнует отсутствие сенсации? Ведь антропология уже прошла этот этап, теперь нам интересно про повседневности. Разве нет? Видимо, нет.

Разумеется, наша неудача — наша проблема, и всему научному миру не вины за это не вменишь, хоть он в какой-то степени и предопределил то, что так случилось. Однако, быть может, это было необходимо как нам для осознания собственной исследовательской парадигмы, так и исследовательскому сообществу — для рефлексии границ собственного влияния и того, как существующие инфраструктуры (например, конференции) предопределяют формат мышления тех, кто в них задействован.

Если по какой-то причине вы дочитали этот саморазоблачающий и невероятно саможестливый поток мысли, вы заслуживаете хороший, остроумный, полный надежды и приободрения емкий итог. Не буду вам в этом отказывать. Одна неудача — лишь повод остановиться, подумать и вернуться в сферу с новыми силами и новым представлением о том, как делать надо, а как — не надо. Главное — это друзья, которых мы нашли по пути и фотографии котов, которые мы получили после интервью.

Итоги поля: зумеры придумали дофаминовые интервью

Если вы в своей жизни сталкивались с методом интервью, то знаете: это сложно и зачастую неблагоприятно. Часто из собеседника не вытащить ни слова, кроме «да», «нет» и «не задумывался», ещё чаще — его невозможно удержать от изложения каждой шальной мысли, как бы далеко от темы она ни была. Впрочем, хорошее интервью, даже если оно выматывает, всегда оставляет после себя чувство эйфории и подъёма, желание писать бесконечно, восторг от подтверждения исследовательской интуиции словами информанта или восхищение тем, сколь многое от нас скрывала реальность.

Тем не менее, интервью, которые брали мы в рамках этого исследования представляли из себя час радости и счастья, но оставляли после себя скорее замешательство. Писать после них не хотелось, максимум — почесать кота за ушком. Инсайта не случилось, и если вы ждёте от этого текста тайн за семью печатями, то их здесь не будет. Будет лишь несколько анекдотов и забавных банальностей.

Самый сильный и повторяющийся нарратив — это полное отсутствие сомнений в необходимости забрать животное. Ни один из собеседников не рассматривал вариант «бросить» питомца. Это — некий моральный императив, сравниваемый с предательством или отказом от члена семьи.

«...это предательство. Предательство существа, которое тебе доверилось, тебя полюбило, а ты его бросаешь. Как вообще такое возможно? Я бы себя, наверное, не уважал после этого». [Полевой материал авторов, интервью 1.]

Интересный нюанс: в некоторых случаях, когда объективные обстоятельства (здоровье животного осложняло логистику) вынуждали оставить питомца, это переживалось как тяжелая травма, но решение объяснялось заботой о самом животном, а не собственным удобством.

«Кошку мы не брали, потому что ей было 11 лет, у неё была почечная недостаточность, и нам врачи уже до этого сказали, что она чуть-чуть проживёт и помрет скоро, но она как бы пережила все их прогнозы, но мы понимали, что она не перенесёт перелет, а собаку убрали сразу с собой» [Полевой материал авторов, интервью 12].

Питомец в эмиграции однозначно выполняет функцию психологического якоря и антидепрессанта. Он дает ощущение дома, стабильности и предсказуемости в хаосе переезда.

«...котечка была такой штукой, которая означала, что ты дома. Это очень заземляет и очень помогает. Потому что когда у тебя земли под ногами нет, и ты как бы как тонешь... получается, что котик тебя заземляет» [Полевой материал авторов, интервью 26].

Отношение к животным при аренде жилья сильно зависит от страны и вида питомца. Сербия и Армения оставили после себя впечатление собаколюбивых стран, не понимающих, зачем держать вообще кошек.

«Армяне вообще очень не хотят сдавать квартиру людям с котом... если бы была собака, армяне обожают собак... а котиков они что-то как-то любят поменьше» [Полевой материал авторов, интервью 9].

«Нет, то есть здесь, в принципе, за счёт того, что у многих есть собаки в семьях у сербов, достаточно адекватно и спокойно реагируют <...>. То есть у нас, мы когда смотрели квартиру текущую, в которой мы живём, мы прямо на смотрины пришли вместе с собакой, то есть мы предупредили заранее, мы скидывали фотографии, мы пришли вместе с собакой, они посмотрели на собаку, как бы и всё» [Полевой материал авторов, интервью 25].

Германия — скорее кошколюбивая страна:

«...с котиками жить проще, то есть проще найти квартиру в Германии с котиками. Владельцам собак сложнее, потому что какие-то есть специальные регуляции именно на собак» [Полевой материал авторов, интервью 14].

Великобритания, в своих добрых традициях, усложнила жизнь всем, предоставив возможность решить проблему за дополнительные деньги и небольшой парад лицемерия.

«...если у тебя есть домашние животные, практически невозможно снять меблированное жильё, приходится делать «презентации» от лица животного, чтобы убедить лендлорда» [Полевой материал авторов, интервью 17].

Несколько неожиданные проблемы обнаружились для новых жителей Арабских Эмиратов: в Дубае у кота могут начать мёрзнуть лапы.

«Кондиционер действительно стоит все время на одной и той же температуре. <...> Есть... Рутинa того, что в Дубае нету деревянных полов. <...> Поэтому это, ну, специфика для животных. Например, у меня вот кот абиссинский, он не любит, когда лапы мёрзнут, поэтому у нас на полу коврики всяко разные» [Полевой материал авторов, интервью 2].

Северная Европа порадовала неожиданной находкой — по-кальвинистски точной формулировкой объявлений на съём.

«Ну, а в объявлениях вот как это пишут? В объявлениях пишут, пишут, можно кота или можно собаку, можно одного кота, одного собаку, а нам нужно было объявление, где было бы написано, можно два кота. Это редкость» [Полевой материал авторов, интервью 22].

Впрочем, и без подобных формулировок бюрократических сложностей хватало. Все собеседники сошлись во мнении, что подготовка к перевозу животного — это отдельный квест, часто более сложный и стрессовый, чем сам переезд. При этом требования и их соблюдение сильно различаются.

«Турция считается... „красной страной“ по бешенству. Нужно было иметь титры на бешенство. ... Этой бумаге нужно настояться три месяца, и нужно приходить в специальные организации... А там никто не разговаривает, скорее всего, даже по-английски» [Полевой материал авторов, интервью 14].

Существует, как и везде, некоторая халатность:

«...[при въезде в Грузию] всем таможенникам было просто наплевать на всех домашних животных, никаких специальных документов никто не требовал, хотя они были» [Полевой материал авторов, интервью 20].

И, конечно, финансовые сложности. Перевозить животное — приключение, затратное на каждом отрезке пути, от изготовления титров:

«...на один хвост... это выходило 20 тысяч рублей. <...> То есть мне нужно было с двумя моими хвостами отдать 40 тысяч, чтобы получить вот этот [анализ]» [Полевой материал авторов, интервью 11].

...до уплаты налогов и пошлин.

«...когда мы приедем в Польшу, нам нужно заплатить х2 суммы за аренду квартиры, потому что тут есть кауция... и отдельный залог за кота...» [Полевой материал авторов, интервью 21].

Не обошлось без некоторой мифологии о европейской ветеринарии. Мнения о качестве ветеринарной помощи в новых странах разделились, но страх перед ней — общий лейтмотив. Часто респонденты продолжали консультироваться с российскими врачами, которым доверяли больше.

Были примеры как негативного опыта:

«...ветеринария в Эстонии гораздо слабее. Например, кошачьих кардиологов на всю Эстонию два... адекватного УЗИ нет... они говорят: „сори, медицина бессильна, можем предложить только эвтаназию“» [Полевой материал авторов, интервью 4].

так и относительно позитивного:

«...он говорит по-английски, он, оказывается, ещё и по-русски понимает, то есть он болгарин... Это было очень приятно... он так все очень, всё нам хорошо объяснял. Очень хороший, френдли... врач» [Полевой материал авторов, интервью 25].

Несмотря на то, что питомцы в среднем не способствуют интеграции в принимающее сообщество, они часто выступают в роли социального клея, создавая темы для разговоров и доверия в эмигрантской среде, особенно в чатах.

«...кот подружил нас с соседями... у нас была ещё одна семья релакантов рядом, у которых была собака... И кот с собакой подружился... Мы с соседями стояли... немножко общались, и в итоге мы подружились» [Полевой материал авторов, интервью 27].

«...когда ты часто видишь одну и ту же иконку с человеком или его кошку, у тебя как-то подсознательно к нему больше доверия... „О, благодаря тебе я знаю, что Арарат было видно тогда-то“» [Полевой материал авторов, интервью 15].

Впрочем, некоторые сценарии интеграции питомец всё же способен создать.

«Я больше того скажу, так сказать, она и делам сердечным весьма помогает. Какой интересный мужчина, какая красивая у него собака. Половина моих местных визави требовала, чтобы я на свидание пришёл с Лорой» [Полевой материал авторов, интервью 1].

О котах и людях: выводы

Разделим эту часть надвое. Для начала подведём итоги по сущностной части исследования, а после пройдемся по неудачам нашей методологии.

Сущностная рефлексия

Невозможность отказа от питомца как моральный императив. Для абсолютного большинства респондентов мысль о том, чтобы бросить животное в России, была не просто неприемлемой — она воспринималась как акт предательства, сравнимый с отказом от члена семьи. Это не было рациональным решением, а являлось этическим выбором, который не ставился под сомнение.

Питомец как психологический якорь. В условиях миграционного стресса и неопределённости животное выполняло ключевую терапевтическую функцию. Оно давало ощущение дома, стабильности и безусловной любви, что было критически важно для сохранения психологического равновесия, особенно в первый, самый сложный период адаптации. Питомцы часто описываются как замена, которую неолиберальный капитализм предлагает вместо детей — при релокации животное, как менее агентное, не нуждающееся в адаптации к новому обществу, также доставляет меньше проблем, чем реальный ребёнок, и, тем самым, более пригодно для роли «антидепрессанта».

Бюрократический (не)хаос. Вопреки изначальным ожиданиям, процедура перевозки животных не оказалась зоной правового нигилизма или системных поломок. Релоканты в целом исправно следовали формальным правилам (чипирование, прививки, титры), и бюрократическая машина работала предсказуемо. Сложности носили скорее технический или бытовой характер, а не институциональный — возможно, это косвенно подтверждает гипотезу о высокой ценности формальных законодательных процедур для релокантов.

Видовая дискриминация на рынке арендного жилья. Отношение к питомцам при поиске жилья сильно варьируется в зависимости от страны и вида животного. В Сербии и Армении собаки являются «привилегированным» видом, а кошки воспринимаются как нежелательные квартиранты. В Германии и Великобритании ситуация обратная или более сложная, но в любом случае наличие питомца сужает выбор жилья и увеличивает его стоимость.

Отсутствие прямой связи между питомцем и социальной интеграцией. Гипотеза о том, что животное помогает или мешает интеграции, не подтвердилась. Релоканты, как правило, не стремятся к глубокой социальной интеграции в принимающем обществе, предпочитая общаться внутри русскоязычных диаспор. Питомцы здесь выступают скорее как социальный клей внутри этих диаспор (тема для разговоров, повод для знакомств в чатах), но не как мост в местное сообщество.

Мифология ветеринарии. Страх перед европейской ветеринарией является распространённым нарративом, но реальный опыт сильно зависит от страны и конкретной клиники. Повсеместно встречается нарратив о высоком качестве российской ветеринарии, существуют практики дистанционной консультации с ветеринарами на родине.

Методологическая рефлексия

Иная плоскость исследовательского вопроса. Наш изначальный фокус на бюрократических сбоях и серых схемах загнал нас в ловушку и привёл к изучению отношений человека и права, а не человека и животного.

Игнорирование агентности питомца. В рамках исследования питомец практически не рассматривался как самостоятельный актор. Это лишило исследование антрозоологической глубины и превратило его в сбор житейских историй о логистике: включение питомца в анализ требует иного метода, чем интервью с владельцем, который представляется невозможным в условиях исследования «онлайн».

Ловушка выборки. Среди наших информантов чудовищно недопредставлены люди, отказавшиеся от переезда из-за животного или отказавшиеся от животного из-за переезда, хотя такие, очевидно, есть: это также поработало на создание образа гладкого линейного процесса.

Вес надвигающейся конференции. Желание представить на конгрессе «сенсационную» тему привело к тому, что мы действовали в спешке и не до конца отрефлексовали дизайн исследования. Инфраструктура академических мероприятий предопределила ожидания, которые не совпали с полевой реальностью.

Наше исследование — один из тех случаев, когда сенсация не случилась, но мы в процессе стали чуточку мудрее и получили новые поводы для самоанализа. Мы смеем надеяться, что наш провал, подробно описанный в этом скромном тексте, послужит поводом для размышлений не только для нас, но и для тех, кто уделит ему несколько минут своего времени.

Литература

1. Евангелие от Луки.
2. Кошки, собаки и все-все-все! Аналитический центр ВЦИОМ, 2025. [Электронный ресурс] <<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/koshki-sobaki-i-vse-vse-vse>> [Дата обращения] 02.03.2026.
3. Панеях, Э.Л. Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов. М.: Статут, 2014.
4. Gherghel, A. Brief overview of Anthrozoology. 2023. P. 1–23. [Электронный ресурс] <https://www.researchgate.net/publication/372288211_BRIEF_OVERVIEW_OF_ANTHROZOLOGY> [Дата обращения] 21.06.2026.
5. Jerolmack, C. Toward a sociology of nature // The Sociological Quarterly. 2012. Vol. 53. No. 4. P. 501–505.
6. Latour, B. Where Are the Missing Masses? The Sociology of Mundane Artifacts. // Technology and society. 1992. P. 225–258.
7. Melkumyan, Y.G., Melkonyan, N.A. The Integration of Russian Immigrants in Armenia: the Impact of Relocation on the Host Society // Мир России. Социология. Этнология. 2025. Т. 34. №. 1. С. 130–143.
8. Merton, R. K. Bureaucratic Structure and Personality // Merton, R. K. Social Theory and Social Structure. New York: Free press, 1957. P. 195–206.
9. Park, R. Sociology // Wilson Gee, ed. Research in the Social Sciences. New York: The Macmillan Company, 1929.

Sofya Lopatko, Petr Ivanov

Research 404: What Have We Learned About Ourselves, Science, and Anthrozoological Methodology by Studying Relocants

Sofya Lopatko, National Research Tomsk State University, Faculty of Historical and Political Sciences, Department of Anthropology and Ethnology, 4th year bachelor student. **Address:** Tomsk, 36 Lenin Ave. **E-mail:** danawourd@gmail.com. **ORCID:** 0009-0001-9542-285X.

Petr Ivanov, RANEPa, Faculty of Design and Media Communications, Department of Territorial Development named after V.L. Glazychev, Senior Lecturer. **Address:** Moscow, 82 Vernadskogo Ave. **E-mail:** petrivadimovichivanov@gmail.com. **ORCID:** 0009-0005-8581-7072.

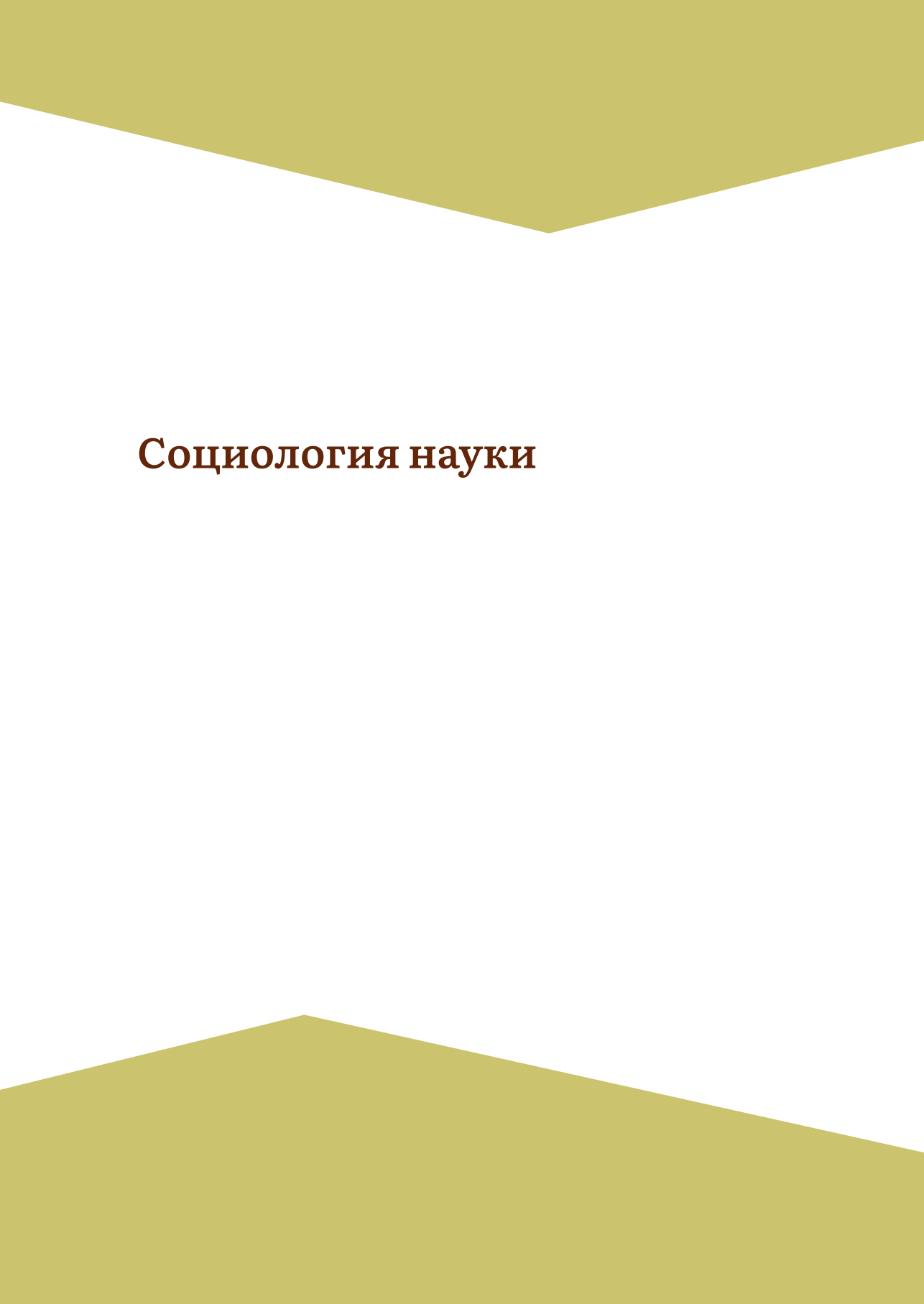
Abstract: This article presents a reflexive account of an exploratory anthrozoological study on the relocation of Russians with pets after February 2022. The authors question not only the empirical findings but also the very possibility of conducting such research within the stated framework. Based on 26 biographical interviews with relocants who moved primarily to Serbia, Germany, Armenia, and other countries, the authors arrive at an unexpected conclusion: contrary to initial expectations, the procedure for transporting animals does not reveal systemic bureaucratic failures, and pets do not play a significant role in the social integration of migrants, since most relocants do not seek integration into the host society, preferring to remain within the Russian-speaking diaspora. The bulk of empirical observations amounts to anecdotal cases — from species-based discrimination in the rental housing market to fears about European veterinary care. In two reflexive essays, the authors analyse the reasons for the methodological failure: an erroneous focus on human-bureaucracy relations instead of human-animal relations, the neglect of pet agency, sampling bias (the absence of interviews with those who left their animals behind in Russia), and the influence of academic infrastructures that push researchers toward seeking sensational results. Ultimately, the article transforms from a research report into a self-analysis of the limits of anthrozoological methodology and a critique of conference culture that predetermines research expectations. The authors conclude that the absence of a «sensation» itself becomes a meaningful outcome, prompting a reconsideration of research heuristics.

Keywords: anthrozoology, relocation, companion animals, methodology, social integration, reflexivity

For citation: Lopatko, S., Ivanov, P. (2026) Research 404: What Have We Learned About Ourselves, Science, and Anthrozoological Methodology by Studying Relocants. *Russia's Directions*. Vol. 4. No. 3. P. 115–133.

References

1. Gherghel, A. (2023) *Brief overview of Anthrozoology*. P. 1–3. [Online] <https://www.researchgate.net/publication/372288211_BRIEF_OVERVIEW_OF_ANTHROZOOLOGY> [Accessed] 21.06.2026.
2. Jerolmack, C. (2012) Toward a sociology of nature. *The Sociological Quarterly*. Vol. 53. No. 4. P. 501–505.
3. *Koshki, sobaki i vse-vse-vse* [Cats, dogs, and everything else]! (2025) VTsIOM Analytical Center. [Online] <<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/koshki-sobaki-i-vse-vse-vse>> [Accessed] 02.03.2026. (In Russ.)
4. Latour, B. (1992) *Where Are the Missing Masses? The Sociology of Mundane Artifacts*. Technology and society. P. 225–258.
5. Luke.
6. Melkumyan, Y. G., Melkonyan, N. A. (2025) The Integration of Russian Immigrants in Armenia: the Impact of Relocation on the Host Society. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. Vol. 34. No. 1. P. 130–143.
7. Merton, R. K. (1957) Bureaucratic Structure and Personality. In: Merton, R. K. *Social Theory and Social Structure*. New York: Free press. P. 195–206.
8. Paneiakh, E. L. (2014) *Pravo i pravoprimerenie v zerkale social'nyh nauk: hrestomatiya sovremennyh tekstov* [Law and Law Enforcement in the Mirror of Social Sciences: A Anthology of Contemporary Texts]. M.: Statut. (In Russ.)
9. Park R., (1929) Sociology. In: Wilson Gee, ed. *Research in the Social Sciences*. New York: The Macmillan Company.

The page features two large, solid yellow geometric shapes. The top shape is a downward-pointing triangle that starts at the left edge and tapers to a point before extending to the right edge. The bottom shape is an upward-pointing triangle that starts at the left edge, rises to a peak, and then slopes down to the right edge. The central area between these two shapes is white and contains the text.

Социология науки

А. Ф. Филиппов

Фундаментальная социология как исследовательский проект

Паблик-ток с Павлом Степанцовым

Александр Фридрихович Филиппов — доктор социологических наук, профессор Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, заведующий лабораторией Центр фундаментальной социологии НИУ ВШЭ. **Адрес:** Москва, ул. Мясницкая, д. 11. **Электронная почта:** aflippov@hse.ru.

Аннотация: Материал представляет собой стенограмму паблик-тока, состоявшегося в Московской высшей школе социальных и экономических наук (Шанинка). В центре обсуждения — осмысление итогов и перспектив исследовательского проекта фундаментальной социологии. Беседа, moderated Павлом Степанцовым, охватывает широкий круг тем: от определения фундаментальной социологии и её отличия от прикладных исследований до критического пересмотра тезиса «в России нет теоретической социологии». Особое внимание уделяется современному кризису социологического проекта, конкуренции с другими дисциплинами, возвращению роли государства и имперской проблематике. Затрагиваются вопросы социологического просвещения, позиции наблюдателя и будущего социальной науки в условиях неопределённости. Встреча носит рефлексивный характер и представляет собой промежуточный отчёт о развитии теоретической социологии в России за последние три десятилетия.

Ключевые слова: Фундаментальная социология, теории среднего уровня, самотематизация, политическая теология, эксцентрическая позиция, социологическое просвещение

Для цитирования: Филиппов, А. Ф. Фундаментальная социология как исследовательский проект. Паблик-ток с Павлом Степанцовым // Пути России. 2026. Т. 4. № 3. С. 135–167.

Редактор **Алина Владимировна Лихачевская**, МВШСЭН.

Ирина Дуденкова: Добрый вечер, дорогие коллеги. Мы очень рады приветствовать в Шанинской библиотеке людей, которые пришли послушать публичное выступление профессора Московской школы¹ Александра Фридриховича Филиппова, который стоял у истоков создания Московской школы, был деканом факультета социальных наук. Ни в коем случае это выступление нельзя рассматривать как итоговое. Мы сейчас немножко пошутили — на самом деле это то, что называется объективацией объективации, то есть ситуация рефлексивная. Рефлексивная работа над большим, успешным, на мой взгляд, исследовательским проектом, исследовательской парадигмой, которая сложилась в том числе в Московской школе. Я благодарна Александру Фридриховичу за то, что он согласился дать такой публичный промежуточный отчет. И Павлу Михайловичу Степанцову, студенту и сотруднику Центра фундаментальной социологии, преподавателю Московской школы, который согласился поговорить с Александром Фридриховичем, потому что он видел, как развивался этот проект на длинной дистанции. Я передаю слово нашим спикерам.

Павел Степанцов: Всем добрый вечер, коллеги. Спасибо, что пришли. Я скажу буквально несколько вводных слов. Думаю, Александра Фридриховича представлять ещё раз не нужно и лучше, чем Ирина Васильевна, это всё равно не сделаешь. Я в какой-то момент уже перестал быть студентом, и чуть позже, чем перестал быть студентом, перестал быть сотрудником Центра фундаментальной социологии и, прямо говоря, перестал заниматься фундаментальной наукой. Но было время, когда мы с Александром Фридриховичем вместе работали в Центре фундаментальной социологии, в том числе над журналом «Социологическое обозрение», который вы все прекрасно знаете. И мы решили поговорить, наверное, в двух форматах. Отчасти разговор будет биографический, связанный с тем, как мы пришли к фундаментальной социологии, как Александр Фридрихович видел развитие фундаментальной социологии. Потому что на такой большой дистанции это ещё и личный проект. Ну и вторая вещь, тоже не менее интересная, касается того, каким образом вообще мы можем видеть фундаментальную социологию, что это за такой странный зверь. Потому что я помню, в тот момент, когда я начинал учиться в Вышке² в 2005 году, фразы «фундаментальная социология» и «практическая философия» вызывали у людей некоторое недоумение. Как кто-то из вас может видеть по «профильным» профессиональным чатам, у некоторых людей словосочетание «фундаментальная социоло-

¹ Московская высшая школа социальных и экономических наук. Далее — Московская школа, Шанинка

² Высшая школа экономики

гия» вызывает недоумение до сих пор. Чему я дико рад, хоть что-то у нас не меняется. Оно вызывает недоумение и какое-то недоверие — вообще, существует ли такой зверь «фундаментальная социология» в природе или нет, и для чего он нужен? Про это мы сейчас поговорим. У меня есть какое-то количество вопросов. Я их задам, а Александр Фридрихович, надеюсь, порассуждает. И у нас будет время, чтобы вы тоже могли задать интересующие вас вопросы или дать какие-то комментарии. Если есть желание высказаться по теме фундаментальной социологии, социологии в России, теоретической социологии в России, то как говорится “*You are strongly welcome*”.

Давайте начнем с первого простого вопроса, который во многом форматировал восприятие нашего мероприятия. Я здесь буду отсылать к вашей статье ранних 2000-х или конца 90-х годов, по-моему, все-таки ранних 2000-х, в которых вы говорили, что фундаментальной социологии в России нет, что она не сложилась³. Здесь есть забавная интерференция для меня с Луманом, который говорил, что критическая социология думает, будто общество не удалось, а она удалась. Но в целом так же можно было бы говорить и про социологию в России вообще. И здесь мне кажется важно, во-первых, как-то поговорить, что мы понимаем под фундаментальной социологией. Потому что некоторое непонимание тезиса об отсутствии фундаментальной социологии могло вызывать реакцию. Что такое фундаментальная социология? Это, наверное, ключевой момент для нас. Как мы её отличаем от других форм знания об обществе в широком смысле? И уже потом: почему в начале 2000-х годов возник тезис, что её нет. И что можно было бы сказать сейчас? Все стало хуже, лучше или просто неинтересно?

Александр Филиппов Спасибо, Павел Михайлович. По странному совпадению, очень многие вещи происходят потому, что что-то удачно сказано. То есть формулировка важнее, чем то, что за ней стоит. И потом это может даже претерпевать какие-то изменения или могут произойти какие-то операции. Но всё равно в данном случае точно в начале было слово. Давайте я некоторые вещи просто уточню, потому что они стали такими proverbialными. Без ложной скромности могу сказать, что, наверное, достаточно много людей знают моё имя, знают, что я — я имею в виду много людей именно в нашей профессиональной среде, а в целом может быть совсем немного — знают, что я занимаюсь социологией, историей социологии. Но думаю,

³ Речь идёт о статье: Филиппов, А. О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. 1997. № 1–2. С. 5–37. Более поздняя версия, подвергшаяся значительной переработке: Филиппов, А. О понятии теоретической социологии // Социологическое обозрение. 2008. № 7 (3). С. 75–114.

что 90% из них знает формулу, и вот сейчас я её уточню: «Теоретической социологии в сегодняшней России нет». Вот эта формула именно такова. Теперь второй момент, который нуждается в маленьком уточнении. Я мог бы легко принять сейчас любую хронологию, но так просто случилось, что буквально три или четыре дня назад я встречался с коллегами в Казани. И коллега, которая меня встречала, говорит, мол, я была аспиранткой, я писала диссертацию и помню вашу статью 97-го года в «Социологическом журнале». Я даже не мог поверить, что это уже 97-й год, но да, она стояла на своем, что это 97-й год. Значит, это была статья о понятии теоретической социологии. Потом, когда вышел сборник «Теория общества»⁴ с многочисленными переводами, я туда поместил еще раз эту статью в переделанном виде. Но книжек у нас никто не читает, а журнал находится очень легко, и вот оттуда постоянно берут эту формулу. Исторически её происхождение очень простое, никто не знал, что ей суждена такая долгая и, возможно, печальная жизнь. Была какая-то конференция молодых учёных в Институте социологии, наскоро я приготовил туда какие-то тезисы и вот они, действительно такие провокационные, начинались с этой формулы. Это услышал Владимир Александрович Ядов — думаю, не надо объяснять, кто Ядов. И он практически в ультимативной форме потребовал от Батыгина, чтобы, значит, на эту тему была опубликована статья, а не просто вот это прошло на конференции — и всё. И так появилась эта статья.

Если вести эту историю в одну сторону, то получится, что там внутри множество вещей, которые были названы тогда в обоснование этого тезиса, множество идей, которые, как мне казалось, позволяют искать выход и, во всяком случае, не смотреть на дело столь уж радикально. Ну, вообще говоря, там два авторских листа, нельзя же ограничиться одним тезисом. Но это не сыграло, как мне кажется, вообще никакой роли. Я не вижу никаких следов этого. А вот этот вот лозунг, этот слоган остался, и я думаю, предполагать, что здесь что-то изменится, невозможно.

Вторая сторона дела — это фундаментальная социология, о которой вы спрашивали. Действительно, когда вышла книжка, может быть, кто-то помнит лучше меня, мне кажется, вокруг 2000 года, о которой я только что упомянул, «Теория общества», там уже стоял такой вот гриф «Центр фундаментальной социологии», и под ним выходило несколько серий. Мы задумывали тогда несколько серий. Как мы задумывали? Если посмотреть историю Центра фундаментальной социологии в Вышке, мы все увидим, что в 2006 году эта лаборатория была создана. Опять здесь вначале было слово. Вначале мы просто с

⁴ Теория общества. Сборник / Пер. с нем., англ. Вступ. статья, сост. и общая ред. А. Ф. Филиппова. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 1999.

друзьями сидели, как это принято в Москве, на кухне, и думали о том, что так жить нельзя, нам надо что-то придумать своё, а не жить всегда внутри чужих проектов. Судя по всему (я самого момента не помню), но есть свидетели, которые подтверждают, что придумала это Светлана Петровна Баньковская, именно она придумала название «Центр фундаментальной социологии», и оно оказалось настолько удачным, что потом так это всё и пошло. То есть сначала просто гриф в книжке, потом действительно название «Научно-учебная лаборатория», а потом вот здесь появилась уже без моего участия, но с этим названием, программа магистерская, которая долгие годы успешно существовала, и, по-моему, в каком-то смысле существует до сих пор. В оформлении этой программы я не принимал участия, поэтому я могу сказать, что и в этом случае тоже в начале было слово. То есть создаются какие-то вот такие важные концепции, или даже точнее не концепции, а концепты, и они за собой начинают вытягивать огромное количество идей, слов, организационных усилий.

И есть же ещё одна составляющая, к которой я не то что не имею никакого отношения, но и не хотел бы иметь. Если вы наберёте слова «Фундаментальная социология» в интернете, вы обнаружите, сколько там, 10 томов, что ли, выходило на подготовленных кафедрой Добренькова в МГУ, Владимиром Ивановичем и Альбертом Ивановичем Кравченко, с энергией, которая очень редко встречается вообще в мире, осуществили этот огромный проект. Я не уверен, что он, в свою очередь, сыграл какую-то роль в науке, но ведь все дело в том, как понимать науку. Там тоже люди живут, они совершенно уверены, что они занимаются наукой, и было бы странно отрицать за ними право называть фундаментальной социологией то, что они делают. И не упомянуть об этом тоже странно, потому что вы задаёте вопрос «вот как там с фундаментальной социологией?» — да вот по-разному. Есть ощущение, что когда этот концепт появился, он зажил собственной жизнью.

Теперь третья сторона того, что вы спрашиваете. Чем могла бы быть, чем должна была бы быть фундаментальная социология сейчас? У меня в своё время, сначала под влиянием Лумана, я думаю, и той его работы, которую я когда-то достаточно коряво, но все-таки перевёл на русский язык, про самотематизацию общественных систем⁵ (она вышла в сборнике в 90-м году, в 91-м), потом, начиная лучше понимать, откуда что берется, обнаружил у Фрайера, потом с какими-то дополнениями, изменениями понимал, что Фрайер берёт в свою очередь это у Дильтея. Но так или иначе, если перестать искать

⁵ Речь о работе: Луман, Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества / Пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Социо-Логос: социология, антропология, метафизика. М.: Прогресс, 1991. С. 194–218.

многочисленные корни всего этого, эта формула сводится к тому, что социология — это теоретическое самоосмысление общества. То есть, если мы сохраним какое-то подобие гегельянской составляющей, тогда у нас получится, что вот этот условный, редуцированный, обкорнанный, не признающий сам себе, что он на самом деле всё тот же старый философский субъект, рефлектирует, пытается занять позицию извне себя и посмотреть на себя со стороны, для этого ему служит в том числе и социальная наука.

Если мы скажем «нет» гегельянству ни в каком виде, мы его не признаём, не хотим, чтобы оно было — тогда мы просто можем сказать, опять же, возвращаясь к Луману, но в таком более чистом виде, что общество — это множество коммуникаций, и в нем выделяются в том числе такие специальные коммуникации, которые своей темой имеют опознание, тематизацию его как единства, как некоторого тождества, не столько субстратного, сколько процессуального, но тем не менее того, что сохраняет себя тем, что оно есть на протяжении некоторого времени. И вот для того, чтобы это происходило, когда этот интерес есть, для этого и служит фундаментальная теоретическая социология. Я думаю, что, может быть, пока для того, чтобы не развозить это в лекцию, этого может быть достаточно.

П. С.: Да, здесь я тоже, чтобы продолжить, коснусь двух моментов, одного биографического, который касается и моего опыта, и другого, чуть более концептуального, скажем так. Биографический касается того, что как раз в 2005–2006 году, когда я начинал учиться в Вышке, я помню, что было до этого года, по рассказам людей, и что возникло в тот момент. Что возник среди студентов довольно резкий интерес к занятию социологической теорией. Давайте я смягчу намеренно, не фундаментальной социологией, но как минимум теоретическим осмыслением. Произошел некоторый дрейф от того, когда люди хотели больше после социологии идти в маркетинг, заниматься исследованиями рынка и так далее. И появился интерес в сторону занятия теорией. В том числе благодаря этому возник Центр фундаментальной социологии, потому что было старшее поколение. Вы, Светлана Петровна, люди, которых здесь нельзя называть, Куракин и так далее. И вот младшее поколение, на несколько поколений ниже, студенты буквально второго курса бакалавриата. И возник какой-то такой интерес. Он был относительно новый. Этот вопрос я адресую вам, хотя мог бы адресовать себе (но у меня на него ответа нет): почему такой интерес возник? Это же не случайность. Потому что потом он каким-то образом, как мне кажется, поддерживался. И отчасти поддерживается до сих пор. То, что мы видим, например, и в бакалавриате Шанинки, и видим [магистерскую] программу по фундаментальной социологии здесь. Она просуществовала и существует на самом деле — это важно подчеркнуть — долгое время. И успеш-

но существовала и существует с точки зрения набора. Люди идут, и есть вот такой интерес. Здесь можно идти от разных ответов, начиная от какой-то харизматичности до увлечённости людей, увлечённости студентов теми людьми, которые занимаются теоретической социологией в широком смысле этого слова. Или же здесь что-то себя проявило? Не знаю, дух эпохи, абсолютный дух, который дышит где хочет, что угодно. Это первое. Интересно, почему? Осмыслили вы это для себя? Почему произошло такое и с чем это было связано?

Второй момент касается осмыслений самоописания обществом самого себя. И он отсылает к продолжению вопроса про наличие такой фундаментальной социологии сейчас. Мы видим огромное количество разных описаний общества, которые производятся. По моим ощущениям, сейчас производится сильно больше, чем 20 лет назад, 15 лет назад. Из каждого утюга что-то говорят про общество. Часть этих описаний мы можем отнести к фундаментальным, часть не можем. Но всё равно общество изнутри разных систем, если мы говорим с точки зрения Лумана, описывает само себя. Что в данном контексте отличает именно фундаментальное социологическое описание других, которое производится тоже изнутри общества?

А. Ф.: Я совершенно не предполагал, что я начну ответ на ваш вопрос с того, с чего я начну. Я вчера очень поздно вечером возвращался после лекции домой и получил маленькое письмо. Тоже многие, наверное, из вас знают — это наш добрый коллега Тимур Рифатович Миняжев. Он историей социологии занимается, теорией тоже. Мы не очень часто переписываемся, но по такому поводу не переписывались ни разу. Он мне рассказал, у него был ко мне вопрос, но на вопрос я ответить не смог. А то, что он рассказал, было совершенно поразительно. Он изучал со своими историко-социологическими интересами какую-то литературу вокруг Зиммеля, в том числе Зиммеля на русском языке. И он нашёл в сборнике под редакцией Ковалевского «Новые идеи в социологии»⁶ [19]13 года огромный перевод первой главы «Большой социологии» Зиммеля. Я думаю, многие знают, о чем идет речь. Причем перевод подписан Г. Федотовым, и он думает, что это тот самый знаменитый русский богослов Георгий Федотов. И он меня спрашивал, почему при изданиях Зиммеля, которые были сделаны в 1996 году, это не использовалось. Я не мог ответить на этот вопрос, потому что я не составлял те книжки, которые выходили. Я только продал пару своих переводов и помог отредактировать Ильинский перевод Зиммеля, Ильина и Вокач, «Социальная

⁶ Зиммель, Г. Проблема социологии // Новые идеи в социологии / Под ред. проф. М. М. Ковалевского и Е. В. де-Роберти. Сб. 1. Социология. Ее предмет и современное состояние. СПб: Образование, 1913. С. 109–141.

дифференциация»⁷. Это совершенно ошарашивающая новость. Я надеюсь, что он сумеет распорядиться своей находкой. Правда, не целиком, как выяснилось, переведена эта глава, только часть. Но, тем не менее, очень большая часть.

И какое это имеет отношение к вашему вопросу? Мне кажется, прямое. В принципе, наука не существует как прозрение, она не существует как коммуникация, она не существует как установление какой-то частной истины, даже очень удачными способами. Мы все это прекрасно знаем. Она существует как традиция, как некоторая непрекращающаяся традиция знания. И таких традиций несколько, их даже много, в социологии их много. Когда мы занимаемся фундаментальной социологией — я не утверждаю, что это единственный источник интереса к ней, который вот сейчас появляется — когда мы занимаемся фундаментальной социологией, мы в каком-то смысле прикасаемся к вечности. У нас такое же ощущение, как когда мы в философии занимаемся великими философами. Потому что, конечно, каждому из нас приятно было бы знать, что он создает в области знания нечто такое, что не исчезнет. Но вероятность этого очень мала. И Вебер, как мы знаем, буквально заклинал свой страх смерти и исчезновения, говоря «я знаю, я знаю, я знаю, что я ещё не умру, а уже всё, что я сделал, будет опровергнуто». Это ужасная мысль, которая преследует учёного. Другая сторона этого: когда я читаю Аристотеля, Гегеля, Фихте, Гоббса или Фому [Аквинского], я понимаю, что я нахожусь внутри вечности. Конечно, это такая относительная вечность, что такое даже две с половиной тысячи лет? Но всё равно я внутри вечности. Это великий диалог. И когда ты занимаешься вот этими великими социологами, независимо от того, жили ли они 200 лет назад, или, как Луман, умер он как раз в 98-м году. Но все равно понятно: кто занимается Луманом, тот с известной степенью вероятности прикасается к вечности. Это проверенная вещь, это не фуфло. Ты не просто так неизвестно откуда берёшь слова, которые сейчас у всех на языке. И ты можешь быть необыкновенно современным и модным, вести себя как тот же Зиммель, который растратил полсостояния на шмотки, потому что занимающийся социологией моды должен модно одеваться, как известно. Это правда. В каком-то моднейшем фраке он приезжал на лекции на велосипеде. Это был вообще тогда шик невероятный в Берлине. Всё нормально. Но ему хватило чутья на фоне всего этого заняться Кантом, Шопенгауэром, Гёте, Рембрандтом. А мы занимаемся Зиммелем, мы занимаемся Луманом. Я думаю,

⁷ Зиммель, Г. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования [Пер. Н. Н. Вокач и И. А. Ильина, под ред. и с комм. А. Ф. Филиппова] / Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии / Сост. С. Я. Левит. М.; СПб.: Университетская книга, Центр гуманитарных инициатив, 2015.

что это какая-то надежная штука. Вот хотя бы Владимир Геннадьевич [Николаев] занимается [Робертом] Парком, не только Парком, но в том числе и им, он может быть уверен, что он уже обессмертил своё имя независимо от всех остальных достижений. Поэтому вот это желание, я не знаю, своей интуицией схватывать не недавно изготовленное, а то, что прошло проверку временем — его невозможно отнять. Это только одна из причин, но я бы не стал дальше развивать эту тему, чтобы осталось время и для другого.

П. С.: Хорошо. Всё-таки тогда, мне кажется, и я чуть-чуть уточню вопрос. Я бы всё-таки предложил её развить, но уже чуть в менее таком экзистенциальном ключе. Понятно, что наша жажда бессмертия и страх бессмертия очень хорошо, скажем так, соотносятся с тем, к чему прикасаются люди, когда читают тексты. В том числе это может объяснять, почему в середине 2000-х возникло такое желание прикоснуться к вечности. В тот момент, когда люди перестали бояться, что умрут с голоду, возникла возможность прикасаться к вечному. Чуть-чуть больше. Но это шутка, на самом деле.

Второй момент, всё-таки вторая часть вопроса, я её даже уточню, как мы можем отличить именно фундаментальное социологическое описание от иного типа описания и за пределами социологии, и внутри социологии. Этот вопрос тоже не праздный, я, наверное, поясню контекст. Сейчас среди шанинских студентов есть увлечение чем-то, что называется оператор среднего уровня. И оно представляется если не как панацея, то как новое слово, которое может позволить каким-то образом чинить и соединять некоторые конструкции. Здесь, к сожалению, нет ни Степана [Козлова], ни Наты Волковой, которые могли бы этот вопрос лучше развить. Но тем не менее, даже изнутри социологии есть разного типа очевидные описания. Некоторые из них даже не претендуют на фундаментальность. Есть ещё описания за пределами социологии. И все они каким-то образом тематизируют общество в широком смысле. И в тот момент, когда мы в начале разговора говорили о том, что фундаментальная социология — это способ тематизации общества, для того чтобы так или иначе оно сохраняло в том числе своё единство, то как мы можем отличить среди разных способов тематизации общества именно те, которые мы бы отнесли к фундаментальной социологии?

А. Ф.: Да, это, конечно, более сложный и более принципиальный вопрос. Я бы мог сказать, что в принципе, если бы у меня кто-то просил рекомендации, и я бы счёл возможным их давать, то я бы как раз поддерживал именно это направление. Исходя из того, что социология — это наука о действительности, в формулировке Вебера или даже Риккерта, или в радикальной и очень страшной, хотя и соблазнительной формулировке Фрайера, но если это наука о действительности, значит, она

не может проходить мимо того, что является — ну, извините за такую совсем какую-то вульгарную формулировку, я понимаю, что она прозвучит на фоне только что сказанного вульгарно, но тем не менее — на фоне того, что является актуальным общественным запросом. То есть, социология вне задач, скажем, широко понимаемой социальной работы — а кому она тогда еще нужна? То есть, что ещё тогда делать? Вот как говорил Крыштановский, заниматься маркетингом мужских трусов, да, ну что ещё? Или куда-то ещё, встраиваться в эту фабрику массовых опросов и проектной текучки, как Луман говорил, фабрика проектов. Фабрика проектов существует, она прекрасно себя чувствует, хочешь над этим встать — значит, ты оказываешься как раз на этом среднем уровне. И повторяю, моя собственная рекомендация, и даже в каком-то смысле моя собственная рекомендация самому себе, была бы больше идти в эту сторону, в среднюю.

Там есть один-два момента, мимо которых всё-таки невозможно пройти. Средняя, это значит средняя между низшим и высшим. Считаем ли мы низшее фундаментальным или, считаем ли мы, наоборот, высшее фундаментальным, но средняя всё равно находится между ними. И вот эта, кстати, наша привычка называть средний уровень, да, на самом деле, если мы вспоминаем формулу Мертон, это все-таки *middle range*, то есть это как ракеты среднего радиуса действия. Так и теории, которые далеко не долетают, но, в общем, и не вблизи только работают. Это такая довольно большая штука, но со своими ограничениями. И вот возникает вопрос, он возникает, собственно, изначально. Это изначально можно представить, например, по такому парадигмальному образцу, как спор Парсонса с Мертоном, значит, *general theory* или *theories of the middle range*. Этот спор сам по себе как таковой, он разрешился в пользу Мертона, независимо от того, принимаем ли мы в строгом смысле слова его позицию или нет. Он решён, и в каком-то смысле он решён окончательно в пользу Мертона, и это, по-моему, очень плохо для социологии. Потому что теории, даже если они создаются *ad hoc*, даже если они создаются внутри какой-то более обширной области, нуждаются в ресурсах. И этот ресурс — ресурс понятий, ресурс объяснительных схем, ресурс, если угодно, общих представлений о социальном, которые хорошо обоснованы. Не в том смысле, как хорошо бывают обоснованы те самые *grounded theories*, а хорошо обоснованы в соответствии с теми требованиями, которые мы предъявляем без всяких скидок на то, что это же всё-таки отдельная дисциплина, которые мы предъявляем в этом смысле социологии. И когда мы перестаем снисходительно говорить «ну, здесь не играем, здесь тоже не играем, да, и здесь не играем, потому что эти вопросы та или иная наука решать не должна». А кто их тогда будет решать? И мы знаем прекрасно, кем они начинают решаться. Они реально решаются в современной политической философии. Они решаются в современной социальной философии, если их различать между собой — я не очень это люблю,

но есть коллеги, которые наоборот это любят. И, наконец, в политической теологии. Представители этих дисциплин вспоминают о том, что, в общем, на самом деле, это тоже часть того проекта, из которого когда-то родилась социология, по крайней мере в некоторых странах и в некоторых парадигмах. И они начинают эти вещи разбирать. И вы берёте то какую-нибудь книжку условного Милбэнка, если брать политическую теологию, мы видим, что он там глава за главой оттаптывается на современной социологии, которая вообще ему ничего не отвечает, потому что для социологии нет теологии. То есть те социологи, для которых теология была, они все померли, а новых не народилось. А новые думают, что на их век хватит, что всё хорошо. Вот профессорское место, вот грант, вот проект, вот, слава богу, собрание факультета, и там все чествуют уходящего на пенсию коллегу и жадными глазами смотрят на освободившуюся позицию, счастливо представляя себе, сколько времени пройдет, пока этого нынешнего счастливчика будут чествовать точно так же. То есть всё идет своим чередом. Чего тут волноваться-то? А между тем, ну, дух эпохи я бы не стал говорить, хотя вы его упомянули справедливо, но жизнь-то, в общем, не стоит на месте. И очень серьезные умы с той или иной стороны атакуют социологию не в части отдельных вот этих *middle range operators* или *theories*, они её атакуют именно вот в части оснований. И я вспоминаю книжку, которую сейчас уже никто не читает, но в моё то время она была очень популярна, «Кондуит и Швамбрания» Льва Кассиля. Он вспоминает, как ещё до революции он учился, там был учебник закона божьего, там была такая иллюстрация — сидит Бог на облаке и творит мир. И он пишет дальше «первые же уроки естественной истории рассеяли облака. Богу больше не на чем было сидеть». Я понимаю, что сейчас это звучит несколько сомнительно, но я хочу сказать, социологии не на чем, да, она однажды выяснит, что ей не на чем больше сидеть. Хотя, конечно, ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра. Вот поэтому надо ею заниматься.

П. С.: У меня здесь есть соблазн пойти сразу в две темы. Я сейчас выбираю. Мне кажется, мы довольно много поговорили про фундаментальную социологию, возможно, про это будут вопросы. Я бы, наверное, как раз хотел бы отнестись к политической философии в таком ключе. Потому что если такими совсем крупными мазками посмотреть ваш путь по заметным публикациям, и даже не побоюсь этого слова, по позиционированию себя в теории, то первая, как минимум, совсем заметная статья, если глубоко не погружаться, это «Наблюдатель империи»⁸. Потом, мне кажется, он [путь] довольно

⁸ Филиппов, А. Ф. Наблюдатель империи: Империя как социологическая категория и социальная проблема // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 89–120. Более поздняя сокращенная версия издана в: Полит. наука. 2013. № 3. С. 43–97.

логично переходит в эту историю про пространство — потому что как раз империя тематизируется через пространство, — и появляется проект социологии пространства. Дальше, мне кажется, что вполне логично рождается история про события. Потому что как мы можем определить место? Там важную роль играет наблюдатель, наблюдатель должен что-то наблюдать, то есть важно место наблюдателя, и, соответственно, должно быть некоторое событие, событие наблюдения — то событие, которое он наблюдает. И здесь как будто бы в какой-то момент происходит переход уже из вашего интереса, из того, что относится к тематизации, скажем так, социологических тем — как бы мы их не определяли, мы ещё об этом поговорим — к политической философии в большей степени. С чем это было связано? Есть ли там какой-то такой гэп, скачок, или он кажется скачком только внешнему наблюдателю, допустим, мне? Может быть, коллегам так не кажется. И почему вы начинаете тогда дальше черпать ресурсы воображения, ресурсы теоретической работы из политической философии в первую очередь, и заниматься ей в большей степени, чем тем, что принято относить, к, собственно, теоретической социологии? То есть, проект закончился на событиях, или дальше стало невозможным рассуждать о событиях, не привлекая ресурс политической философии?

А. Ф.: Ну, есть, так сказать, нулевая стадия, конечно, да, приятно говорить о себе в ретроспективе. По-моему, у Дэвидсона книжка “*Essays on actions and events*” предваряется вот такими *summaries*, где он о себе пишет в третьем лице. Но, действительно, у меня произошел личный такой очень серьезный перелом в 90-м году, и результатом этого перелома стала статья о социологии и космосе⁹. И там впервые был поставлен и вопрос об империи, и вопрос о пространстве. И меня тогдашние мои друзья спрашивали «что это тебя повело в эту сторону?». Я не мог этого сказать, я и сейчас не могу сказать — я не всегда понимаю, что происходит. Понимаю, что что-то надо написать — и всё.

И второй момент, просто очень важно для меня зафиксировать, что я первый раз говорил об этом, про империю, про всё это дело, я говорил именно в Московской школе. Но её тогда не было. То есть я говорил не в Московской школе, тогда были конференции, которые назывались, по-моему, даже не «Пути России», а назывались «Куда идёт Россия», и на одной из первых конференций, 93-й год это был, я старался... Да, точно, это был 93-й год. Я уже выпустил эту статью, но её никто ещё тогда не знал. И потом вдруг оказалось, что очень многие люди до сих пор подходят ко мне и говорят, что считают, что это луч-

⁹ Филиппов, А. Ф. Социология и космос: Суверенитет государства и суверенность социального // Социо-Логос. Вып. 1. Общество и сферы смысла. М.: Прогресс, 1991. С. 241–273.

шая статья. Я этого не исключаю. Не в том смысле, что я ей горжусь и размахиваю, как флагом, а в том смысле, что ничего лучше мне так и не удалось написать, как я ни старался. А в свою очередь, почему это было написано? Это было написано, как ответ на актуальный запрос. Я очень переживал, даже не когда Советский Союз распался — к этому времени я её уже написал — а именно, когда готовился его распад, эти аргументы, что любую империю надо разрушить, просто потому что она империя, империи быть не должно — и дальше, значит, там набор необыкновенной пошлятины и околесицы, которую просто невозможно воспроизводить. У меня всё переворачивалось внутри. И в тот момент, когда я это написал, это никому было не нужно, абсолютно. И много позже это было не нужно. И я чуть ли не десятилетие пытался пробить эту стену. И мне кажется, что я потерял надежду на то, что будет какой-то этому резонанс, как раз тогда, когда возникла вот эта вот новая имперская история, когда стали постоянно об империях люди говорить. И я, значит, с необыкновенным чутьём и внимательностью к происходящему, бросил это на долгие годы.

Действительно, от этого пришло всё к пространству. То есть стало ясно, что, и кстати говоря, в статье про теоретическую социологию, там прямо сказано, что есть необходимость в кодификации социологического знания, и есть параметры этой кодификации — это пространство и время. И вот пространством, собственно говоря, мне бы сначала хотелось заняться. Поэтому в каком-то смысле всё произошло логично. Сначала пространство, потом время. В смысле события, да, это социология времени. А почему потом философия? Ну, как бы, так сказать, я не железный. То есть если я называю теоретическую социологию коммуникацией, и если я вижу, что никакой коммуникации нет, — значит я иду туда, где коммуникация есть, вот и всё. То есть пока ты говоришь... Я не говорю в данном случае, не надо понимать как какую-то инвективу в отношении коллег-социологов. Если бы я написал по-другому и лучше, значит и коммуникации было бы больше. Вот и всё. Но независимо от причин, коммуникации никакой нет. Её не было, нет и не будет. А с философами какая-то коммуникация есть. Поэтому если не хочешь жить в безвоздушном пространстве — значит надо идти туда, где получаешь какой-то отклик. Это раз.

И два, разговаривать с теми, кто хочет разговаривать в ответ. Но кто же мог знать, что постепенно какие-то интересы к этому делу будут пробуждаться. А уже когда я занялся политической философией и в особенности политической теологией, в том виде, в котором сейчас я ею занимаюсь, я обнаружил, сколько там, во-первых, исторических переключек, а во-вторых, возможности какие-то для себя важные вещи прояснять на том уровне, который для меня лично выступает как более соблазнительный. То есть возвращаясь к тому, что я сказал раньше, да. Не просто использовать какие-то слова или объяснительные схемы из ресурса, который называется социологией, но дополнить его

из огромного резервуара традиции. И я на всякий случай только, здесь есть люди, которые прекрасно это знают, мы с ними об этом говорили, а есть, может быть, и те, кто слышит об этом в первый раз. Но даже тем, кто знает, я напому на всякий случай, что даже слово «социология» изобрел не Конт. Даже само слово появилось в черновых записях Сийеса, которого мы знаем как политического философа и политического богослова. Никакого Конта бы не было без де Местра и Бональда. Не будь Конта, не было бы всей последующей социологии, какой мы её знаем, невзирая на то, что Контовской социологии как таковой тоже не было. И Конт — это богословие, специфическое, но тем не менее именно богословие, он создает в конечном счете не науку, а научную церковь. Вот это всё не может быть безразличным для любого, кто всерьёз относится к истории своей науки. И вот поэтому я туда залез. Ну, конечно, у этого есть свои издержки, потому что, повторю, мысль, не моя мысль, а мысль огромного количества других людей — она не стоит на месте. И в какой-то момент ты очнёшься, согласишься с холодным вниманием вокруг и понимаешь, что довольно много людей насоздавало довольно много интересных текстов, в том числе и в области социологии. Может быть, имеет смысл заново начать их читать.

П. С.: Про тексты мы ещё отдельно поговорим. Здесь такой вопрос, наверное, практически из зала, к теории событий, который регулярно возникал в момент обсуждения со студентами текста «Конструирование прошлого в процессе коммуникации»¹⁰. То есть он так или иначе возникал не единожды. Это вопрос про абсолютные события. И здесь мы можем сделать мостик, а можем и не делать его, с такими событиями, которые, собственно, побуждают к некоторой теоретической работе. В данном случае, допустим, ожидание распада или распад Советского Союза, или какие-то другие события. Будем ли мы относить их к абсолютным или не будем. Но на самом деле здесь вопрос больше такой на уточнение, есть ли в вашей теории событий, когда мы говорим про абсолютные события, как про некоторую точку — сильно упрощая — отсчета хронологии, могут ли абсолютные события существовать в будущем? Я долго подбирал слово «существовать», наверное, не самое точное слово. Но могут ли они воображаться в будущем как точка отсчета хронологии отсюда? Есть ли какая-то...

А. Ф.: Хронология сюда?

П. С.: Да, сюда.

¹⁰ Филиппов, А. Ф. Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода // Феномен прошлого / Отв. ред.: И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2005. С. 96–120.

А. Ф.: Да, это эсхатологическое мышление, разумеется. Это, собственно, и есть то, где человек говорит прозой, не сознавая этого, — когда человек внутри социологии заносит эсхатологию, не сознавая того, что его размышления гораздо лучше могли бы быть представлены в терминах, условно говоря, Левита или Таубеса. Специально не называю еще другие имена. Но совершенно очевидно, что если мы себе представляем в максимально радикальном плане просто конец времен, и мы начинаем от него отсчитывать сюда — мы себе представляем достаточно модную сейчас идею времени, подходящего для свершения определённого рода событий, скажем, либо второго пришествия, либо обрушения всего этого мира, либо до второго пришествия, как мы знаем, должно быть еще пришествие Антихриста. Я на всякий случай хочу напомнить, просто это попутно, но тоже, знаете, когда мы берем у Дюркгейма понятие аномии, или аномии, как любит говорить Гофман, я до сих пор не знаю, как будет лучше, но я просто так уже привык. Берем у Дюркгейма понятие аномии, а где мы еще встречаем понятие аномии? Только не вперед сюда, а назад туда. Мы его встречаем как раз у апостола Павла. И вот эта знаменитая формула из второго послания Фессалоникийцам, вторая глава, где он говорит, что «тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» [2 Фес. 2:7]. Это квинтэссенция некоторых, как ни странно, социологических — хотя на самом деле они теологические, даже не политико-теологические — интуиций. Но они могут быть представлены как политико-теологические, потому что где беззаконие, в греческом тексте там стоит *ἀνομία*. А «удерживающий теперь», да, это значит *ὁ κατέχων* на греческом или *qui tenet* на латыни. Это что такое? Это на самом деле — в прошлом году мы это много обсуждали на одной из наших конференций, что мы можем представлять себе это в высшем плане — действительно, конец времен. Что значит «тайна беззакония свершится»? Придет Антихрист. Пока он не пришел — он не пришел, но не будет, и, соответственно, Страшного суда, и Христос не вернется, и весь мир будет оставаться в этой ситуации беззакония. То есть на самом деле катехон, который вроде бы удерживает мир от сползания в катастрофу, на самом деле удерживает его от того, чтобы весь этот кошмар кончился, наконец, и воцарилось то время, когда времени больше не будет. И вот если мы это редуцируем на несколько порядков, поскромнее начинаем представлять, мы можем себе представить, что удерживающая сила, катехон, она может быть как бы мини-удерживающая сила. Это может быть какой-то предохранитель, извините, как поплавков в сливной бачке, который не дает ему переполниться и затопить квартиру. И таких предохранителей, таких мини-катехонов в социальной жизни очень много. Мы не будем говорить, хорошо это или плохо, но когда мы задаем себе вопрос, я вспоминаю своего дорогого учителя Юрия Николаевича Давыдова,

который говорил мне: «у меня все, значит, рассказывают про то, как всё вот-вот рухнет и будет катастрофа, а меня интересует совершенно другой вопрос — меня интересует, почему она до сих пор не случилась?» И это действительно, это два разных вопроса, которые могут быть заданы в одно и то же время, в одной и той же ситуации, с одними и теми же принципиальными описательными средствами, с разными фундаментальными интуициями. И если мы пойдем вот этим путём, мы обнаружим, что мы постепенно вползаем, вторгаемся или неостановимо падаем в ту область, где нас встречает невероятное богатство концептуальных возможностей. Не теоретических, я подчеркиваю — теория связывает разные, более-менее строго звучащие предложения — но именно концептуальных, когда мы находим те самые слова, которые позволяют нам сформулировать наши интуиции, и на этих интуициях дальше строить свой объяснительный аппарат и идти дальше. И вот именно поэтому как бы я ни хотел временами — у меня иногда такое бывает, особенно когда я оказываюсь в такой узко-социологической среде, у меня такое ностальгическое чувство «я дома, я наконец вернулся домой» — сколько бы ни было этой ностальгии, но нет, всё-таки этот фарш невозможно повернуть назад.

П. С.: Давайте тогда параллельный вопрос про проект уже не фундаментальной социологии — это, понятно, относится и к проекту фундаментальной социологии тоже — и не к политической философии, а к проекту социологического просвещения. Это тоже значимый проект, который вы, как мне кажется, в России наиболее ярко представляли. Здесь разговор может быть развернут в две стороны. То есть про лумановскую историю, про социологическое просвещение отчасти, и про биографическую вашу. Каким образом и почему было... было ли тогда время для социологического просвещения? Осталось ли оно сейчас? Потому что кажется, что можно взять слова, словосочетание «социологическое просвещение», и его важно отличить от других форм существования, например, популяризации науки. Того, что мы видим в проектах, которые не являются собственно социологическими или научными. Сейчас я уже не знаю, кто уже смотрит «Постнауку», но в свое время даже «Постнаука» вполне себе проект популяризации науки, хотя вряд ли некоторого просвещения в этом смысле. И как мы можем отличить проект условного и социологического просвещения от проекта популяризации? Есть ли время ему сейчас? Или уже по каким-то причинам нет?

А. Ф.: Ну, если совсем кратко, то, мне кажется, на какое-то обозримое время этому проекту места нет. Мы переходим к достаточно идеологизированному состоянию — социология всегда себя противопоставляла либо теологии, либо метафизике, философии, либо и той и другой одновременно, как правильное знание, в отличие от знания

так или иначе только претендующего на то, что оно представляет истинную природу вещей. Вот эта вот специфическая на самом деле история. Если мы возьмем какой-то любой большой социологический спор, неважно, где он проходит, проходит ли он в глубинах каких-то историй во времена Конта, или проходит в наше время, или преднаше время, в какой-то другой стране или в нашей, если хотят дискредитировать теоретика, если хотят дискредитировать именно социолога-теоретика, что самое худшее может быть о нем сказано? То, что он занимается философией. «Это не социология, это философия, пусть он занимается своей философией». Про Лумана это говорили, про кого только это не говорили. В этом смысле социологическое просвещение, скажем, в смысле Лумана, это не про то, чтобы какие-то знания сделать популярными. Это про то, чтобы представить — если вы помните, был у нас такой случай, мы какое-то длинное интервью Лумана вместе слушали, я вам его переводил. Это был еще тогда сравнительно молодой Луман, у него это очень хорошо получалось. Он говорил: «вот смотрите, не обязательно держаться каких-то фиксированных ценностных, идеологических установок — „вот это правильно, это справедливо, это хорошо“ — социология позволяет вам представить это как иначе возможное». Как иначе возможное объяснение, как по-другому конструируемые связи. Это и есть собственно социологическое просвещение. Не в том смысле, что есть просветитель, как абсолютный наблюдатель, как знаток, как тот, кто знает на самом деле, а все остальные какие-то замшелые или малоумные твари. Просто это другой взгляд на то же самое. Ты понимаешь, что ты это считаешь ценным и самоочевидным, а тебе социолог говорит не то, что оно не ценное, и не то, что оно не самоочевидное — он тебе рассказывает, как производятся ценность и самоочевидность. Ты будешь тельняшку рвать за традицию — социолог тебе рассказывает, как работает традиция, как работает институт. То, что ты принимал за вещь, на самом деле всегда было процессом, а самое прочное — это просто длительный и продолжительный процесс. И многое другое в том же духе. Вот это социологическое просвещение в точном смысле слова. Для этого социолог, конечно, он должен стоять в стороне, и получается, что для него вообще ничего святого нет, и что он в результате всё равно такой самый умный. Они стоят рядом друг с другом — здесь социолог, здесь психолог. Психолог говорит: «я знаю, откуда у вас эта эмоция, это убеждение». Социолог говорит: «да-да, и заодно я знаю, как вы её инвестируете в те или иные действия». И человек уходит не обязательно просветленный. Возможно, что он уходит от них обоих без всякого удовольствия. Я не думаю, что сейчас хорошее время для этого.

Но кому это нужно? Вот у Лумана есть одна ранняя статья. Она тоже вошла в книгу «Социологическое просвещение», просто её может быть, совсем уже редко цитируют. Она посвящена идеологии.

В принципе, идеология это очень очень сложное дело. И Луман скорее всего не сказал там какого-то петушиного слова, поэтому она не прозвучала, повторяю. Но тем не менее, что он говорит? Самое главное с идеологией — это не то, что она является ложным сознанием, а то, что она заменима в своей функции определять, описывать и оправдывать действия. Заменима. Представляете себе, по мере прогрессирующей идеологизации, где бы она ни происходила, в каких бы средах, в каких бы странах, вы приходите куда-то и говорите «вообще-то говоря, ваши принципы прекрасны, но есть ещё такой, такой, такой способ. И завтра вы будете верить уже не в это, а послезавтра ещё во что-то другое». Да вы что? С чьего голоса вообще поёт эта птичка? Да, и есть мнение, что попугай этот засланный. Поэтому я полагаю, что в этой части можно рассказывать всякие интересные истории, как этнологи рассказывают, антропологи вот выдумывают свои байки, потом выдают их за истину. Это всё результаты наших антропологических разысканий. Хотя никаких результатов там на самом деле нет. Но это очень хороший способ. А вот так вот в лоб — нет.

П. С.: Здесь, наверное, перед тем как передать слово коллегам, раз уж зашел разговор про просвещение, и мы касались темы действительности, здесь сложно её обойти вниманием, что социология — некоторым образом наука о действительности. И такая позиция просвещенческая в лумановском смысле, возможно, что только в том случае, если мы предполагаем, что наше знание, которое мы, социологи, производим, касается некоторой действительности. Или как в другой статье Лумана мы видим не только то, что происходит, но и что за этим кроется. И здесь, наверное, для того, чтобы вглубь этого не уходить, и скорее, опять же, реферировать к некоторым вашим текстам, мы хорошо помним вот этот спор между, условно говоря, манчестерскими этнометодологами и теми, кого они называют «всеми остальными», «формальной социологией». Они говорят о вреде такого удвоения реальности и отстаивают идею плохого мира. Что нету никакого «что за этим кроется», нет никакой действительности. И всё было бы хорошо, мы могли бы сказать, что есть одна рамка, другая рамка. Вопрос: как с этим ведёт себя теория событий, которая в том числе, как минимум, инспирирована Луманом в тот момент, когда вы в теории событий тоже говорите, что задача — скользить по поверхности? Задача социолога, если он занимается изучением событий, скользить по поверхности. И этот тезис можно прочитать так, что не нужно идти в сторону этой действительности. В таком случае, что мы предполагаем под этим скольжением по поверхности и как с этим бьётся история с просвещением и тем, что социология, в конечном итоге, это наука действительности и за счёт этого она может занимать в каком-то ином идеальном мире просветительскую позицию?

А. Ф.: Да, ну здесь на самом деле очень много вопросов в одном. Я могу просто сказать, что, конечно, теория событий, как большая теория, к сожалению, не состоялась. Но какие-то элементы её сохранились, может быть будут даже дальше развиваться. Я бы этого очень хотел и при первой возможности сделаю. Тут так получается, что есть некоторые вещи, которые от нас не зависят. Мы думаем, что они от нас зависят: в частности, когда ты занимаешься теорией, очень важно самому себе не придавать слишком большого значения. Типа «если бы не было меня, то тут бы ничего не стояло». Это глубокое заблуждение. Наоборот, когда что-то, как кажется, получается, оно получается, потому что это одно из событий, или одно из высказываний в этом бесконечном ряду, в этой бесконечной теоретической жизни.

Что я имею в виду? Смотрите. Во-первых, просвещение — именно в части «а что за этим кроется?». Но как вы помните, Луман в самом последнем предложении говорит — «да ничего!». А что за этим кроется? Да ничего. Социологическое просвещение как раз в том и состоит, чтобы сказать: «да ничего за этим не кроется». Это на самом деле очень тонкий момент. Это вопрос, который... вряд ли они стали бы пожимать друг другу руки, но понятно, что в Англии от слова «Луман» половина острова уходит под воду, потом с большим трудом всплывает. Они его не понимают и никогда не поймут. Но в сущности, это люди одной эпохи, одного поколения и в каком-то смысле даже одних интуиций. Опять же, одних интуиций. И мы бы могли сказать так, что социология как просвещающая социология предлагает другой язык описания, который предполагает, что ты не внутри, ты не наивно им пользуешься, ты становишься снаружи и описываешь то, как другие это описывают. Но это не значит, что ты ищешь при этом обязательно причины того, почему они так это описывают. Может быть причина или даже комплекс причин, почему тот или иной человек совершил то или иное высказывание. Но когда мы берем несколько большее количество этих высказываний, когда они связаны между собой, мы понимаем, что у него не было шанса, он должен был говорить на определённого рода языке. Если мы, например, социологически исследуем условия производства этого языка, то мы тем самым не ставим его под сомнение, потому что на нём люди продолжают говорить. И здесь, если вы хотите, скажем, переключаться с манчестерцами, они бы сказали «но вы же ведёте себя тогда иронически, вы смотрите на них и посмеиваетесь». Кто посмеивается, кто нет. Ирвин Гофман, которого они именно за это и ненавидят, он смотрит со стороны с кривой усмешкой и говорит: «может быть так, а может быть иначе, а может быть ещё и вот так, но на самом деле, скорее всего, вот так». Он, им кажется циничским и ироническим социологом. Для них самих важно до такой степени усвоить себе этот язык, чтобы стать совершенно неотличимым — тогда непонятно, на каком языке

ты производишь описание своего же собственного языка. Для Лумана как раз наоборот: для него принципиальным моментом является то, что ты отошёл в сторону и занял позицию, которая тоже не может не обладать элементом уязвимости. Вот это слепое пятно, причем ты даже не знаешь, где оно находится, для него это было важно. Я не знаю, где это слепое пятно, я просто знаю, что оно есть. Это помогает мне избавиться от догматизма, но я смотрю на этот язык, на котором говорят эти люди, на эти действия, как на один из возможных, а не как на тот, в который нужно влюбиться как в свой объект и им дальше заниматься.

Теперь посмотрим на это с другой стороны. Например, мне сейчас приходит в голову та же самая мысль. Постоянно всюду, где ни появляюсь, я её анонсирую, но она всё никак не выйдет — я написал маленькую книжку, она называется «Восстание Левиафана». Она про Гоббса. Там написано, что это очерки о Гоббсе и социальной теории. То есть там есть о Гоббсовой проблеме, но и не только о ней, о самом Гоббсе тоже. Но в начале этой книжки, её даже совестно называть книжкой, потому что она совсем тощенькая, но вот в начале этой брошюры я как раз задаюсь этим вопросом. Ты внутри определенного социального мира, ты не можешь не говорить на его языке, но ты хочешь каким-то образом вырваться. Что дает тебе этот шанс? Вот в философии, когда этот вопрос был поставлен, Хельмут Плеснер (который впоследствии, заметим, очень большое влияние оказал на феноменологическую социологию, и был президентом немецкой социологической ассоциации после [Второй мировой] войны) отвечал на него философски. Он говорил, что это эксцентрическая позиция. Формулировку эксцентрической позиции вы можете найти у Плеснера, у Гелена, она встречается где-то у Гидденса. Это не какая-то в свою очередь эксцентрическая штука. Но я стал прикидывать, как я могу найти ресурс для эксцентрической позиции. Один из вариантов — это как раз перескочить из актуальных теоретиков, из актуальных классиков к классикам, может быть, менее актуальным. Почему Гоббс? А потому что он мне позволяет встать снаружи и посмотреть с позиции Гоббса сюда. Это эксцентрическая позиция. И он мне позволяет благодаря этому не то чтобы просвещать всех насчет того, кем они являются на самом деле, но насчет того, как это может быть изображено, даже если не забираться внутрь и в глубину. И последняя здесь точка в этой же части. Есть же ещё один философ, который говорит: «не забирайтесь в глубины, надо скользить по поверхности, есть же мир видимости». Это не кто иной, как Ханна Арендт. Она говорит: то, что мы застаем в межчеловеческом мире — это вот как раз не та беспредельная глубина, это область *doxa*, это область мнения, это область славы, это область *plurality*, значит, множества людей, которые скользят по поверхности друг друга. И то, что образуется благодаря речи и коммуникации, благодаря речи и свободному поли-

тическому действию — непредсказуемо. И этот мир явлений, мир видимости и есть подлинно человеческий мир. Другое дело, что с ним потом происходит. Поэтому мы можем оказаться в очень интересной компании, в очень интересных местах, продолжая следовать вот этой догме о том, что мы находимся на плоскости.

П. С.: Спасибо. Дорогие коллеги, у нас остается время, чтобы задать вопросы. Мне кажется, сейчас был хороший завершающий аккорд с точки зрения просвещения и с точки зрения того, как работает фундаментальная социология. Кто хочет, может задать Александру Фридриховичу вопросы.

Алексей Титков: Спасибо большое за диалог. Я бы хотел начать с самого первого сюжета, ради которого, я думаю, многие пришли. Первое — это исходный лозунг «в современной России теоретической социологии нет», и потом — грусть о том, что лозунг помнят, а статью 97-го года забыли, о ней не спорят. Давайте, чтобы грусти было меньше, я очень быстро поспорю с основным аргументом, как я его понял. Вроде бы по таким-то эмпирическим наблюдениям теоретической социологии нет. И это является проблемой, потому что, во-первых, как говорил Ханс Фрайер, социология — это самописание общества. Следовательно, отсутствие теоретической социологии — это социальная проблема, которую нужно в таком качестве обсуждать и в таком качестве решать. Вопрос следующий: если всё-таки каким-то чудом стать на позицию теоретической социологии, возможно, для теоретической социологии это проблемой вообще не является, поскольку это... То есть на вопрос «где находится теоретическая социология?» наверное самый очевидный ответ — в социологии. Внутри социологии это часть, которая, видимо, в наименьшей степени ориентирована как раз на самописание конкретного общества, в котором она находится. Социологов, которые одновременно были фундаментальными и при этом внесли вклад в самописание своего общества, наверное, не так много. Может быть, Пьер Бурдьё, уже покойный, последний звездный счастливчик такого плана. То есть в этом смысле нахождение теоретической социологии в конкретной стране, если переходить к уровню сверхфундаментальному политической теологии, это примерно такой вопрос, как семь светильников, семь церквей из книги Апокалипсиса находились в Турции. Вопрос, насколько их нахождение в нынешней Турецкой республике и тогда провинции Азии — это вопрос богословский. Если по крайней мере засомневаться над тем, что исходный вопрос теоретической социологии в России сам является теоретико-социологическим, тогда чей это вопрос, для кого это проблема?

А. Ф.: Я могу сказать, что это уже не проблема. В этом смысле вы правы. Один из главных аргументов состоял в том, что нет коммуни-

каций. А вот мы с вами это обсуждаем, получается, что коммуникации есть. Раз они есть, то происходит самоотрицание этого всего. Хотел бы я настаивать на этом тезисе сейчас? Наверное, нет. Вы только прикиньте, вот-вот наступит [20]26-й год, статья вышла в 97-м, то есть она была написана, скорее всего, в 96-м. 30 лет прошло. За это время, по существу, полностью сформировалось в стране социологическое образование, предполагающее в качестве обязательного компонента изучение классических текстов. Сформировался огромный корпус переводов, которые можно читать, можно не читать, но они есть. Причем в том числе и сложнейшей, и очень требовательной к переводчику и к будущему читателю литературы. Защищена куча диссертаций с претензией на теорию и так далее. Поэтому там проблемы-то в другом. Не в том, что теоретической социологии нет, а в том, что из неё в результате получилось, какой она стала, каким стало то, что стало, может ли это состояние нас удовлетворять или нет. Но это уже вопрос совсем другого плана. Поэтому я немножко и грущу, что люди вцепились в эту формулировку так, как будто некий пророк выступил, проклял всех, убежал после этого, а мы только вдогонку ему кричим, что он оказался лжепророком. Но это ведь не вполне адекватная положению дел ситуация.

Владимир Бродский: Александр Фридрихович, большое спасибо. Я хотел бы задать вопрос, который отчасти в диалоге уже звучал, но, возможно, он позволит развить некоторые тезисы. Если открыть страницу Центра фундаментальной социологии на вышкинском сайте, то в качестве обложки мы видим там фронтиспис Левиафана. Очень скоро у вас выходит книга о Левиафане, частью названия которой является словосочетание «социальная теория», синонимичное словосочетанию «теоретическая социология». Некоторые сотрудники Центра фундаментальной социологии бывшие и нынешние публикуют работы, в которых история социологии отсчитывается от постановки Гоббсовой проблемы, и речь идет здесь именно о Гоббсе, а не о Парсонсе. И некто, возможно, счёл бы всё вышеперечисленное экспликациями тезиса вашей статьи 2002 года, согласно которой (я близко к тексту цитирую): «проблемы политической философии переходят в теоретическую социологию». Не могли бы вы несколько слов сказать о моменте и особенностях этого перехода?

А. Ф.: Спасибо большое, Владимир Игоревич, но это не на лекцию — это на курс лекций, и то не уверен, что я его потяну. Смотрите, всё-таки как ни крути, кто был твоим учителем, тот продолжает в тебе жить, как вот какая-то матрица все годы. У меня было два учителя по существу. Это вот [Юрий Николаевич] Давыдов с одной стороны, а с другой стороны, как ни крути, всё-таки Луман. То есть я входил в социологию через мучительное, многолетнее изучение

Лумана, и всем худшим — насчёт лучшего не знаю — но всем худшим во мне я точно обязан ему. На самом деле, это довольно теоретическая штука, которую я сейчас скажу. Она, может быть, немножко так засушит нашу встречу, но с другой стороны, ради чего тогда вообще встречаться? У Лумана объяснение того, в какую эпоху мы живем и что у нас происходит, начиналась с того, что он вспоминал латинскую формулу. Кстати, эту формулу, есть у меня такое подозрение, он берёт именно у Гоббса, а не из более ранних латинских работ. “*Civitas sive societas civilis*”, то есть государство или гражданское общество. Начальная политико-философская констатация состоит в том, что мы имеем дело, когда мы занимаемся наукой — а Гоббс, заметим, говорил, что он создаёт гражданскую науку, *civil science*, какой раньше еще не было, и никто её не создавал — мы создаём науку о гражданском обществе. Что такое гражданское общество? Это общение граждан. А кто такие граждане? Те, кто составляют государственное тело. Государство — это то, что состоит из граждан. Никакого различия между государством и гражданским обществом нет, это одно и то же. Потом происходит разъединение. Гражданское общество оказывается — благодаря шотландским моралистам, благодаря Гегелю, и далее везде, мы знаем где — оно оказывается отделено от государства, то есть политическая система оказывается лишена своего примата, как Луман говорил. Примат не в смысле нашего слова «примат», а приоритета, первичности. И приоритет начинают отдавать гражданскому обществу, то есть экономике. Потому что это сфера экономики. И потом происходит третий сдвиг, когда оказывается, что ни у одной из систем нет приоритета, и что они все, в каком-то смысле, равноправны. И вот кажется, да, вот до этого места, это такое, знаете, догматическое изложение. Ну да, ну равноправно, ну что теперь? А что такое тогда общество? А общество — это все системы. А что значит все системы?

Вот смотрите, когда вы говорите о политической системе, у неё есть одна паскудная особенность, она имеет территориальные границы. Когда вы говорите, что у вас политическая система перестала иметь приоритет, перестала быть тем, что равно обществу, политическая система не равна обществу. Она просто одна из систем. Получается, что у вас отдельно есть политические системы в границах, и отдельно вот всё то огромное общество, в пределе оно называется *Weltgesellschaft*, то есть всемирное общество, которое, собственно, и является подлинным предметом социологии, потому что она изучает всё социальное, а всё социальное — это горизонт всех возможных коммуникаций. Это тоже формула Лумана.

Теперь давайте вернемся к социологии, как мы её знаем. Не считая вот этих вот последних десятилетий, когда социологов буквально пинками запикивали — ну, не считая, конечно энтузиастов, отвратительных, как все энтузиасты, чего бы энтузиастами они ни были —

но всех остальных социологов буквально пинками запихивали в концепт глобализации. То, что феномен глобальности существует, не только существовал, но и существует, может отрицать только безумец. Речь не об этом. Речь о том, что вот возьмите, скажем, как раз специально я недавно смотрел, 2017 год, второе издание оригинала, в 2018 в издательстве Вышки выходила книга Гидденса с каким-то там подельником про основные социологические понятия¹¹. И что они там пишут? Что невзирая на все достоинства государства, невзирая на всю его важность, все-таки ключевым понятием является глобализация. То есть надо брать её как основную парадигму. А почему я говорю, что социологов запихивали? Потому что возьмите любые наши исследования, за исключением специально заточенных под феномены глобального мира или что-нибудь в этом роде. Значит, что-нибудь такое вкусненькое, типа цифровизация или другой какой-то ерунды. Все остальное происходит внутри государственных границ. То есть где находятся все феномены, которые вы изучаете? Вы всегда имеете дело с тем, что происходит с так или иначе локализованной общностью. Она локализована внутри самых главных границ. Даже если это национальная, культурная, языковая, расовая (хотя это в меньшей степени важно) общность, она всё равно в качестве главного ориентира, с которым ей приходится считаться, с которым она соотнобразует все свои реакции, все свои процессы, она всё равно находится внутри политических границ.

И вот это фундаментальная несообразность, потому что с тем, что находится внутри политических границ, изначально фундаментально имеет дело именно политическая философия "*civitas sive societas civilis*". Социология говорит: «вы как хотите, я побежала». Но внезапно с удивлением мы обернулись вокруг, глобализации больше нет, а кругом одно сплошное государство, и кто знает, когда это изменится обратно в противоположную сторону. Поэтому вот эта основная парадигма... Да, есть опыты политической философии универсального, глобального мира международных отношений и всего остального. Понятно, мы не будем делать оговорок, все грамотные люди, все прекрасно понимают, о чем я говорю. Но вот эта фундаментальная парадигма государственной границы и внутри неё находящейся, как Парсонс называл, социетальной общности, она связывает настоящую социологию, если угодно, социологию будущего, которая возвращается к себе, потому что, на самом деле, ей не трудно, она никуда отсюда не уходила, с политической философией. Так, во всяком случае, я вижу на сегодняшний день.

¹¹ Речь идёт о книге: Гидденс, Э., Саттон, Ф. Основные понятия в социологии / Пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко; под науч. ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.

Вопрос из зала: Александр Фридрихович, большое спасибо вам за вашу лекцию. И вот вы в самом начале сказали то, что на данный момент в России отсутствует фундаментальная социология...

А. Ф.: Это не я сказал, это Степанцов сказал.

Вопрос из зала: ...да, понятно, но хотелось узнать, как обстоит дело за пределами России, там, в западных странах? Какая страна наиболее передовая в этом смысле?

А. Ф.: А, ну у меня есть, как это да... была в свое время такая книжка, Елизаветы Драбкиной, дочери одного знаменитого большевика, «Баллада о большевистском подполье». И там описывалась ситуация. В Смольном незадолго до революции приходит какой-то человек малограмотный и говорит, что там есть «оптимальный вероянт» и «пессимальный вероянт», да. Вот значит, у меня тоже есть «пессимальный» и «оптимальный» ответы на этот вопрос.

В принципе, мне долгое время казалось — может быть, это было как раз связано с тем, что я работал в Московской школе и несколько раз ездил в Англию — мне казалось, что лучшее место, где развивается социология, может быть, не в том виде, в котором я бы хотел её видеть, но во всяком случае в понятном для меня виде и людьми, с которыми я могу говорить на эти важные темы, это все-таки Англия. Может, если бы я ездил во Францию, я думал бы так. Америка для меня не представляла ни важности, ни интереса, невзирая на то, что это были еще, скажем, лучшие годы Тёрнера (я имею в виду Джонатана, потому что Тёрнеров их много, именно Джонатана Эйч Тёрнера), или там Джеффри Александера, который еще тогда был в силе и славе своей. Ну, вот почему-то мне казалось, лучшее место это всё-таки Англия.

Сейчас у меня такое ощущение, что где-то есть какие-то отдельные протуберанцы. То, значит, притащат в клюве парочку интересных немцев, их имена у всех на слуху, типа Роза или [Андреаса] Реквица, то, значит, поскольку я все-таки время от времени нахожусь в переписке с Дмитрием Юрьевичем Куракиным, которого упоминал в начале Павел Михайлович, и он рассказывал мне про культурсоциологию и что с ней происходит. Но он в большом воодушевлении, мне это кажется, честно говоря, просто вариантом неопарсонсианства, которое просто стыдится признаться, что оно парсонсианство. Но вроде бы там тоже какое-то движение происходит. И наоборот, из Англии я что-то ничего интересного в последнее время не вижу. Всё равно это выглядит как-то более-менее утешительно, потому что люди работают, люди получают образование, люди пытаются время от времени возвращаться к тем источникам, которые для меня важны. Даже вот просто как пример, в одной социальной сети, которая подстраивается под интересы читателя сама по себе, я в последнее

время стал встречать постоянно ссылки на книги на французском языке, которые показывают, что люди хотят заново переосмыслить и историю социологии, и теорию социологии. Насколько интересны эти книги, насколько они глубоки, не является ли это просто, знаете, как в каждой стране своя рутина, вот у них рутина такая, это не означает, что происходит прорыв. Я пока судить об этом не могу, но всё-таки мне просто приятно видеть заголовки. Я взял себе на карандаш, что надо как-то с этим разобраться — может, всё не так плохо.

Но это вот был «оптимальный вероянт». Что касается «пессимального», то он в радикальной формулировке примерно такой. Если не какого-то конкретного автора, не какую-то конкретную социологическую школу брать, а брать социологию — знаете, как иногда говорят, «социологию как проект». Потому что ведь вообще, одновременно возникало очень много наук об обществе. И социализм, между прочим, одновременно с которым возникала социология, и в одном лоне они возникали, социализм это был просто один из способов тоже научного мышления об обществе. И просто потом по ряду причин мы перестали серьезно прислушиваться, что имел в виду Энгельс, когда говорил о развитии социализма от утопии к науке. Наука — это социализм. Одни говорят, что наука — это социализм, другие говорят, что наука — это социология. Третьи, между прочим, говорят, что наука — это теория действия. Когда Парсонс приступал к своему монументальному труду «Структура социального действия», он был, если верить во всяком случае записям Мертона, глубоко невежествен в истории именно американской социологии. Но зато он хорошо знал, ну или сравнительно хорошо знал экономику и европейскую социологию. Но он не называл свою работу, что вот «я напишу работу о социологии». Обратите внимание, там у него Маршалл экономист, там Парето, там Дюркгейм и Вебер, которого тоже можно рассматривать как социолога, как экономиста и как кого угодно ещё. И это к чему? Он создавал теорию действия, а не социологию. Это уже потом стало считаться, что это социология. А почему он создавал её как теорию действия? Как один из вариантов. Потому что его в эту сторону подпихивал Хайек. Хайек тоже хотел создать теорию действия. Хайек создавал теорию действия. Мизес создавал теорию действия. Шюц, который бегал на семинары к Мизесу, создавал теорию действия. Потом как-то внезапно выяснилось, что теория действия и социология — это вроде бы одно и то же. А куда делись все остальные, которые создавали теорию действия? Они никуда не делись. И Хайек продолжал работать. Почему-то мы теперь его знаем только как экономиста. И Мизес продолжал работать, почему-то мы его огромный философский труд про человеческое действие тоже готовы рассматривать именно как экономический.

И это к чему? К тому, что социология — это одна из опций внутри вот этого бурлящего котла предложений, которые существуют в опре-

делённую эпоху. В одну эпоху среди влиятельнейших предложений мы видим социализм, в другую эпоху, и, кстати говоря, экономику в некоторых вариантах тоже, в другую эпоху мы в качестве влиятельнейшего предложения видим, скажем, теорию действия, вообще концепцию действия. А вот если мы сейчас посмотрим на то, что происходит в наши дни, у меня такое ощущение — оно может быть неправильным, я его хочу перепроверить, и прошу не рассматривать это как вердикт, но это, повторяю, мое пессимистическое утверждение — проект закрыт. Проект закрыт. Во время последнего, я помню, но это, правда, было уже довольно давно, визита, поездки в Англию, я говорил с одной коллегой, она говорит: «всюду кафедры социологии по университетам закрываются». А я говорю: «что же вместо нее?». Да вот открывается социальная география, к примеру. География есть, социологии нет.

В Билефельдском университете, который был создан одним из величайших социологов Германии, Хельмутом Шельски, и где работал Луман всю жизнь (я уже не говорю о том, что после его ухода это место занял полнейшее ничтожество). Деградация началась прямо на глазах, но социологическая теория хотя бы была. Сейчас всё. Там, если не ошибаюсь, нет позиции... вот этой верхней, С4. Меня, может быть, поправят, если кто-то слышит меня или услышит кто-то из тех, кто сейчас в Билефельде. Может быть, поправят. Насколько я знаю, там сейчас нет позиции сопоставимой с позицией ординариуса, то есть то, что называется у них С4, по общей социологии, по истории социологии. Они все занимаются вот этими самыми *middle range* и думают, что они могут проедать наследство великих ещё долгие-долгие годы. И так, повторяю, всюду. Социология не оправдала оказанного ей высокого доверия. Не оправдала не в том смысле, что она не может окучить какое-то количество проектиков или журнальчиков. А она не оправдала в высшем смысле. Она не оправдала как тот самый язык, которым общество готово было бы описывать себя, готово было бы говорить о самом себе с самим собой. Вот в этом высшем смысле — *The language, The sociology*. Если всё это не так, мы скоро увидим какого-нибудь великана социологии, который не то что будет плевать на мою могилу, а даже не будет в курсе, что она существует.

П. С.: Спасибо... Кто хочет продолжить позитивную ноту?

Вопрос из зала: Если развивать вашу мысль о смерти социологии, то как вы относитесь к наследию Иммануила Валлерстайна? Потому что он высказывал нечто подобное. Насколько, по-вашему, мир-системный анализ перспективен? Он может жить? Он может заменить социологию?

А. Ф.: Я сам не занимался мир-системным анализом, но я очень высоко ценю его некоторые результаты. Например, ещё когда мы

выпускали журнал, который сейчас почти никто не знает — там всего-то вышла пара номеров, он назывался «Вопросы социологии» — мы прямо в первом же номере, если не ошибаюсь, опубликовали перевод выступления Валлерстайна на конгрессе германоязычных социологов, по-моему, 1987 года, о развитии общества или развитии мировых систем¹². Там он впервые говорит о том, что возникают новые «гемайншафты», что это совершенно новый феномен, к появлению и возникновению которого социология совершенно не готова, что мы должны сменить парадигму. Вот эта парадигма общества, с которой оно работало до сих пор, — она абсолютно не работающая, и это говорит о его величайшей проницательности, когда он ставит под сомнение принятые исторические нарративы. Мы знаем, например, про Индию или про Французскую революцию. Возможно, что это спорные идеи, но они заставляют реально думать.

Когда он предлагает вот эту схему, согласно которой сначала возникает мир-система, а уже потом возникают вот такие государства, *core states* как носители, и именно в этой перспективе всё это надо рассматривать, независимо от того, насколько — я просто некомпетентен оценить каждый конкретный результат — я понимаю, что это работает. Я бы сказал, тут скорее проблема не в том, что это не работает, проблема в том, что это временами слишком хорошо работает, а когда какая-то объяснительная схема работает слишком хорошо, она у меня вызывает подозрения. Просто, понимаете, если ты готов собой заменить всю социологию — пойди и сделай это. Мир-системный анализ претендовал, но не смог. В этой части всё уже произошло, больше ничего не будет. Людей, сопоставимых с Валлерстайном... Я же знаю, что там целая группа, я журнал всё время конспектировал по мир-системному анализу, я серьезно к этому относился, но мне кажется, что всё, поезд ушёл, проехали, и остается только пользоваться теми ресурсами, которые они уже оставили. Ну, посмотрим, не знаю... Респект огромный.

[...]

Вопрос из зала: Александр Фридрихович, спасибо огромное за возможность так глубоко погрузиться с вашей помощью. Я хотела вернуться к теме смерти социологии, того, что вы сказали. Я хотела тоже этот вопрос задать, но он уже прозвучал, о том, что проект закрыт. И вот той интерпретации идеологии, которую вы процитировали Луманом. У меня возникли такие мысли сейчас по ходу ва-

¹² Уоллерстайн И. Общественное развитие или развитие мировой системы? // Вопросы социологии. №1. 1992. С. 77–88.

ших рассуждений, и хотела спросить ваше отношение к этой мысли. Не кажется ли вам, что смерть социологии, закрытие проекта связано с тем, что по существу вот та социология, которую мы знаем, теоретическая, классическая, относительно современная, явилась глобальным идеологическим проектом. И она действительно оправдывала, описывала то общество, которое на протяжении последних двух веков существовало, имело в своей основе какие-то целостные атрибуты. А сейчас это общество уходит, сейчас глобальная неопределенность, как говорят, меняется мировой порядок, и вот эта теоретическая или фундаментальная социология, которую мы знаем, она уже не способна оправдать, ни описать те изменения, которые происходят, и дать то видение будущего. У нее нет вот этого ресурса концептуального, теоретического, понятийного и так далее. И поэтому нам надо ждать какой-то другой социологии, как другой идеологии, которая уже будет, когда как-то, может быть, стабилизируется вот это новое очертание общества, которое сможет его адекватно описывать и оправдывать.

А. Ф.: Мне эта позиция близка. Есть такая точка зрения — я не помню, кто её первый высказал, но точно не я её придумал, я просто воспроизвожу и не могу сослаться, не могу понять на кого — что все великие социологи родились до 1944 года. Такие вот настоящие. Могут называть какие-то имена сейчас действующей профессуры, которые, повторяю, чувствуют себя превосходно и даже уверены, что создают какие-то новые взгляды. Но социологов вот такого уровня, к которому мы привыкли в XX веке, во второй половине XX века, даже в начале XXI, не случайно же их нет. Это же тоже не просто так, что кто-то умнее или кто-то глупее. «Было время, когда приходили гениальные люди, а потом пришло время, когда стали приходиться люди меньших способностей». Это, конечно, наверное, правда, но ведь дело же в чем? Что люди огромных способностей приходят туда, где они видят ресурсы, перспективу.

А так-то ведь многие, наверное, от меня это слышали, но я ещё раз могу это повторить, даже для тех, кто слышал. Главный советский социолог был Толкотт Парсонс. Весь тот ужас, с которым мы сталкиваемся, до сих пор, кстати, в учебниках обществоведения — это результат того, что советские социологи подсели на Парсонса и его школу. И в этом кошмарном виде он продолжает до сих пор определять представление о том, как устроено общество, людей так или иначе школы даже в наше время заканчивающих. При том, что самого Парсонса ни один здравомыслящий социолог сейчас на Западе читать не будет. Единственное место, где его читают всерьёз, это вот здесь у нас. И я, кстати, считаю, что это, в принципе, хорошо.

Но единственное, я не думаю, что сразу дело пойдёт к тому, что просто и на руинах возникнет нечто совершенно новое. Скорее будет

сначала ощущение «а можно вернуться». Раз возвращается государство, то почему бы не вернуться к той социологии, которая так себя уютно чувствовала внутри государственных национальных границ. А уже потом может прийти осознание того, что и государство вернулось совсем не так, это совсем не то государство вернулось, которое исчезало. А значит и потребности в социальной науке совсем другого толка.

И я повторяю, будет некий уровень социологических теорий и социологических исследований, которые не то, что ближайшие 10 лет, а может еще ближайшие 100 лет будут себя прекрасно чувствовать. И над ними все эти бури пройдут, как Азорские острова, они ничего этого не заметят. Если вы изучаете порядок организации медицинской помощи, у вас человек с налобным зеркалом в операционной стоит и смотрит, как работает анестезиолог. Какая вам разница, это в государственных границах или это в частном госпитале где-нибудь в глубинах Африки? Какая разница? Вы вообще не замечаете ничего этого, там нужно тысячу раз постараться, чтобы всё это проделать. Или если вы изучаете, например, взаимодействие воспитателей и воспитанников в детских домах, или изменение вкусовых предпочтений каких-то социальных групп. Вы на все это смотрите, о чем я сейчас говорю, и думаете: «господи, что он нам голову морочит? Что в нашей жизни меняется от того, что произойдет такая переконфигурация?». Для того, чтобы понять, насколько это на самом деле затрагивает также и их, нужен совершенно иной уровень рефлексии. Состоится ли, нет, я не знаю.

П. С.: Я здесь воспользуюсь правом модератора и продолжу эту историю про смерть проекта социологии. Первое, наверное, он связан с историей Московской школы. Первый раз я услышал о Московской школе в 2006–2007 году, тогда я ещё учился в Вышке. Я точно год не помню, но это был год, когда Шанин перестал быть ректором, и ректором стал Каспржак. И я помню как раз, это имеет контекстуальное отношение к тому, о чем мы говорим сейчас, потому что как минимум происходит в стенах Московской школы, где мы с вами говорим. Я подошел к вам тогда и спросил: «а вот Шанинка, стоит ли туда идти, и вроде как она умирает в 2007 году?» На что вы сказали, что Шанинка, она как феникс, она умирает каждый год, а после этого возрождается из пепла. То есть буквально так оно и происходило, каждый последующий год после 2007, как минимум, Шанинка умирала. А пока что мы здесь сидим.

Второй момент, про проект социологии. Конечно, было бы хорошо, если можно было бы так отшутиться про него так же, как про Шанинку. Но здесь, мне кажется, есть несколько вещей, которые реферируют к тому, что мы с вами до этого обсуждали. Про некоторую позицию наблюдателя, который имеет некоторое, может быть,

не абсолютное, но привилегированное право описывать действительность и говорить от лица действительности. И здесь, на самом деле, люди, которые занимаются не фундаментальной социологией, а вполне себе эмпирическими, скажем так, исследованиями, будь то в госпитале, будь то где ещё, могут чувствовать шаткое положение проекта социологии. Потому что появляются в последнее время, я думаю, многие из вас, кто занимался какими-то эмпирическими исследованиями, ну и в целом сталкивался с этой областью, видели ряд мод, которые появлялись. Как будто вот это привилегированное место, оно прошло. Эти моды мы хорошо знаем. Например, мода на большие данные — это была мода, она сейчас проходит. Люди, которые всерьёз занимаются не исследованиями, а управлением, и у них есть запрос на наблюдение в конечном итоге общества, они уже понимают в последние несколько лет, что большие данные — это некоторые моды, это ничто. Другая мода была... Помните, в 2008 году выходил вот этот номер как раз манчестерских этнометодологов против когнитивизма. Была мода на когнитивизм, как некоторое привилегированное описание и так далее.

То есть в любом случае даже первое это отнесение к тому, что да, вот шаткое положение — не знаю смерть, не смерть — но шаткое положение проекта социологии могут почувствовать и люди, которые с зеркалом изучают госпиталь в Африке. Потому что им могут задать простой вопрос — а почему вы? А почему мы не можем взять, например, поставить камеру, в которую вшит искусственный интеллект, она всё расскажет? Или почему мы не должны позвать экономиста, когнитивиста, кого угодно. Почему вы с вашим аппаратом должны приходить? Так что здесь есть шаткое положение уже не на уровне фундаментальных описаний. А вопрос скорее относился к тому... Вопрос интересный. Он связан с тем, как вам кажется, кто и за счёт чего сейчас может занять вот эту некоторую привилегированную позицию, пусть и не уникальную, не единственную, но привилегированную позицию говорить от лица действительности. То есть, по сути, просвещать.

А. Ф.: Я наоборот всегда пишу, и это просто очередной повод сказать, что я категорический противник привилегированных описаний. Социолог не является привилегированным наблюдателем. И он является «одним из». Но тогда возникает вопрос: если их так много, то почему все-таки ты? В каком смысле мы возвращаемся к тому, что я говорил, потому что за мной 200 лет величайших умов, способности давать людям ответы, за которые они цепляются и которые используют так или иначе. Но помимо этого я мог бы сказать...

Знаете, вместо того, чтобы давать ответ в общей форме, я вам приведу конкретный пример. Вот все вы знаете историю вокруг Макса Вебера и тезиса «Протестантской этики и духа капитализма». Что якобы благодаря протестантской этике появился капитализм.

Ну, или, по крайней мере, [без неё] как одного из важнейших факторов, капитализма бы не было. Еще не успели чернила высохнуть, как на Вебера все кинулись — это был 1905 год, значит, уже 100–120 лет, как бушуют все. То, что он ошибался, буквально в каждой строчке доказано 1500 раз. И что происходит? Ничего не происходит. И вот совсем недавно опять была история. Может ничего смешного нет, но я считаю это анекдотом по существу. Наш вышкинский профессор, экономист знаменитый, [Ростислав Исаакович] Капельюшников, написал огромный текст под названием «Гипноз Макса Вебера», где наконец разоблачил его полностью от начала до конца. Мне коллеги, я помню, тогда звонили: «Ты знаешь? Ты слышал?». Произошло именно то, чего, скорее всего, он опасался, и что не могло не произойти. Я думаю, что в этом зале, может быть, несколько человек знают имя Капельюшникова, значит, из знающих это имя, ещё половина примерно читала этот текст. А если пройдет ещё лет 10, то с Вебером ничего не случится. С тезисом Вебера ничего не случится. Просто вы можете быть уверены, меня не будет, но спросите друг друга. «А ты помнишь, был такой вот случай, мы вспоминали про Макса Вебера?». Ну, никаких шансов нет это преодолеть. Для нас Вебер и его тезис вечны. Нет никаких шансов полностью забыть про классификацию самоубийств Дюркгейма. Не будет этого никогда. Будут ещё сто лет люди использовать понятие социальной роли, хотя это гадость, в общем, мы знаем, насколько с этим всё плохо. Въелось уже, лучше бы не въедалось, но уже всё. Въелось слово «фрейм», и все будут рассказывать друг другу про фреймы. И вот это, собственно говоря: а почему социолог? А что тебе дает право? Пожалуйста, а вы найдите другую такую дисциплину, которая бы создала, сохранила и оставила бы в пространстве операционного распоряжения, реального, нормально-го, повседневного применения такое количество концептов. Можете? Ну, работайте с ней, какие проблемы? Тут претендентов много, но это один из них.

П. С.: Спасибо. Ну что, коллеги, я предлагаю постепенно завершать. Спасибо большое, Александр Фридрихович, что пришли.

А. Ф.: Спасибо всем, кто пришёл. Я не ожидал такого присутствия значительного. И отдельное спасибо коллегам, которые меня знают не первый год, и тем не менее нашли время, чтобы прийти. Я это очень ценю. Надеюсь, будет когда-нибудь еще шанс, и вы скажете мне тогда: «А вы помните, что 10 лет назад вы говорили то-то и то-то?». И я вам честно скажу — «не помню».

A. Filippov

Fundamental sociology as a research project

Public talk with Pavel Stepantsov

Alexander Filippov — Doctor of Sociological Sciences, professor of the Faculty of Humanities at the National Research University Higher School of Economics, Head of the Laboratory at the Center for Fundamental Sociology at the National Research University Higher School of Economics. **Address:** Moscow, Myasnitskaya St., 11. **E-mail:** afilippov@hse.ru.

Annotation: This material is a transcript of a public talk held at the Moscow School of Social and Economic Sciences (Shaninka). The discussion focuses on evaluating the outcomes and prospects of the research project on fundamental sociology. Moderated by Pavel Stepantsov, the conversation covers a wide range of topics: from defining fundamental sociology and distinguishing it from applied research, to critically revisiting the thesis that «there is no theoretical sociology in Russia». Special attention is given to the contemporary crisis of the sociological project, competition with other disciplines, the return of the state, and imperial issues. The discussion also touches on sociological enlightenment, the observer's position, and the future of social science in an era of global uncertainty. The meeting is reflexive in nature, serving as an interim report on the development of theoretical sociology in Russia over the past three decades.

Key words: Theories of the middle range, self-thematization, world society (Weltgesellschaft), political theology, eccentric position, sociological enlightenment.

For citation: Filippov, A. (2026) Fundamental sociology as a research project. Public talk with Pavel Stepantsov. *Russia's Directions*. Vol. 4. No. 3. P. 135–167.

А. А. Шобырев

Прагматические режимы *sense-building*'а социологов. Опыты экзистенциальной социологии

Артём Алексеевич Шобырев — студент 3 курса бакалавриата департамента социологии Школы социальных наук НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. **Адрес:** Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16. **Электронная почта:** aashobyrev@edu.hse.ru. **ORCID:** 0009-0005-7206-3224.

Аннотация: Социология как наука постоянно требует различного рода оправданий. С оправданиями сталкиваются и сами социологи. Автор статьи связывает оправдания с поиском экзистенциального смысла своей деятельности самими учёными. Однако социология не смогла выработать языка для анализа экзистенциального смысла. Цель статьи предложить пути развития такого языка и показать его возможности. В статье приводится анализ развития концепции смысла у Вебера, Шюца и Гоффмана. Затем анализируется дискуссия о *sense-building*'е в российской социологии. После чего предлагается обратиться к ресурсам прагматической социологии для решения возникающих теоретических проблем, в частности концепции режимов вовлеченности и градусов оправдания. *Sense-building* понимается как способ атрибуции смысла через квалификацию определённых единиц и их упорядочение в соответствии с ценностями актора и института. Анализируются ситуации кризисов смысла в связке в теории *sense-building*'а. Приводится анализ некоторых эмпирических примеров. В итоге, автор предлагает теоретическую рамку *sense-building*'а в режимах вовлечённости, основанную на прагматической социологии.

Ключевые слова: прагматическая социология, социология социологии, *sense-building*, режимы оправдания

Для цитирования: Шобырев, А.А. Прагматические режимы *sense-building*'а социологов. Опыты экзистенциальной социологии // Пути России. 2026. Т. 4. № 3. С. 168–201.

Введение

Мы, как социологи, постоянно оправдываемся. Сначала, когда только учимся: «почему ты выбрал социологию, можно же было стать экономистом или юристом хотя бы?», потом на защите диплома: «почему вы выбрали именно эти методы? а почему вообще ваша тема актуальна?», а те, кому повезёт защититься, оправдываются перед заказчиками и грантодателями, отвечая на вопрос: «почему мы должны дать вам деньги на исследование?». Все эти вопросы можно назвать в той или иной степени экзистенциальными, потому что они касаются наших выборов, нашего существования как учёных, а в некоторых случаях и существования физического. В таком случае можно сказать, что оправдание — это защита права на существование (existence) того или иного положения дел. Если говорить более радикально, то оправдание — это наделение существования чего-либо смыслом, наличие которого и выступает защитником, поскольку необходимость существования чего-то бессмысленного защитить крайне сложно.

Проблема смысла оказывается центральной для многих социологов. Их интересуют смыслы внешние по отношению к самой дисциплине. Однако особенно остро экзистенциальная проблема стоит для социологии, которой постоянно приходится отстаивать своё право на существование и независимость от других дисциплин¹. В этой ситуации с одной стороны мы можем обратить внимание на такое противоречие: социологов интересуют смыслы других людей, их интересуют основания своей собственной дисциплины, но при этом мы найдём очень мало исследований того, какие смыслы придают своей деятельности сами социологи. Возможно, всё дело в том, что язык разговора на эту тему в социологии так и не был создан. Экзистенциальный «поворот» мировой философии остался незамеченным для социологического мейнстрима. Эта статья ставит своей целью выработать концептуальную рамку для исследования экзистенциальных смыслов не только социологов, но и других учёных. Сначала мы рассмотрим понятие смысла в социологии, затем перейдём к тому, как сами социологи в России разрабатывали этот вопрос, в конце мы создадим концептуальную рамку для анализа социальных смыслов и продемонстрируем её работу на нескольких эмпирических случаях.

¹ Как однажды написал Андрей Корбут: «в социологии — что ни текст, так вопрос о существовании социологии» [Корбут, 2009] <https://cfs.hse.ru/news/137901478.html>

Теории смысла

Смысл и ценности

Если не самым первым, то одним из значимых ранних оправданий смысла науки в целом и социологии в частности является текст лекции Макса Вебера «Наука как призвание и профессия» [Вебер, 1990]. Он прочитал её в 1918 году перед немецкими студентами, многие из которых жаждали изменить Германию, совершить социальные изменения и считали, что социальные науки нужны именно для этого. Вебер имеет свой собственный взгляд на науку, противоречащий взглядам части людей в аудитории, а значит задача Вебера не только теоретическая, но и оправдательная. Вебер ставит фундаментальный вопрос «зачем нужна наука?», ведь по его мнению она не может прямо и по-утилитаристски улучшать жизнь, не может она и возвеличивать Бога или отвечать на вопрос «как жить?». Но помимо вопроса, он даёт свой собственный ответ, анализа которого мы коснёмся здесь лишь отчасти, ведь он заслуживает отдельной философской работы. Таким образом эту лекцию можно считать одним из ярких примеров sense-building в социальных науках.

Ответ на вопрос о смысле науки для Вебера неразрывно связан с вопросом о смысле действия. Так, согласно нему мы называем действием такое поведение, с которым действующий связывает субъективно полагаемый смысл [Вебер, 2016]. При этом, возникновение смысла действия неразрывно связано с процедурой «отнесения к ценности», которую Вебер заимствует у неокантианского философа Генриха Риккерта, то есть процессом оценивания с какой ценностью соотносится то или иное действие или предмет. В контексте действия это означает, что действие имеет смысл только если связано с определённым ценностным регионом. При этом, в отличие от Риккерта, для которого ценности были универсальными и поддающимися систематизации, для Вебера ценности являются исторически обусловленными и находятся в постоянной «войне богов» или в состоянии «политеизма» [Пресняков, 2021]. Исходя из этого, присягая на верность одному богу, мы с неизбежностью оскверняем других богов. Для нашего исследования важно то, что в своей лекции Вебер проводит чёткую апологию и обоснование ценностей научного познания. Вебер мыслит смысл науки как деятельности, способной дать ясность, «расколдовать» мир, освободить его от предрассудков. Социальные же науки могут, помимо всего прочего, помочь индивиду дать отчёт в конечном смысле своей собственной деятельности. Обратим внимание на предельно экзистенциальную постановку вопроса. Речь идёт не просто о смысле единичного действия, но о смысле деятельности в целом, а учитывая, что речь идёт о призвании, то и смысле жизни.

Мы можем указать на то, что в своей речи Вебер обращается к трём составляющим научной деятельности: аффективной — страсть (вдохновение); рутинной — кропотливый и целенаправленный труд, методология; и ценностной — призвание и профессия, ценность истины. Это позволяет нам говорить о том, что учёный по Веберу — это человек, для которого истина есть главная ценность, он вдохновенно и со страстью погружен в свою работу и целенаправленно идёт к своей цели. Наличие этих трёх составляющих и будет определять науку как призвание и профессию (нем. *Beruf*).

Понятие *Beruf* Вебер развивает в двух других связанных между собой концептуально работах: знаменитой книге «Протестантская этика и дух капитализма» [Вебер, 1990] и в небольшой статье «Протестантские секты и дух капитализма» [Ibid.]. Он описывает его на основании текстов протестантских теологов, обосновывающих важность мирского труда ради спасения в загробной жизни — если упрощать, то всё сводится к тому, что у каждого есть своё призвание от Бога, которое нужно найти и исполнить. Это призвание выражается в каком-то виде мирского труда — профессии, именно поэтому слово *Beruf* сводит оба смысла воедино. Вебер секуляризует это понятие, говоря о науке и политике как призвании и профессии. Занимаясь наукой вы служите не Богу, но богу Науки, у которого свои ценности, попирая чужих богов. В этом смысле выбирая служить одному, вы не можете служить другому. Соответственно, мы можем выделить два аналитических уровня у Вебера: ценность — то чему служат, и этос — набор добродетелей, моральных правил поведения, служащих одной высшей ценности. Например, если ценность — истина, мы должны строго следить за объективностью своих выводов, не навязывать своего мнения студентам в аудиториях и не выносить оценочных суждений.

Проблема данного теоретического аппарата в том, что, во-первых, он предполагает, что учёный будет отдавать себе отчёт в том, что учёный действительно отдаёт себе отчёт в конечном смысле своей деятельности, а сама работа учёного устроена как *Beruf*, то есть имеет сильный эмоциональный и ценностный заряд, а во-вторых, в теории Вебера нет места изменчивости: деятельность неизменна и стабильна во времени, из-за чего мы просто будем вынуждены часть работы учёного признать не связанной с наукой — написание отчётов, подача на гранты, а также нелюбимое Вебером стремление к социальным и политическим изменениям окажутся за бортом нашего анализа. Такой веберовский тревожащийся о спасении индивид, рефлексирующий своё собственное отнесение к ценности в деятельности, редко встречается в обычной жизни. Именно эту критику отсутствия повседневности в дальнейшем будут развивать другие социологи, в частности Шюц. Однако Вебер нам важен тем, что позволяет задаться вопросом о смысле деятельности в его экзистенциальном измерении с социологической точки зрения, а также нам в дальнейшем могут пригодиться

его интуиции о содержании профессии и уровнях анализа. Подобная концептуализация оказывается недостаточной для подробного анализа, она слишком не нюансна, но она задаёт общее направление размышлений.

Смысл у Шюца

Альфред Шюц развивает подход Вебера к смыслу действия, существенно его изменяя. Для него ценности перестают играть смыслогенерирующую роль, а могут выступать лишь как символы или общий культурный фон, наделяющий действия смыслом в рамках рефлексии. «Политеизм» ценностей Вебера у Шюца заменяется «плюривёрсумом», разнообразными мирами, являющимися «конечными областями смысла» [Шюц, 2008]. Провинция значений, субуниверсум, конечная область смысла или просто мир — термин, который Шюц использует для характеристики определённой «установки сознания», в которой отдельные вещи приобретают статус реальных, а другие перестают считаться таковыми [Шюц, 2008]. Саму идею Шюц заимствует у философа У. Джеймса, которого интересовал вопрос, при каких обстоятельствах человек считает реальным что-либо. Шюц описывает несколько конечных областей смысла: мир безумия, фантазии, сна, научной теории, религиозного переживания, искусства, игры. Отдельно Шюц выделяет мир повседневности, для него это верховная реальность, поскольку только в этом мире возможна коммуникация людей, а также именно в этом мире существуют вещи и тело человека [Ibid., с. 78]. Эти миры являются замкнутыми, то есть смысл операций, производимых в этом мире может быть понят только из этого мира и не может быть перенесён в другие миры.

Категория смысла сама по себе у Шюца носит двойственный характер. С одной стороны, смысл возникает интерсубъективно при интерпретации повседневного взаимодействия в рефлексивной установке, при этом схемы интерпретации (или референции) оказываются результатом социализации и научения, а доступным смысл становится только в актах коммуникации с Другим². С другой стороны, смысл находится в определённых конечных областях смысла. Так, например у Шюца мир научной теории, в который человек погру-

² Поскольку даже при физическом отсутствии Другого, в рефлексивной установке схемы референции являются результатом переживаний и действий третьих лиц, смысл всё равно оказывается не субъективно, а интерсубъективно полагаемым, как пишет Ерофеева: «отношение между смыслом и субъектом приобретает вышеназванную трехчастную структуру Ego-смысл-Alter, где смысл оказывается как бы между Я и Другим» [Ерофеева, 2015, с. 24].

жается в процессе написания статьи, оказывается самозамкнутым и осмысленным изнутри, поскольку действия, предпринимаемые в повседневном мире (записи в блокноте, печатание на пишущей машинке), могут быть осмыслены только из мира научной теории. Другим ярким примером такой провинции смысла оказывается мир безумия, проиллюстрированный Шюцем на примере Дон Кихота [Шюц, 2008, с. 86–87]. Действия незадачливого рыцаря в борьбе с мельницами в «мире рабочих операций» (т. е. мире повседневности) могут быть поняты только в границах конечной области смысла — мира безумия.

Возникает ситуация, в которой для осмысления всех действий в неповседневных мирах, требуется возвращаться в повседневный и производить рефлексию, иначе опыт полученный, например, в мире научной теории останется не осмысленным. Однако, в том случае, если мир Смысла в рефлексии является отдельной областью смысла, он не может производить смысл, поскольку в конечных областях смысла нет коммуникации. На это противоречие обращает внимание М. Ерофеева в своей диссертации: «Итак, Шюц постулирует осмысленность конечных областей смысла, но тут же отказывает им в этом, потому что смысл может быть актуализирован только в повседневности» [Ерофеева, 2015, с. 30]. Выход из данного противоречия представляется весьма затруднительным. Мы должны либо отказать миру Смысла в рефлексии в особом статусе, но в таком случае проблема производства смысла в конечных областях смысла все ещё останется нерешённой — все миры должны будут осмысляться через повседневность, лишая тем самым миры статуса «конечных» областей. Либо следует лишить повседневность статуса верховной реальности и разрешить трансформации смысла между мирами.

Получается, концепция смысла у Шюца содержит в себе противоречия и требует серьёзных теоретических усилий для их преодоления. Одним из тех, кто разрешает шюцевскую проблему смысла становится Ирвинг Гофман. Понимание различий между их подходами поможет нам лучше понять как всё-таки связаны смысл и повседневность.

Смысл у Гофмана

Для Гофмана идея Джемса-Шюца о многообразии миров кажется «весьма сомнительной» [Гофман, 2003, с. 66]. Он полагает, что ощущение «реальности» происходящего исходит не из особого «когнитивного стиля» или «эпохи», а из того, как действующие лица распознают ситуацию, отвечая на вопрос «что здесь происходит?». Делают они это с помощью фрейма — схемы интерпретации ситуации, заданной её контекстом. Сами фреймы организуются в «системы фреймов» (frameworks), более

общие контексты для интерпретации частных ситуаций. В данном случае их можно сопоставить с мирами Джемса. Так, например, ситуация богослужения может быть интерпретирована в повседневном фреймворке, а может — в религиозном. Однако, в отличие от миров, фреймы не замкнуты, а находятся в постоянном процессе переопределения (рефрейминга), фабрикации — конструирования заведомо ложной ситуации (обмана), наслоения (*layering*) друг на друга, и «транспонирования» (*keying*) — ситуации при наслоении, в которой происходит трансформация деятельности, уже осмысленной в другом фрейме. Примером рефрейминга может служить ситуация разоблачения розыгрыша, примером же транспонирования — сам розыгрыш, как транспонированная реальность (другим примером может быть репетиция выступления, как транспонированный концерт).

Таким образом для Гофмана смысл ситуации находится в самой ситуации, и производится её фреймированием. Смысл оказывается контекстуальным — измените фрейм и вы сможете изменить смысл того или иного события или действия. Как пишет Ерофеева [2015] у Гофмана происходит смещение со смысла отдельного действия на смысл целого события, однако действия всё же не лишаются своего смысла, а приобретают его в контексте ситуации. При этом Гофман как бы оставляет за скобками своего анализа вопрос о ценностях и их связи со смыслом.

Так где же производится смысл?

Каким же образом в теории Гофмана работает рефлексия? Если для Шюца рефлексивная ретроспективная установка играет решающее значение, поскольку именно в ней происходит осмысление, Гофман по сути имплементирует рефлексивный вопрос «что здесь происходит?» в саму ситуацию, при этом неважно, даётся ответ на этот вопрос осознанно или нет — смысл ситуации будет распознан в любом случае. Если же происходящее не поддаётся осмыслению, потребуется более серьёзная интерпретативная работа, на более осознанном уровне. Рефлексия по поводу своего собственного положения в ситуации является по-своему фреймированной деятельностью: можно прочитать лекцию о лекции, можно отрефлексировать то, как ты читаешь лекцию о лекции, но нельзя читать лекцию о лекции и рефлексировать о том, как ты читаешь лекцию о лекции одновременно. Таким образом обычная рефлексия ограничена сферой повседневного взаимодействия *in situ*.

Но что делать с экзистенциальным ретроспективным пониманием смысла? Гофман пишет о том, что определённая последовательность событий (реальных или фиктивных) может быть произ-

вольно выделена в «отрезок» (strip), заключённый в скобки (brackets). При этом он использует метафору масштаба: «нет никаких теоретических аргументов относительно того, с какого расстояния и каким планом надо снимать ту или иную сцену» [Гофман, 2003, с. 68]. Таким образом мы можем брать любые отрезки произошедших событий и интерпретировать их по-разному. Наконец, по поводу ретроспективности Гофман пишет: «ретроспективная характеристика «того же самого» события или социальной ситуации может очень сильно варьировать» [Ibid., с. 70]. Таким образом в языке Гофмана мы можем осуществлять и рефлексия и ретроспективное осмысление прошедших событий. Смысл повседневный и смысл ретроспективный теперь находятся на одном уровне, смысл ситуации может меняться от взгляда и вновь открывшихся обстоятельств, но этот тот же самый смысл. Ощущение «причастности» к большому нарративу не определяется отсылкой к миру Смысла, а задаётся фреймом, в котором интерпретируется отрезок деятельности человека вплоть до сегодняшнего момента. Если деятельность, в которую он повседневно вовлечён, вписывается в этот нарратив, не выпадает из этой системы фреймов — её смысл сохраняется.

Проблема анализа фреймов в том, что сосредотачиваясь на форме, он игнорирует ценностное содержание схем интерпретации ситуаций. Его язык позволяет нам понять, почему люди ведут себя по-разному в тех или иных ситуациях (например, фрейм оправдания), но ему нечего сказать о содержании того, о чём спорят люди. Смысл оказывается окончательно отделён от ценностей. При этом, он помещает его в повседневную жизнь, выглядит прогрессом, по сравнению с игнорирующим повседневность Вебером.

Мы рассмотрели только некоторые возможные теоретические рамки, тем не менее, ни один из рассмотренных подходов не позволяет соединить экзистенциальное и ценностное измерение смысла с его повседневным производством.

Концепция sense-building'a

Одиннадцать лет назад на страницах журнала «Социология власти» обсуждалась статья Михаила Соколова «Социология как чудо» [Соколов, 2015a; Хархордин, 2015; Вахштайн*, 2015; Соколов, 2015b]. Основной темой статьи был вопрос: «как социология всё ещё остаётся целостной дисциплиной, несмотря на всевозможные препятствия?»,

* Внесён Минюстом РФ с список иностранных агентов.

например, почему она выбрала модель физики, а не журналистики или любой другой дисциплины.

Ответом стала модель исторического развития социологии, которая описывает её путь как вечную попытку избежать самообмана и иметь уверенность в том, что работа социологов научна, поскольку именно эта уверенность и придаёт смысл деятельности учёных. Другими словами, согласно этой теории социологи постоянно утверждают себя в качестве учёных, определяют в чём смысл их деятельности и находятся в страхе, что в какой-то момент окажется, что всё это время они находились в плену иллюзий, что социология — это наука. Соответственно, для того, чтобы в этом убеждаться, у социологов есть две стратегии: либо копировать внешние признаки тех дисциплин, научность которых, с их точки зрения, не вызывает сомнений, например у физики — ритуализм, либо опираться на чувственную составляющую научного процесса, связанную с чудом открытия нового — экстазм.

Для того чтобы аргументировать такую позицию, в статье вводятся несколько новых понятий: *sense-building*, автофабрикация и аргументативная игра. *Sense-building*’ом называется активный процесс создания Смысла в его экзистенциальном значении, то есть создание ощущения, что «всё не зря» и что всё, что делается «имеет смысл». Для того, чтобы лучше прояснить концепцию «смысла» Соколов обращается к Шюцу и его концепции ретроспективно-полагаемого смысла. О тонкостях и проблемах такого решения мы поговорим ниже.

Автофабрикация понимается как такое состояние, в котором люди коллективно поддерживают веру в то, что на самом деле не происходит, при этом зная, что это не происходит. В качестве примера можно привести разнообразные секты, члены которых уверены в скором спасении и в чудесных способностях своего лидера, несмотря на то, что ни спасения, ни чудес обычно не происходит. Здесь стоит сказать, что это понятие дополняет гофмановское понятие «фабрикации», используемое во фрейм-анализе [Гофман, 2003], означающее намеренное фальсифицированную ситуацию.

И, наконец, аргументативная игра — это заранее известный набор ходов, которые совершают участники дискуссии для поддержания уверенности друг друга в том, что они находятся в не-сфабрикованной реальности и их действия имеют смысл.

Именно из-за страха автофабрикации социология сделала выбор в пользу «жанра» статьи с использованием линейной регрессии, а не, например, факторного анализа, поскольку регрессия позволяет «правильно по-научному» организовать текст и испытывать энтузиазм при обсуждении результатов. Такая статья выглядит гораздо более научной, поскольку написана в терминах причины и следствия, и располагает к обсуждению факторов влияния. То же самое касается причин, по которым социологи не принимали некоторые вполне

логичные решения, если исходить из их желания создать видимость науки «для других». Социология не пошла по пути, связанному с развитием статистического анализа общественного мнения и не забыла своих классиков (как завещал Мёртон), или не ушла в сторону преимущественно описательной, а не объяснительной статистики. Всё потому, что все эти решения несут в себе меньше смыслогенерирующего потенциала. Одни — в связи с потерей идеальной научной «формы», которую следует повторять, а другие — из-за утраты чувственного наполнения, связанного с решением теоретических задач. В итоге, социологи исходили из желания создать видимость науки в первую очередь для себя, а вернее были мотивированы страхом, что эта видимость для них пропадёт.

В результате есть проблема — социология слабо похожа на «нормальную» науку, она не забыла своих классиков, у неё нет какого-то чёткого «мейнстрима», а самое главное, вместо того, чтобы производить факты, социологи скорее вносят неоднозначность в их интерпретацию [Соколов, 2015а, с. 25]. Здесь и наступает экзистенциальный кризис и подозрения в самообмане.

Убедиться в том, что ты делаешь что-то правильно, можно двумя способами: обратиться к последствиям действий или к тому как что-то делается. Это различие исходит из институциональной теории организаций [Meyer & Rowan, 1977]. Как мы уже выяснили, судить социологию по её последствиям, то есть по открытым законам и фактам, получается с трудом, соответственно остаётся полагаться на правила действия. Отсюда и появляется сравнение социологии с религией (как ещё одной машины *sense-building'a*) и применение веберовского различия на мистиков-экстатиков и аскетов-ритуалистов [Вебер, 1994]: одни опираются в своём спасении на чувства, другие — на правилосообразные действия. Для одних важно чувство открытия, возникающее, когда найден изящный теоретический ход, в рамках социологии понятой как особый язык, позволяющий социологии говорить, например о материальных объектах, такой подход называют перспективистским. Для других важны правильно подсчитанные регрессионные модели, репрезентативные выборки и чистые данные (сторонников такого подхода мы можем назвать позитивистами).

В ответных статьях разрабатываются несколько теоретических сюжетов развития и даются важные критические замечания. В частности, предлагается рассмотреть параллели между концепцией *sense-building'a* и градами оправданий Болтански и Тевено [Хархордин, 2015; Болтански & Тевено, 2013]. Михаил Соколов отмечает, что в мире Смысла есть свои представительства у градов Вдохновения и Славы, но рыночного, пожалуй, нет [Соколов, 2015b, с. 88]. Эту интересную параллель и развивает данная статья. С другой стороны, отмечается, что в такой концепции социолог оказывается как бы «заброшен» в ситуацию, где ему нужно пытаться оправдать себя в качестве учёного

и объяснить другим, почему социология — наука, то есть у него не возникает сомнений в том, что он социолог, а лишь в том, учёный ли он? Получается такая схема: человек уже чувствует себя социологом, он должен действовать определённым образом, чтобы в итоге получить смысл, который является итогом всех действий. Однако, если мы вдруг предположим, что ни у кого нет сильной социологической идентичности, например, из-за постоянной административной или публичной работы, которая мешает вести научную деятельность, схема рассыпется. В этой же дискуссии предлагалось вернуться к веберовскому пониманию смысла, как переспективистскому, то есть полагаемому до действия, а не ретроспективно полагаемому после него. В ответ, говорилось о том, что эти пункты взаимозависимы, мы не можем ответить на вопрос «социолог ли я?», не ответив на вопрос «наука ли социология?» [Соколов, 2015b].

Несмотря на бурную дискуссию, к сожалению, данная концептуальная рамка не была применена к кому-то кроме социологов (одно из приятных исключений — статья Алим Бисеновой, в которой данная логика о научном «чуде» применена к антропологам [Бисенова, 2021]). На мой взгляд проблема кроется в том, что данная теория чрезмерно концентрируется на ретроспективности смысла и отсылает к шюцевскому ретроспективному решению, что затрудняет доступ к исследованию субъективных смыслов. Другой проблемой становятся внутренние противоречия, связанные с разным пониманием смысла у Гоффмана и Шюца, идеи которых используются в теоретической рамке *sense-building*'а. Теория фреймов замечательно описывает трансформации смысла событий, его конструирование и наложение. Однако она не работает с более крупными структурами, оставляя их как бы за скобками. Это сознательное решение Гоффмана: он пишет, что его интересует структура опыта, а не общество, которое изучается и без всяких фреймов. А значит за рамками теории фреймов остаются вопросы социальной структуры, ценностей, иерархий и т.д. Поскольку теоретический язык теории фреймов не даёт нам возможности увидеть экзистенциальную плоскость, а язык Шюца слишком противоречив, нам нужен другой язык.

Прагматическая теория смысла и возвращение ценностей

Такой теорией становится прагматическая социология. Зародившись во Франции как альтернатива бурдьевистскому проекту, сейчас она является одним из наиболее перспективно развивающихся теоретических проектов в социологии. К её основным представителям относят Люка Болтански и Лорана Тевено, часто также включают Бруно Латура

и Мишеля Каллона [Барт et al., 2019]. В отличие от иных теорий практик [Волков & Хархордин, 2008], для неё рефлексия играет важную роль, поскольку именно рефлексия требуется для оправдания, тестирования, квалификации и других важных операций, изучаемых прагматической социологией [Барт et al., 2019; Heinich, 2020a, Heinich, 2020b; Heinich, 2025], при этом, она сохраняет в себе всё то, что принёс прагматический поворот, а именно анализ повседневных, часто не-рефлексивных действий. В отличие от веберовского подхода, требующего от субъекта постоянного осознанного соотношения с ценностью, прагматическая социология позволяет описывать смысл там, где он существует до всякой рефлексии — в повседневных практиках, телесных привычках и конкретных ситуациях координации.

Так, Натали Эник описывает прагматическую социологию как социологию оценивания (*valuation*) [Heinich, 2020a]. В своей статье она пересобирает понятие «ценность» так, чтобы снять противоречия между различными теоретическими направлениями в социологии и привести их под общий фундамент прагматической теории. Так, ценность вещи зависит не только от «социальных условий» или ментальных репрезентаций, но и, например, от материальности вещей, их «аффордансов» (*affordance*), поскольку для Эник важно учесть роль материального мира и преодолеть субъект-объектную дихотомию: ценность рождается и присваивается при участии многих акторов. Таким образом прагматическая социология может проследить как разные ценности и акторы взаимодействуют между собой в конкретных ситуациях — как ценность-принцип становится причиной для присвоения чему-либо ценности-качества и трансформации её в ценность-благо, например с помощью присвоения цены и измерения (*measurement*). Также Эник описывает три этапа оценивания, ценности существуют до акта оценивания, развиваются в его ходе и закрепляются после него — это позволяет говорить о динамическом, а не статичном понимании ценности.

Таким образом, благодаря акценту на оценивании и прагматическому подходу удаётся соединить несколько противоречащих теоретических направлений, а вернее — говорить на одном языке о том, о чём раньше говорили на разных. Мы можем говорить об оценивании конкретных ситуаций, действий, людей и вещей в разных контекстах.

Основой нашей теоретической рамки станет концепция режимов вовлечённости Лорана Тевено. Вовлечённость в его понимании это приложение индивидом определённых усилий для координации с самим собой и с окружающим миром [Thévenot, 2001; Thévenot & Jacobs, 2014; Hansen, 2025]. Здесь важно указать на то, что для Тевено вовлечённость всегда связана с определённым благом. Соответственно вовлечённость можно представить как деятельность по тестированию и инвестированию в соответствие себя и окружающего мира,

включая людей и объекты, а также отношений между ними и этим благом. Такое благо может быть как личным, частным, например какой-то эгоистичный интерес, или может быть коллективным, публичным, например благо справедливости. Соответственно, множественность благ порождает множественность режимов вовлеченности в координацию и соответствие им.

Так, изначально Тевено выделяет три таких режима: режим близости со знакомыми вещами³; режим планового действия — в нём человек ставит цели, планирует и действует⁴; и режим оправдания — работающий в случае необходимости координации коллективных действий. В дальнейшем он добавит режим исследования — заключающийся в интересе к исследованию чего-то нового⁵ [Hansen, 2025].

Здесь важно указать ещё и на то, как Тевено понимает идентичность индивида — он использует метафору «черепичной крыши», чтобы описать то, как разные режимы вовлечённости накладываясь друг на друга поддерживают *vision of person's self*. Важно понимать, что это не одна глобальная гомогенная идентичность, но наложение разных режимов создаёт гетерогенную и внутренне противоречивую идентичность, которая в каждом режиме работает по-разному. Например идентичность учёного будет складываться как из комфорта работы за знакомым рабочим местом, из целенаправленного написания диссертации, публичного обоснования важности своего исследования и страсти к этому самому исследованию. Напряжение может возникнуть например между страстью исследовать и необходимостью писать отчёты. При этом, ни один из режимов не может быть единственной основой для идентичности, и в случае если в одном

³ Например, это проявляется в том, что делают учёные в повседневной жизни на работе: «У нас есть шутка про то, что мы пьём чай, это правда, пьём чай, и что-то обсуждаем» (интервью 2, младший научный сотрудник). В дальнейшем это позволяет обращаться к домашнему граду в режиме оправдания: «Q: А что вас удерживает в академии? А: Коллеги, атмосфера» (интервью 8, старший научный сотрудник)

⁴ Режим планового действия чаще всего становится источником тревоги в связи со множеством тестов, в основном бюрократических: «То, после чего мне хочется уволиться, как правило, связано с бюрократически-административными вопросами... ты не знаешь, сможешь ли ты продлить эти контракты... Вот это то, после чего ты иногда сомневаешься, что академия — это полезная и нужная работа» (интервью 3, старший научный сотрудник)

⁵ Режим исследования ключевой для научной деятельности, при этом им приходится жертвовать ради режима планового действия: «Дальше идти уже не прикольно, когда ты это описываешь, когда надо публиковать, а уж тем более работа с теорией. Но вот это вот практическая, эмпирическая работа, класс, поиск инсайтов (с восхищением)» (интервью 4, старший научный сотрудник)

из режимов происходит кризис, о чём мы поговорим более подробно ниже, она может распасться.

Заключительное, что следует учитывать в режимах вовлечённости, это внутреннее колебание между двумя фазами в каждом из режимов, Тевено говорит о фазе “eyes closed” и фазе “eyes opened”. Первое относится к осуществлению режима без сомнений, без рефлексии, рутинно. Второе же относится к сомнению, недоверию к осуществляемому режиму, тревоге. Во втором режиме происходит проверка (*épreuve*), тестирование окружения и себя на *coherence*, об этом мы также поговорим ниже. Как утверждает Тевено, одним из способов открытия глаз оказывается сомнение в той жертве, которую человек приносит тому или иному режиму, поскольку вовлечение требует заплатить определённую цену, чтобы достичь когерентности в определённой ситуации. Допустим, чтобы достичь цели в режиме планового действия, нужно пожертвовать личным комфортом, а может быть поступиться собственными принципами.

Как можно заметить, логика режимов вовлечённости структурно совпадает с тем, о чём писал Вебер — целенаправленное действие, ценностная ориентация и аффективная вовлечённость соответствуют режимам планируемого действия, режиму оправдания и режиму исследования. Единственное, что выпадает это режим повседневной близости, о нём Вебер не пишет. Конечно, Тевено не опирается прямо на Вебера при разработке своей теории, тем не менее, структурное сходство позволяет нам сделать вывод что мы идём в правильном направлении. Можно сказать, что четыре режима вовлечённости вместе создают ощущение того самого *Verif*, о котором говорит Вебер. Чем же в таком случае будет являться смысл деятельности? Как мы помним, действие является осмысленным, если оно соотносено с ценностью, Вебер описывает это как срединное царство смысла между имманентным миром и трансцендентным миром ценности. Соответственно, смыслом в нашем случае мы можем назвать соотношение с благами каждого из режимов вовлечённости. Тевено называет это соответствием (*convenance*) [Thévenot, 1990]. Можно сказать, что вовлечённость — это деятельность по установлению соответствия окружающего мира и благам режимов вовлечённости. В каждом из режимов тесты на соответствие оказываются разными, в режиме фамиллярности это ощущение счастья и комфорта при контакте со знакомым, в режиме действия это выполнение поставленных целей, в режиме исследования это вера в возможность открытия и радость новому, а в режиме оправдания, когда всё идёт своим чередом по внутренней логике *order of worth*. То есть в фазе спокойствия, закрытых глаз, смысл деятельности производится сам по себе, его не нужно эксплицитно выражать, но в случае, когда происходит кризис, возникает тревожность, «открываются глаза» и возникает потребность в его экзистенциальном оправдании. Таким образом, мы приходим

к особой важности режима оправдания, поскольку режим оправдания оказывается тем ресурсом, к которому обращаются тогда, когда другие режимы не справляются с восстановлением *coincidence* — потому что только в нём смысл может быть обоснован публично, тем самым получая более устойчивое основание.

Последний режим вовлечённости, но не последний по значимости — это режим оправдания. Наиболее подробно его грамматику рассмотрели Болтански и Тевено в работе «Критика и обоснование справедливости» [2013]. Однако стоит различать их совместную модель и режим оправдания Тевено. Там они описывают то, как люди в разных ситуациях оправдывают те или иные действия, принципы обустройства мира. В этой теории справедливость тождественна упорядоченности мира в соответствии с определёнными принципами, которые соотнесены с «градами» (*cites*) справедливости. Таких градов в оригинальной книге они насчитывают всего 6: град благодати и вдохновения, рыночный град, гражданский град, научно-технический град, патриархальный град и град репутации. Каждый град характеризуется своим порядком «величия», то есть условий, при которых положение человека или вещи в мире будет считаться наиболее соответствующим принципам справедливого устройства. Так в рыночном граде упорядочивание происходит на основе богатства, а, например, в научно-техническом — по критериям эффективности и полезности.

В этом режиме благом является соответствие одному из *orders of worth*, соответственно в нём происходит квалификация себя и окружения через отсылку к определённому благу, лежащему в основе града (*cit  *). Важно, что этот режим не требует участия коллектива, достаточно вовлечённости одного человека, который либо оценивает что либо через *orders of worth*, либо подвергает один из порядков сомнению. Это может проявляться в политической полемике или отстаивании своих прав на работе и в других местах, а может в личных сомнениях обоснованности тех или иных действий или справедливости собственной оценки. В ситуации закрытых глаз благо *order of worth* не подвергается сомнению, в ситуации же открытых глаз происходит столкновение порядков величия.

Болтански и Тевено различают град и мир. Град — это идеальный принцип, некоторая модель, в то время как мир это реальные объекты, которые должны быть упорядочены в соответствии с градом. Если грады находятся в независимых друг от друга отношениях, то миры пересекаются, вступают в конфликты и компромиссы. То, что в одном мире будет являться благом и высшим величием, в другом будет объявлено безумием.

Какую же роль во всём этом играет смысл? Как мы уже разобрались выше, смысл может существовать только в контексте, в случае соответствия положения дел определённому благу. Этот контекст

может быть трансформирован, из него можно что-то изъять, а можно что-то добавить. Соответственно, в зависимости от контекста будет меняться и смысл. Он может быть понят ретроспективно, предпослан действию перспективно или понят во взаимодействии. Основной тезис здесь в том, что смысл является результатом оценивания, эффектом квалификации. Оказавшись в определённой ситуации, человек квалифицирует её. Тот факт, что она была определена до него, например материальным контекстом, говорит лишь о том, что она была кем-то квалифицирована ранее. Соответственно, человек подстраивает своё поведение так, чтобы оно имело смысл в данной ситуации, при этом квалифицируются участники ситуации, предметы и действия. То, насколько они упорядочены в соответствии с определёнными принципами и позволяет говорить об осмысленности как всей ситуации в целом, так и отдельных действий. Если набор участников (вещи, люди, действия) не позволяет квалифицировать её по-старому, происходит рефрейминг: ситуация осмысливается в соответствии с другими принципами. То же самое происходит и постфактум, человек ретроспективно оценивает ситуацию и положение вещей в мире, сложившееся в данный момент в связи с имеющимся контекстом. Соответственно, нет никакой разницы между смыслами, есть разные этапы квалификации. В некотором роде мы возвращаемся к веберовскому прочтению смысла как соотносению с ценностью, правда, теперь квалификация происходит постоянно и включает в себя как классический «мир действий» в режиме планового действия, так и повседневные взаимодействия.

К теме смысла Болтански обращается в книге «Тайны и заговоры» [Болтански, 2019]. Он проводит различие между миром в витгенштейновском смысле, как тем «что случается с людьми», и реальностью, как тем, что создают люди. Реальность в его понимании конструируется институтами, которые задают форматы квалификации и отвечают на вопрос «что есть (в мире)?». Реальность в понимании Болтански радикально не определена (*uncertain*), и институты позволяют её стабилизировать и упорядочить. Именно в упорядоченной реальности появляется смысл:

«Тогда реальность выступает в виде сети каузальных отношений, взаимно сцепляющих события, с которыми сталкивается опыт. Отсылка к этим отношениям позволяет придать смысл происходящим событиям через определение единиц, к последствиям действий которых должны быть приписаны эти события» [Болтански, 2019, с. 48].

«Но справедливо также сказать, что случившееся лишено смысла, пока нет возможности его атрибутировать, связав с какой-либо единицей действия, или, если эта единица известна, определить ее интенции» [Ibid., с. 49].

«Смысл сингулярного события раскрывается во всей полноте, только если оно соотносится с единицей действия, коей приписывают идентичность, определённую степень устойчивости во времени и интенциональность — проявляющуюся или не проявляющуюся в сознательном действии» [Ibid., с. 49]⁶.

Таким образом, смысл возникает в реальности, или в определённом её отрезке, которая так или иначе упорядочена (или может быть упорядочена) в соответствии с некоторыми принципами (ценностями). Этот процесс Тевено называет *convenance*, то есть установлением соответствия обстановки, внутреннему состоянию человека и определённому благу.

Поскольку реальность является стабилизированной и сконструированной институтами её можно подвергнуть сомнению и проверить с помощью тестов. В другой своей книге “*On critique*” [Boltanski, 2011] таких тестов Болтански предлагает три:

1. Тест на правдивость (*on truth*). Это такие действия, которые подтверждают институционализированное определение реальности. В эту категорию попадают например разнообразные церемонии или ритуалы.
2. Тест на реальность (*on reality*). Такой тест может как подтвердить реальность, так и критиковать её. Сюда входят например испытания, изменяющие величие вещей и людей из «Критики и обоснования справедливости», а также споры. В тесте на реальность может ставиться под сомнение как упорядоченность и список единиц реальности, так и принципы квалификации. При этом сам факт реальности зачастую под сомнение не ставится.
3. Экзистенциальный тест (*existential*). Эти тесты относятся к прожитому опыту и чувствам отдельных индивидов. Они опираются на чувства несправедливости, унижения или другие чувства, заставляющие пересмотреть существующий порядок вещей. При этом, они не касаются напрямую институтов, и коллективный характер им может придать только общность некоторых переживаний.

То есть с помощью данных тестов, правила которых устанавливают институты, люди стабилизируют и утверждают реальность. При этом здесь ускользает, во-первых, то как именно люди стабилизируют реальность с помощью институтов и приводят её в упорядоченный вид, а, во-вторых, конкретно у Болтански выпадает соотношение с ценностью. Таким образом *sense-building*’ом в данном случае мы будем называть процесс упорядочения и создания контекста для

⁶ Здесь важно упомянуть тот факт, что в оригинале Болтански говорит о смысле, как о *sens*, хотя в английском издании его перевели как *meaning*.

того, чтобы соотношение людей, вещей и действий в ситуации имело желаемый смысл. В каждом из режимов вовлечённости производится смысл, все действия в этих режимах мы можем назвать осмысленными, если они направлены на установление соответствия среды самому себе и благам этих режимов вовлечённости.

Иными словами, это процесс, включающий в себя квалификацию ситуации (соотнесение с ценностью), квалификацию отдельных единиц внутри, включение или исключение единиц в соответствие с принципами и атрибутирование смысла. Этот процесс может происходить перспективно, в повседневном взаимодействии и ретроспективно. Создание контекста здесь заключается в создании определённого положения вещей, людей и совершении определённых действий, которые будут придавать смысл, в соответствии с имеющимися ценностями. Это могут быть как непосредственные блага режимов вовлечённости, так и более универсальные ценности. Это может происходить как путём исключения или игнорирования каких-то акторов, так и путём их привлечения на свою сторону и включения в ситуацию.

Таким образом это активный процесс вписывания себя и окружения в определённую сеть, как материальную, так и символическую, для того, чтобы произвести смысл и в конце концов определенную идентичность. Так, мы решаем одну из важных проблем теории sense-building'a, обозначенную ещё в начале статьи, а именно проблему «заброшенности», ведь если смысл так или иначе присутствует во всех трёх этапах квалификации, то мы можем назвать и приход в социологию, и действия в социологии, и её оправдание осмысленными действиями. Смысл производится в каждом из четырёх описанных режимов вовлечённости, на каждом из этапов. Получается, что смысл в нашей схеме предшествует идентичности, просто случае рефлексии идентичность оказывается под вопросом и заново квалифицируется.

Критический момент

Не менее интересной является попытка понять, как происходят кризисы реальности в данной теории, в некотором роде их можно называть кризисами смысла или даже экзистенциальными кризисами.

В логике Тевено, кризисы случаются не только в режиме оправдания, но и в других режимах, как мы уже описывали выше, многие вещи могут стать причиной тревоги и «открытия глаз». Болтански точно называет это проникновением хаотичного Мира в упорядоченную Реальность. Но не только подобного рода вещи порождают кризис, но и, например, жертвы блага одного режима ради другого, как

уже тоже было описано выше. Но одно дело, это нарушение одного из режимов, например вы оказались в незнакомом городе, во-первых вы будете активно его исследовать и присваивать его себе, делать его знакомым, в соответствии с режимом фамиллярности, во-вторых, предположим, вы приехали туда в командировку, у вас есть определённый план действий, и пока что всё идёт хорошо, в-третьих, вам может быть интересно изучать новую местность, и, наконец, в-четвёртых, вы можете ответить себе «зачем я это делаю?», почему это ценно. Вы редко задаёте себе этот вопрос, если всё остальное идёт хорошо, но например, в ситуации, когда вам стало страшно, или вы уже устали транскрибировать интервью, писать дипломную работу, все сроки выходят, вы можете сказать: «я делаю это ради N». Таким образом, режим оправдания — последний редут в формировании вовлеченности и смысла деятельности. Но с другой стороны, в своём оправдании вы опираетесь и на другие режимы, когда вы не чувствуете себя комфортно, вы не видите смысла в поставленных целях и они реализуются через большие сложности, а открытия вас не прельщают, оказывается сложно оправдывать продолжение деятельности великой целью. Именно из-за того, что, как пишет Тевено, каждый режим требует жертвы ради вовлечённости в него, и когда цена слишком высока, проще не вовлекаться.

Почему режим оправдания рушится последним в этой системе? Поскольку он апеллирует к более высокому уровню обобщения. Если фамиллярный режим — личный, он относится к удобству индивида, то режим оправдания обращается к высшему благу, часто коллективно-разделяемому, публичному. Это позволяет мобилизовать больше ресурсов для восстановления соответствия, может быть реальность не соответствует личному удобству, но она хотя бы соответствует высшему благу, благу общества. Здесь полезно обратиться к приведённым выше тестам Болтански. Эти тесты оказываются средствами и поводами для критики или подтверждения устоявшегося порядка. Если тесты, о которых мы говорили в случае Тевено, касаются индивида (за исключением режима оправдания, который может быть публичным), тесты Болтански в основном работают на институциональном уровне (за исключением экзистенциального, который сложно довести до публичности и институтов). Тем не менее они все направлены на установление некоторой гармонии, *convenance*, смысла в конечном счёте. При этом Тевено работает над тем, чтобы показать как устроено спокойное вовлечение, а Болтански — чтобы показать то, как происходят кризисные ситуации на уровне институтов. И здесь есть тонкий момент — в ситуациях, когда возникает сбой того или иного режима, возникает тревожное ощущение, это ещё не становится настоящим экзистенциальным кризисом. Последовательное жертвование режимами ради высшей цели в режиме оправдания вполне возможно в некоторых ситуациях, мы бы возможно назвали

эти ситуации проявлением героизма или мученичества. Но ситуация, когда жертв слишком много, и человек не готов пожертвовать всем ради идеи, не подкреплённой ничем в реальном мире, никакой деятельностью ни в одном из режимов, приводит к экзистенциальному кризису, который становится следствием проваленного экзистенциального теста.

Мы можем классифицировать кризисы по тем тестам, сбой в которых становятся их причиной.

В случае с тестом на правдивость, воплощённом в ритуалах и церемониях, кризис возникает в том случае, если появляется какое-то экстраординарное событие, не вписывающееся в ритуал, либо, в том случае, когда сами принципы ритуала критикуются тестом на реальность. Например, если мы говорим о цитировании в научном сообществе, как о церемониальных визитах [Соколов, 2021], которые учёные наносят друг другу, то поставить её под сомнение можно лишь снаружи, исходя из другого принципа. Таким принципом может стать «корректирующее цитирование» (*corrective citation*), исходящее из принципов отнюдь не чистого научного познания, но справедливости, призывая цитировать группы, имеющие меньше возможностей пробраться на вершины научного Олимпа. Такой ситуации ещё далеко до полномасштабного кризиса дисциплины, тем не менее она активно развивается как критика устоявшегося порядка.

Тестом на реальность, помимо критики принципов научного цитирования, может быть «спор о методе» в социальных науках. Он одновременно пытается упорядочить реальность и выяснить какими способами лучше всего изучать общество, а с другой легитимизирует саму социологию как научную дисциплину, в которой происходят научные дискуссии [Соколов, 2009].

Экзистенциальный тест здесь, пожалуй, становится самым интригующим, поскольку связан с ощущениями несправедливости и сожаления. В одном случае, экзистенциальный тест приводит к движению за справедливость в отношении угнетаемых меньшинств. Непрохождением реальности экзистенциального теста может быть объяснен и Май 68-го, как результат чувства несправедливости в отношении разросшегося корпуса младших научных сотрудников. Другой же эмоцией может выступать сожаление [Соколов, 2019], поскольку в случае, если принципы, по которым упорядочена реальность больше не могут её упорядочивать, она теряет смысл, а значит «всё было зря», вложенных усилий не вернуть, а предполагаемых выигрышей от ситуации уже никто не даст.

Каждый из этих тестов, в случае неудачного результата прохождения, может стать причиной ухода из профессии, смены направления деятельности, изменения правил или вовсе привести к глобальному кризису. Глобальность кризису придаёт то, что возникают институты, которые предлагают такую упорядоченную реальность, которая

включает в себя единицы, которые невозможно квалифицировать с помощью других институтов. То есть говоря коротко — происходит постоянная борьба институтов, которые пытаются упорядочить реальность в соответствии с разнообразными, часто противоречащими принципами. Побеждает тот, кто может предоставить более устойчивую и простую схему, которая будет 1) позволять квалифицировать большее число единиц, 2) предоставлять более справедливую их квалификацию, что значит, что она 3) будет устойчива ко всем трём типам тестов. Только в такой реальности может быть смысл.

Подводя итог изысканиям в области теории, мы начали с того, что задались Веберианским вопросом о конечном смысле деятельности, в его экзистенциальном значении. Однако, ответ, который даёт нам Вебер оказывается слишком требовательным к акторам, и не подходит для того, чтобы прямо использовать его в нашем исследовании. Веберианская рамка позволяет нам в ходе исследования поставить вопрос о том, «какой смысл вкладывают учёные в свою деятельность?», но не сможет указать на то «как устроен процесс конструирования смысла?» и на то, «что удерживает учёных в Академии?», как и на вопрос о том «как учёные проходят через профессиональные кризисы?». Веберовский концепт *Beruf* оказывается интуитивно полезен для понимания устройства «призвания» как механизма обоснования смысла деятельности, но требует слишком высокой рефлексии от людей, также он оказывается нечувствителен к повседневной, рутинной, до-рефлексивной деятельности, которая также участвует в формировании смысла и является важной составляющей работы учёного по словам самого же Вебера. Мы рассмотрели концепцию *sense-building*, предложенную Михаилом Соколовым. Она предлагает более пристально посмотреть на то, что делают социологи для создания смысла своей деятельности и его обоснования. Если Вебер говорит о смысле как трансцендентной категории, то Соколов говорит о смысле как о том, что создают сами акторы. Для исследования *sense-building* он предлагает смотреть на нарративы, внешние формы поведения и внутренние переживания социологов. Однако, возникающие сложности с самим понятием смысла, а в особенности его ретроспективного характера и его связи с идентичностью заставляют искать иные ресурсы для изучения практик *sense-building*. По ходу главы мы рассмотрели концептуальную рамку прагматической социологии, как возможность лучшего ответа на наши исследовательские вопросы. Четыре режима вовлечённости Тевено позволяют увидеть, как смысл создаётся на до-рефлексивном уровне в процессе вовлечения в повседневную, исследовательскую или целенаправленную деятельность — это позволяет нам ответить на вопрос о способах конструирования смыслов. При этом, прагматическая рамка позволяет рассмотреть и способы обоснования смысла в моменты его рефлексии в режиме оправдания — это способ ответить на вопрос о том

смысле, который учёные вкладывают в свою деятельность. Также с её помощью можно описать роль институтов в производстве осмысленной реальности и возможности её критики через различные тесты, из которых наибольший интерес для нас представляет экзистенциальный — через эту оптику можно увидеть как окружение учёного удерживает его внутри и как происходит разрыв, когда институции уже не удерживают. И, наконец, она позволяет исследовать как устроены кризисы смысла, в каких именно режимах они происходят, как учёные справляются или не справляются с этими кризисами. Также аргументативные игры можно включить в концепцию как определённые тесты, подтверждающие реальность и предопределяющие порядок в зависимости от исхода. Понятие автофабрикации в случае прагматической трактовки заменяется на разделение открытых и закрытых глаз в разных режимах. Таким образом, сохраняя веберовскую постановку вопроса и концептуализацию *sense-building*, прагматическая рамка оказывается более чувствительной к процессу *sense-building* и позволяет изучить его более подробно.

Критический модус

В качестве примера работы *sense-building*'а в режиме оправдания рассмотрим недавно опубликованную статью из британского “The Sociological Review”, посвящённую практикам «корректирующего цитирования» (*corrective citation*) в современной критической социологии [Pereira, 2025]. Корректирующее цитирование заключается в том, чтобы при цитировании отдавать приоритет «маргинализированным» группам «угнетённых» по гендеру, цвету кожи, и другим параметрам. Всё это совершается в целях «борьбы за социальную справедливость». В представлении Перейры и её коллег несправедливость проявляется в том кого мы цитируем: белых мужчин с глобального Севера и Запада. При этом «за бортом» остаются исследователи с Юга, чёрные женщины, исследователи из «периферийных» университетов, просто потому что мы их не видим. Чтобы исправить это положение, нужно уделять больше вниманию поиску исследований, произведённых исследователями из обозначенных категорий и цитировать их, давать им возможность говорить, публиковаться в журналах и т. д.

Соответственно в обозначенной выше статье Перейра указывает на некоторые особенности и эксцессы этой практики, например она описывает такой случай: одна исследовательница климатических изменений — Х. Лю (X. Liu) — выступала в Китае на конференции, посвящённой климатическим изменениям. После выступления ей был задан следующий вопрос: «почему вы не цитировали деколониальных

исследователей?» [Ibid., p. 1186]. При этом, по словам самой Лю, недостаток в докладе ссылок на китайских исследователей (что было бы логично, учитывая тематику и место проведения конференции) автора вопроса не смутило. Другой пример из той же статьи таков: Перейра вспоминает опыт работы редактором журнала “Feminist theory”. Она получила две статьи от авторок с «глобального Юга», относящихся к «маргинализированным» категориям. Затем для рецензирования она подобрала двух других авторок, тоже из максимально «маргинализированных» групп. В результате спустя некоторое время она получила две отрицательные рецензии на обе статьи, в качестве одного из аргументов против публикации была «белизна» (whiteness) и «западность» (Western) списка библиографии. Получилась такая ситуация, что две белые европейские авторки не дали опубликоваться двум авторкам с «глобального Юга», по причине недостаточного «разнообразия» (diversity) их списка библиографии. «Та ли это „справедливость“, которую хотят критические теоретики?», — возникает в связи с этим резонный вопрос.

Если мы попробуем проанализировать эти ситуации с помощью инструментов *sense-building* у нас получится следующее: начнём с принципов, выраженных в нарративе. В нём есть зло — мировое неравенство, проявляющееся в иерархиях и дискриминации женщин, чёрных (black people), жителей глобального Юга и т. д. Есть добро — борцы за социальную справедливость (social justice warriors), социальные учёные, которые выявляют зло и помогают с ним бороться. Соответственно наука, как часть борьбы за справедливость против неравенства, являясь частью добрых сил, которые стремятся сделать мир лучше — а это уже эксплицитная философия. Принципами квалификации будет то, способствует ли то или иное действие или событие борьбе со злом и приближению к добру.

Как написано в статье: «„Социологическое обозрение“ (“The Sociological Review”) ищет статьи, которые „пропагандируют научные практики, направленные на изучение того, как <...> производство знаний воспроизводит глобальное неравенство“» и далее: «Многие учёные, работающие в сфере социологии и за её пределами, разделяют стремление использовать цитирование для подрыва власти» [Ibid., p. 1180, курсив мой]. Соответственно эксплицитной целью таких социальных учёных является подрыв власти, понимаемой как насаждаемые властные иерархии (Восток/Запад, Север/Юг, мужчины/женщины и т. д.). Эта философия отличает «правильные» науки от «неправильных», и для этого есть определённые критерии.

Как уже было описано выше, правильная научная статья должна быть «разнообразной» в цитировании, приведу целиком цитату из статьи: «Я надеюсь, что вы считаете мой список (литературы) хорошим. Я надеюсь, что он выглядит (и заставляет меня выглядеть) компетентной, а также внимательной к эпистемическому неравенству

и стремящейся его устранить. Последнее желание особенно важно, потому что это не только ценность, которой я руководствуюсь в своей работе, но и ключевое условие её публикации здесь» [Ibid., p. 1180, курсив мой]. Описанное поведение может быть интерпретировано как эксплицитное действие по установлению и поддержанию своего интеллектуального лица [Соколов, 2021]. Цитирование — акт одновременно говорящий и о том, кто цитирует, и о том, кого цитируют. В данном случае с одной стороны цитирующий хочет показать, что он компетентен в вопросах «эпистемического» (и не только) неравенства и соответствует нормам «правильной» науки, борющейся с этим неравенством. С другой стороны он конституирует тех, кого он цитирует в качестве заслуживающих внимания и вызывающих доверие. Именно последний факт и является главной проблемой для сторонников «корректирующего цитирования», ведь «Политика цитирования и, в конечном счёте, практика <...> может быть включающей (inclusionary) или исключаяющей (exclusionary), но она никогда не бывает нейтральной» [Craven, 2021, p. 120, цит. по: Pereira, 2025, p. 1183]. Это определённая аргументативная игра, в которой можно по-разному упражняться, меняя критерии «разнообразия», на кого необходимо сослаться для повышения «разнообразия», а кого следует исключить из списка литературы, чтобы он не был слишком «белым».

До сих пор мы говорили лишь о внешнем поведении игроков, однако есть и внутренняя сторона, то, что следует чувствовать, для того чтобы деятельность имела смысл в рамках критического режима sense-building'a. Так, Перейра приводит ещё один пример: выступление группы чёрных исследовательниц из США на секции, посвящённой Чёрному феминизму в Бразилии [Ibid., 2025, p. 1189]. В ходе выступления, докладчики несколько раз нарушили «правила» критического модуса науки: ссылались на бразильских феминисток не в качестве важных теоретиков, а в качестве «вдохновляющих примеров», то есть не осуществили одну из важных церемониальных составляющих научного цитирования — распределение признания и релевантности [Соколов, 2021]; также были воспроизведены клише про Бразилию: фавелы, самба и т. д., что поставило под сомнение уже само интеллектуальное лицо выступающих, как компетентных исследовательниц. После доклада им был задан ряд вопросов, касающихся этих нарушений, что в целом воспроизводит указанную аргументативную игру. Но интересен момент оправдания самих исследовательниц, они почувствовали себя «странно» (weird), поскольку не ожидали что их можно обвинить в «неправильности», что они не компетентны в вопросах «эпистемического неравенства», поскольку: «они сами маргинальны и руководствуются радикальными, любящими намерениями» [Pereira, 2025, p. 1189], также сами исследовательницы производили впечатление «страстных» (passionate) и относящиеся с любовью (loving) и любопытствующие (curious). Таким образом в их режиме

sense-building'a именно чувство любви, искреннего желания узнать и рассказать о проблемах маргинализированных групп, чувство солидарности с «сёстрами» (our sisters) являются придающими смысл и оправдывающими их деятельность.

Таким образом здесь мы видим понятную работу по sense-building'у, заключающуюся в институциональном, то есть, например, на уровне редакций журналов, закреплении определённых правил квалификации научных статей, самих наук, а также правил кого и почему цитировать; самом процессе тестирования и квалификации, выражающемся в рецензировании статей, а также в той критике, которую представляет из себя сама статья Перейры. Мы можем увидеть здесь все три теста: на правдивость — цитирование как церемониал, на реальность с критикой принципов — сама приводимая в качестве примера статья, и экзистенциальный, связанный с чувством несправедливости в отношении угнетённых групп. Также, мы можем проследить и работу аксиологических операторов, например в виде использования в отношении списков литературы терминов “whiteness” и “Western”, имеющих здесь явно негативный окрас, поскольку из-за присвоенной подобной квалификации эти статьи были изначально отклонены. Всё это вместе придаёт работе описанных учёных смысл, делая их борцами за социальную и академическую справедливость.

«Качественники» и «количественники»

Теперь перейдём к ещё одному интересному предмету, а именно разделению социологов на «качественников» и «количественников». Это разделение, кому-то может показаться формальным или вовсе бессмысленным, однако мы всё ещё можем встретить, в том числе и в зарубежных журналах выражение “qualitative sociology”. Мы не будем занимать какой-то позиции по этому вопросу, однако попробуем показать работу по sense-building'у, которая за ним стоит.

Спор «о методе» в социологии имеет долгую историю, нет смысла пересказывать её полностью, однако стоит обратиться к одной из ключевых работ по этой теме на русском языке — статье Геннадия Батыгина и Инны Девятко «Миф о качественной социологии» [Батыгин & Девятко, 1994]. В частности, авторы пишут, что спор о том, какой метод лучше «бессмысленен», поскольку не может быть решён внутри самого спора его же средствами. Однако, этот спор всё же продолжает воспроизводиться, возможно он не такой бессмысленный, как может показаться на первый взгляд. Так, можно выделить «качественную количественную» и «количественную качественную» социологии, просто, во-первых, названия не меняют из удобства, а во-вторых, для

представителя одной из этой ветви, представители другой будут все «на одно лицо». Такой подход имеет место, но он ничего не говорит о смысле данного разделения, тезис об удобстве не говорит о характере дихотомии.

Важно отметить, что противостоящие подходы сами по себе обладают смысло-генерирующим потенциалом. Позиция «количественников» будет скорее всего выражена в том, что называется позитивистским ритуализмом [Соколов, 2015a]. Если коротко, то позитивистская философия будет представлять наиболее целостную научную концепцию, поскольку целиком вписывается в научно-технический град, другими словами её проще всего оправдать, сославшись на правила квалификации науки. Единственной проблемой является то, что на деле, декларируемая эффективность в движении к прогрессу в качестве меры величия, в социологии оказывается не работающей. В отличие от естественных наук, социология практически не делает никакого вклада в приближение к «прогрессу», по крайней мере с обывательской точки зрения. Она не открывает новых законов и не изобретает устройств, упрощающих жизнь. В силу этого для части социологов оправдание через чистый научно-технический град не работает, а значит требуется определённый компромисс с другими оправдательными ресурсами. Одним из возможных решений становится компромисс с гражданским градом. Тогда величие будет определяться социальным прогрессом, борьбой за социальную справедливость и права. Здесь уже начинают угадываться контуры критической социологии. Другим компромиссом будет сближение с градом вдохновения, и здесь вступает в игру как раз та философия, что была ранее названа перспективистской. Ощущение особого вдохновения от работы с текстом и поиском теоретического решения приводит именно к такому компромиссу. Однако, здесь можно выделить и другое решение, связанное с идеей «качественной» социологии. Вдохновением здесь будет служить чувство погружения в «поле» и вера в то, что подобное исследование даёт совершенно иные знания. Разворачивая это размышление дальше, мы приходим к интересному выводу, что антропологию оправдать проще, чем качественную социологию⁷. Первая обещает дать конкретное эмпирическое знание, не усложняя его теоретическим описанием, чистая этнография и включенное наблюдение. Вторая же вынуждена одновременно спорить с «количественной» и говорить о том, что цифры не могут раскрыть смыслы и особенности опыта людей, а с другой отстраиваться от антропологии, пытаясь привносить больше теоретических концептов в анализ. Вряд ли, чтобы провести интервью антропологу потребуется отсылаться

⁷ И возможно социологию вообще, см. например анализ позиций этих дисциплин в ответе Михаила Соколова в для «Антропологического форума» [Соколов, 2012].

к феноменологии, в то время как качественный социолог будет вести свою родословную минимум от Шюца, а максимум от «понимающей социологии» Вебера [Штейнберг et al., 2009]. Такое положение с другой стороны, позволяет при правильном подходе объединить составляющие двух градов (вдохновения через поле и научного) в одном компромиссе. Если «позитивисты» могут потерять «смысл» своей деятельности, поскольку социология не столь эффективна как физика, качественный социолог движим вдохновением от поля и верой в производство научного знания, в том числе через опору на «классиков», которые легитимируют данный подход. Здесь «качественный» находится скорее на полюсе «экстатического»

Если аргументативной игрой позитивиста-количественника будет вопрос о переменных или о репрезентативности выборки, для качественников подобными способами конструировать смысл своей собственной деятельности будут споры об интерпретациях, разнообразия выборки, глубине погружения в поле и т. д.

Возвращаясь к статье Батыгина и Девятко, то в ней авторы прослеживают основные этапы становления этой дихотомии, представляя её как реакцию «антисциентистов» на «позитивистский» проект социологии, так, что «качественная» социология возникает как бы в противовес «количественной», одновременно конституируя последнюю, поскольку до подобного разделения речи о «количественном» подходе не шло.

Используя режимы вовлечённости мы можем объяснить почему качественная социология настолько устойчива — исследование в поле это чистая форма режима исследования. Социолог активно вовлекается в процесс, чаще всего с заранее неизвестным результатом. Этот режим во-первых, создаёт сильную идентичность социолога-полевого, а во-вторых, успех в нём позволяет апеллировать ко граду вдохновения, когда у него спрашивают зачем он занимается своей наукой, ведь именно вдохновение и испытывает исследователь в эти моменты⁸. Режим исследования у количественников будет больше связан с работой с базами данных, ожиданием открытия новых зависимостей, подтверждением или опровержением гипотез⁹. Можно предположить, что полевое исследование будет гораздо более интенсивнее вовлекать в себя социолога, чем работа с таблицами, хотя всё конечно индивидуально.

⁸ «Я очень-очень-очень люблю полевую работу. То есть, когда я интервьюирую людей, когда я провожу наблюдения, это просто... <...> Я до сих пор говорю, у меня мурашки. Это то, что я очень люблю». (интервью 3, старший научный сотрудник)

⁹ «Наверное, мне изначально нравилась эта история с данными. Именно покопаться, когда у тебя есть сырые данные, и ты еще не знаешь, что ты в них найдешь, и начинать их смотреть, ковырять, искать. И вот это ощущение предвкушения, что же там сейчас получится». (интервью 4, старший научный сотрудник)

При этом, одно дело режим исследования, а другое дело режим оправдания, в котором происходит обоснование важности тех или иных методов и принадлежности к методологической парадигме». Как об этом пишет Михаил Соколов, данное различие создаёт впечатление научности, поскольку в каждой науке должны быть дискуссии, за неимением более содержательных, социология выбирает иметь хотя бы какие-то. После подобной дискуссии все участники уходят «с ощущением, что приняли участие в вечной интеллектуальной драме» [Соколов, 2009, с. 138], что определённо наполняет их жизнь смыслом. Если разобраться более детально, то такие дискуссии были изначально построены как тесты «на реальность» или испытания внутри научного града, однако, в силу своей неразрешимости, они смещаются в сторону церемониальных аспектов и тестов «на правдивость», поскольку сама по себе неразрешимость этих споров придаёт устойчивость всему социологическому проекту, как единой дисциплине. Наличие такого различия позволяет редуцировать неопределённость, чётко обозначить какие единицы есть в реальности и правила их квалификации. Это становится настоящей аргументативной игрой, все ходы которой заранее известны и всего лишь ждут своего воспроизведения в дискуссии. Даже ставшая недавно популярной категория миксд-методов (mixed-methods), всё равно сохраняет внутри себя данную оппозицию и не может её устранить. Таким образом, sense-building может работать не только внутри какой-то конкретной философии или парадигмы, будь то «позитивизм»-ритуализм, или перспективизм-экстатизм что говорит в пользу того, что данная оппозиция, как и многие другие отнюдь не бессмысленны, а наоборот, являются фундаментом единства дисциплины.

Вместо заключения

Таким образом читателю предлагается универсальная теоретическая рамка, позволяющая исследовать обоснования смысла и оправдания не только у социологов. Сохраняя особенности, предлагаемые рамкой sense-building'a, концепция режимов sense-building'a, на основе режимов вовлечённости оказывается шире и утилитарнее. Также, мы переопределили само понятие смысла, которое теперь оказывается чувствительным и к экзистенциальной проблематике.

Мы можем описать смысл через три связанных с ним концепта первой орбиты: единицы, которые следует квалифицировать и упорядочить; ценности, в соответствии с которыми это нужно сделать; и практики атрибуции смысла, то есть сами тесты и квалификации, производимые акторами. Следует также зафиксировать и то, что

в данной концепции смысл производится внутри различных режимов вовлечённости, успех внутри которых становится основанием для апелляции к разным градам в режиме оправдания.

Одной из проблем, о которых говорилось выше является проблема идентичности, разобранный в выше. Смысл предшествует идентичности или наоборот? Решением, предлагаемым в этой статье является то, что идентичность является результатом квалификации и совокупностью производства смысла в режимах вовлечённости, накладывающихся друг на друга как черепица. Идентичность может меняться, в зависимости от успешности деятельности, таким образом лучше было бы говорить не об идентичности, но о процессе идентификации, по аналогии с оцениванием (valuation). Таким образом, итоговая схема выглядит так: деятельность $\rightarrow$ смысл $\rightarrow$ идентичность.

В результате, мы можем говорить, что тот самый экзистенциальный смысл, выраженный у Вебера в призвании производится в режимах вовлечённости, упорный труд в режиме планового действия, понимание ценности в режиме оправдания и страсть к науке в режиме исследования, дополненные привязанностью к своей работе в режиме близости и порождают *Bezug*. Смысл оказывается связан одновременно и с повседневностью и с ценностями, преодолевая теоретический раскол иных теоретических концепций.

В изначальной концепции *sense-building*'а предполагается, что социологи движимы страхом автофабрикации делают свои практики более «научными» по форме, с этим связано сравнение социологии с физикой, а не с другими науками. В нашем случае, мы можем лишь описать более подробно как это может происходить, избегая предположений о потенциальном самообмане, можно говорить о стремлении к наибольшей устойчивости своих оправдательных стратегий в критической ситуации. Можно предположить, что чем больше репертуаров, к которым актор имеет возможность апеллировать, тем более устойчиво его положение, и тем крепче его идентичность. В таком случае, становится понятно само многообразие социологических теорий, которые обращаются к разным оправдательным репертуарам, от гражданского в случае критической социологии, до рыночного, в случае прикладных исследователей. Данная статья предлагает размышлять именно в эту сторону, для объяснения поведения социологов целом и других учёных¹⁰.

¹⁰ Недавно вышедшее исследование о «Минных полях» (Moral minefields) в социологии, выполнено как раз в этом духе [Dromi, Stabler, 2023]. Авторы переносят логику градов на оправдания значимости исследований социологами. Кажется, что логика *sense-building*'а вполне сочетается с ней, предлагая модель развития социологии как попытку изначально оправдывать деятельность разными репертуарами, избегая минных полей в своих исследованиях.

Также, важно отметить потенциал работы с прагматической социологией. Как указывалось выше, она позволяет избегать противоречий, возникающих в других теориях. Прагматическая социология не может ответить на вопрос о том, является ли социология наукой, зато может показать как люди создают уверенность в том, что их деятельность имеет смысл, и как её теряют, оставляя вопрос о том, считать ли всё то, что предшествовало «открытию» глаз, самообманом, ведь в конце концов, уйдя из академии в бизнес, человек в скором времени снова закроет глаза в одном из режимов, будучи уверен, что теперь его деятельность более осмысленная, чем раньше.

Не до конца использованными здесь остаются решения, связанные например с различием на личные и публичные ценности, которое вводит Натали Эник [Heinich, 2020]. Оно заключается в том, что не все ценности могут быть использованы в качестве средств публичного обоснования, тем не менее они всё ещё остаются ценностями и люди совершают действия исходя из них. Также, приходится обходить стороной и возможности оценки людей и использования разных регистров оценивания, описанных Эник совсем недавно [Heinich, 2025]. Эти концепции позволяют рассмотреть внутренние иерархии и способы квалификации в том числе с точки зрения их смысла. В дальнейшем предлагается исследовать режимы sense-building'a более подробно у других учёных.

Литература

1. Барт, Я. (et al.). Прагматическая социология: инструкция по применению (перевод с франц. Александра Луценко) // Социология Власти. 2019. № 2 (31). С. 176–216.
2. Батыгин, Г. С., Девятко И. Ф. Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 28–42.
3. Бисенова, А. Ж. Поле и жизнь: размышления «укорененного» антрополога // Социология Власти. 2021. № 3 (33). С. 131–148.
4. Болтански, Л. Тайны и заговоры. По следам расследований. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019.
5. Болтански, Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости / Л. Болтански, Л. Тевено, Новое литературное обозрение, 2013.
6. Болтански, Л., Тевено Л. Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3 (3). С. 66–83.
7. Вахштайн*, В. С. Салоны и клубы. Ответ Михаилу Соколову // Социология Власти. 2015. № 3 (27). С. 69–80.
8. Вебер, М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990
9. Вебер, М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4-х т. (сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина). Том 1. Социология. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

10. Волков, В. В., Хархордин, О. В. Теория практик. СПб.: Издательство Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2008.
11. Гофман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Под ред. Г. С. Батыгина, Москва: Институт социологии РАН, 2003.
12. Ерофеева, М. А. Социология И. Гофмана в контексте развития теории социального действия. 2015.
13. Корбут, А. М. «Новый эпистемолог, или Игла познания». 2009. [Online] <<https://cfs.hse.ru/news/137901478.html>> [Дата обращения] 09.01.2026.
14. Пресняков, И. В. «Политеизм ценностей» Макса Вебера: контексты, происхождение, логикометодологические основания // Социология власти. 2025. № 4 (32). С. 68–106.
15. Соколов, М. М. Гоффман, Мэри Дуглас и смысл (академической) жизни: церемониальные аспекты критических дискуссий в теоретической социологии // Антропологический форум. 2009. № (10). С. 130–143.
16. Соколов, М. М. Стоит ли радоваться сближению социологии и антропологии? О проблеме легитимности в малосостоятельных дисциплинах // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 121–130.
17. Соколов, М. М. Элементы социологии досады и сожаления // Социологическое обозрение. 2019. № 4 (18). С. 9–46.
18. Соколов, М. М. Трансформирующие и селективные системы: исследование по сравнительной социологии академических рынков и карьер // Вопросы образования. 2019. № 2. С. 35–77.
19. Соколов, М. М. Наука как церемониальный обмен: теория пространств внимания, академического статуса и символической борьбы // Социологическое обозрение. 2021. № 3 (20). С. 9–42.
20. Соколов, М. М. Социология как чудо. Процесс sense-building в одной академической дисциплине // Социология власти. 2015а. № 3 (27). С. 13–57.
21. Соколов, М. М. Мир Смысла, он же Мир Судьбы и Сожаления: ответ Олегу Хархордину и Виктору Вахштайну* // Социология Власти. 2015b. № 3 (27). С. 81–92.
22. Хархордин, О. В. Социология как доставка, поставка или проставка смысла жизни // Социология Власти. 2015. № 3 (27). С. 58–68.
23. Штейнберг, И. Е. et al. Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб.: Алетейя, 2009.
24. Шюц, А. О множественности реальностей (пер. Корбут, А.) // Социологическая теория: История, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: «Владимир Даль», 2006. С. 58–110.
25. Boltanski, L. On critique: a sociology of emancipation. Cambridge: Polity Press, 2011.
26. Craven, C. Teaching antiracist citational politics as a project of transformation: Lessons from the cite Black women movement for white feminist anthropologists // Feminist Anthropology. 2021 No. 2(1). P. 120–129.
27. Dromi, S. M., & Stabler, S. D. Moral Minefields: How Sociologists Debate Good Science. University of Chicago Press. 2023.
28. Hansen, M. P. Laurent Thévenot's Sociology of Regimes of Engagement and Grammars of Commonality // Diaz-Bone, R. & Larquier, G. D. (Eds), Handbook of Economics and Sociology of Conventions. Springer International Publishing. 2025. P. 1–19.
29. Heinrich, N. A Pragmatic Redefinition of Value(s): Toward a General Model of Valuation // Theory, Culture & Society. 2020. No. 5 (37). P. 75–94.
30. Heinrich, N. Ten Proposals on Values // Cultural Sociology. 2020b. No. 14(3). P. 213–232.
31. Heinrich, N. The Value of Persons: A Pragmatic Approach // Theory Culture & Society. 2025. No. 1 (43).
32. Meyer, J. W., Rowan, B. Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony // American Journal of Sociology. 1977. No. 2 (83). P. 340–363.

33. *Pereira, M. do M.* Rethinking power and positionality in debates about citation: Towards a recognition of complexity and opacity in academic hierarchies // *The Sociological Review*. 2025. No. 6 (73). P. 1179–1200.
34. *Thévenot, L.* L'action qui convient. In P. Pharo & L. Quéré (Eds), *Les formes de l'action*. Éditions de l'École des hautes études en sciences sociales. 1990. P. 39–69.
35. *Thévenot, L.* Pragmatic regimes governing the engagement with the world. In Schatzki, T. R. (Ed.) *The practice turn in contemporary theory*. Taylor and Francis. 2001.
36. *Thévenot, L., & Jacobs, A.* Enlarging Conceptions of Testing Moments and Critical Theory: In S. Susen & B. S. Turner (Eds), *The Spirit of Luc Boltanski*. Anthem Press. JSTOR. 2014. P. 245–262.

Artem Shobyrev

Pragmatic regimes of sociologists' sense-building. Experiments in existential sociology

Artem Shobyrev, 3rd grade BA in Sociology, School of Social Sciences, Sociology Department, HSE University — St. Petersburg. **Address:** St. Petersburg, Soyuz Pechatnikov st., 16. **E-mail:** aashobyrev@edu.hse.ru. ORCID: 0009-0005-7206-3224.

Abstract: Sociology as a science constantly requires various kinds of justifications. Sociologists themselves encounter these justifications. The author of this article links justifications to scholars' search for existential meaning in their own work. However, sociology has failed to develop a language for analyzing existential meaning. The article aims to propose pathways for developing such a language and to demonstrate its possibilities. The article analyzes the development of the concept of meaning in Weber, Schütz, and Goffman. It then examines the discussion of sense-building in Russian sociology. Subsequently, the author proposes drawing on the resources of pragmatic sociology to address emerging theoretical problems, particularly the concepts of regimes of engagement and orders of justification. Sense-building is understood as a method of attributing meaning through the qualification of certain units and their ordering in accordance with the values of the actor and institution. The article analyzes situations of meaning crises in connection with sense-building theory. Several empirical examples are provided. Ultimately, the author proposes a theoretical framework of sense-building in regimes of engagement, grounded in pragmatic sociology.

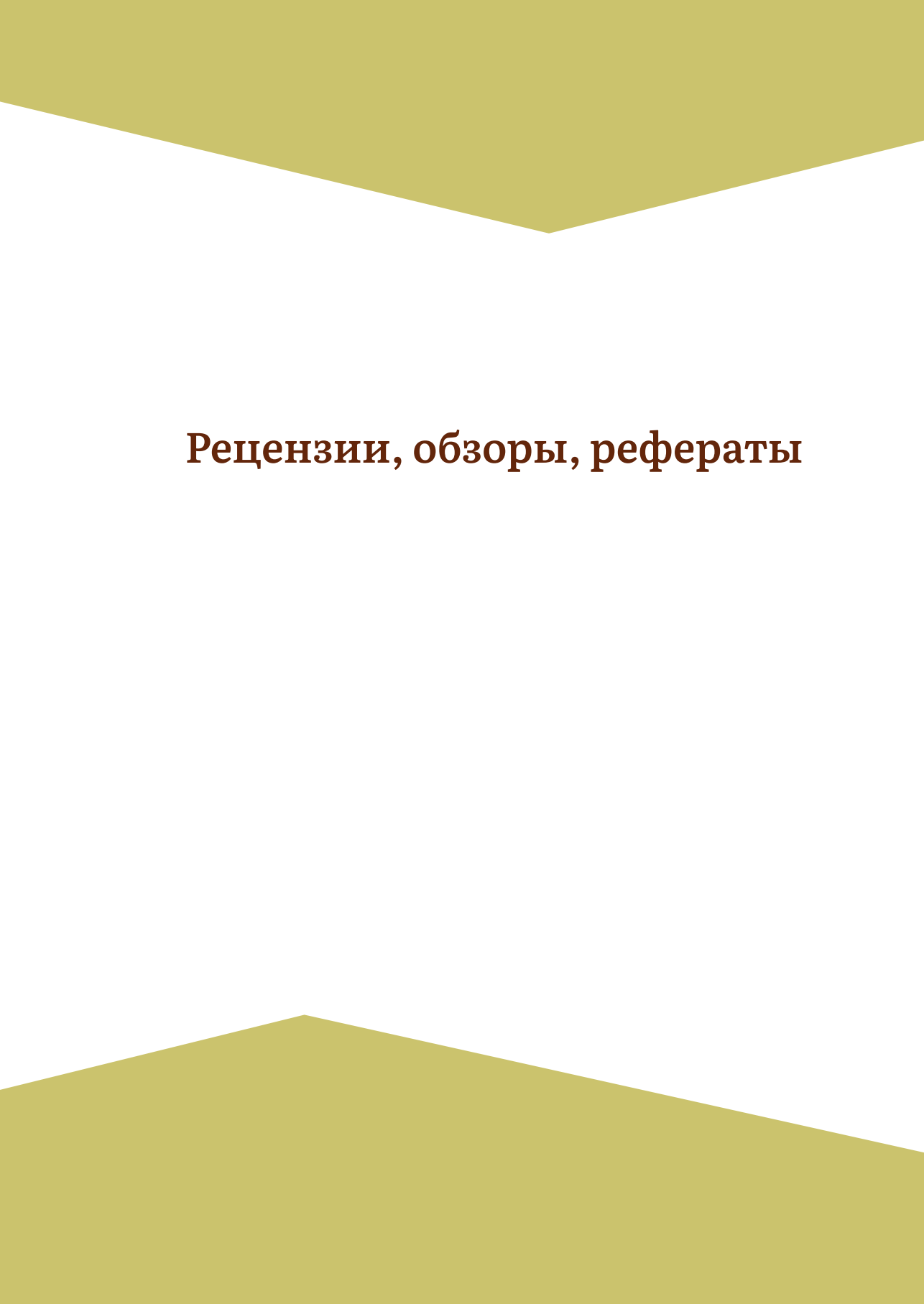
Keywords: pragmatic sociology, sociology of sociology, sense-building, regimes of engagement

For citation: Shobyrev, A. (2026) Pragmatic regimes of sociologists' sense-building. Experiments in existential sociology. *Russia's Directions*. Vol. 4. No. 3. P. 168–201.

References

1. Bart, J., de Blick, D., Heurtin, J., Lagneau, É., Lemieux, C., Linhardt, D., Trom, D. (2019) Pragmatic Sociology: A User's Guide (translated from French by Aleksandr Lutsenko). *Sociology of Power*. No. 2 (31). P. 176–216. (In Russ.)
2. Batygin, G. S., Devyatko I. F. (1994) The Myth of "Qualitative Sociology". *Sociological Journal*. No. 2. P. 28–42. (In Russ.)
3. Bissenova, A. Zh. (2021) Field and Life: Reflections of an "Embedded" Anthropologist. *Sociology of Power*. No. 3 (33). P. 131–148. (In Russ.)
4. Boltanski, L., Thévenot L. (2013) *On Justification: Economies of Worth*. Novoe Literaturnoe Obozrenie. (In Russ.)
5. Boltanski, L., Thévenot L. (2000) The Sociology of Critical Capacity. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. No. 3 (3). P. 66–83. (In Russ.)
6. Boltanski, L. (2019) *Mysteries and Conspiracies: In the Wake of Investigations*. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Press. (In Russ.)
7. Boltanski, L. (2011) *On critique: a sociology of emancipation*. Cambridge: Polity Press.
8. Craven, C. (2021) Teaching antiracist citational politics as a project of transformation: Lessons from the cite Black women movement for white feminist anthropologists. *Feminist Anthropology*, No. 2(1). P. 120–129.
9. Dromi, S. M., & Stabler, S. D. (2023) *Moral Minefields: How Sociologists Debate Good Science*. University of Chicago Press.
10. Erofeeva, M. A. (2015) *The Sociology of E. Goffman in the Context of the Development of Social Action Theory*. (In Russ.)
11. Goffman, E. (2003) *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. Moscow: Institute of Sociology RAS. (In Russ.)
12. Hansen, M. P. (2025) Laurent Thévenot's Sociology of Regimes of Engagement and Grammars of Commonality. In: R. Diaz-Bone & G. D. Larquier (Eds), *Handbook of Economics and Sociology of Conventions*. Springer International Publishing. P. 1–19
13. Heinich, N. (2020a) A Pragmatic Redefinition of Value(s): Toward a General Model of Valuation. *Theory, Culture & Society*. No. 5 (37). P. 75–94.
14. Heinich, N. (2020b) Ten Proposals on Values. *Cultural Sociology*. No. 14(3). P. 213–232.
15. Heinich, N. (2025) The Value of Persons: A Pragmatic Approach. *Theory, Culture & Society*. No. 1 (43).
16. Kharkhordin, O. V. (2015) Sociology as the Delivery, Supply, or Imposition of the Meaning of Life. *Sociology of Power*. No. 3 (27). P. 58–68. (In Russ.)
17. Korbut, A. M. (2009) "The New Epistemologist, or The Needle of Cognition". [Online] <<https://cfs.hse.ru/news/137901478.html>> [Accessed] 09.01.2026. (In Russ.)
18. Meyer, J. W., Rowan, B. (1977) Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony. *American Journal of Sociology*. No. 2 (83). P. 340–363.
19. Pereira M. do M. (2025) Rethinking power and positionality in debates about citation: Towards a recognition of complexity and opacity in academic hierarchies. *The Sociological Review*. No. 6 (73). P. 1179–1200.
20. Presnyakov, I. V. (2020) Max Weber's "Polytheism of Values": Contexts, Origins, Logical and Methodological Foundations. *Sociology of Power*. No. 4 (32). P. 68–106. (In Russ.)
21. Schütz, A. (2008) On Multiple Realities. in *Sociological Theory: History, Contemporary Developments, Prospects*. Almanac of the journal "Russian Sociological Review." — St. Petersburg: Vladimir Dal. P. 58–110. (In Russ.)

22. Shteinberg, I. E. et al. (2009) Qualitative Methods. Field Sociological Research. St. Petersburg: Aleteia. (In Russ.)
23. Sokolov, M. M. (2009) Goffman, Mary Douglas and the Meaning of (Academic) Life: Ceremonial Aspects of Critical Discussions in Theoretical Sociology. *Anthropological Forum*. (10). P. 130–143. (In Russ.)
24. Sokolov, M. M. (2012) Should We Welcome the Convergence of Sociology and Anthropology? On the Problem of Legitimacy in Weak Disciplines. *Anthropological Forum*. No. 16. P. 121–130. (In Russ.)
25. Sokolov, M. M. (2015a) Sociology as a Miracle. The Process of Sense-Building in an Academic Discipline. *Sociology of Power*. No. 3 (27). P. 13–57. (In Russ.)
26. Sokolov, M. M. (2015b) The World of Meaning, Also the World of Fate and Regret: A Reply to Oleg Kharkhordin and Viktor Vakhshstein*. *Sociology of Power*. No. 3 (27). P. 81–92. (In Russ.)
27. Sokolov, M. M. (2019) Elements of a Sociology of Annoyance and Regret. *Russian Sociological Review*. No. 4 (18). P. 9–46. (In Russ.)
28. Sokolov, M. M. (2021) Science as Ceremonial Exchange: A Theory of Attention Spaces, Academic Status, and Symbolic Struggle. *Russian Sociological Review*. No. 3 (20). P. 9–42. (In Russ.)
29. Thévenot, L. (1990) The appropriate action. In: P. Pharo & L. Quéré (Eds), *The forms of action. Published by the School for Advanced Studies in the Social Sciences*. P. 39–69. (In French)
30. Thévenot, L. (2001) Pragmatic regimes governing the engagement with the world. In: Schatzki, T. R. (Ed.) *The practice turn in contemporary theory*. Taylor and Francis.
31. Thévenot, L., & Jacobs, A. (2014) Enlarging Conceptions of Testing Moments and Critical Theory: In: S. Susen & B. S. Turner (Eds), *The Spirit of Luc Boltanski*. Anthem Press. JSTOR. P. 245–262
32. Vakhshstein*, V. S. (2015) Salons and Clubs. A Reply to Mikhail Sokolov. *Sociology of Power*. No. 3 (27). P. 69–80. (In Russ.)
33. Volkov, V. V., Kharkhordin, O. V. (2008) *Practice Theory*. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Press. (In Russ.)
34. Weber, M. (2016) *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*: In 4 vols. (comp., ed., and intro. by L. G. Ionin). Vol. 1. Sociology. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)
35. Weber, M. (1990) *Selected Works*. Moscow: Progress. (In Russ.)

The page features a minimalist design with two large, solid yellow geometric shapes. One shape is a downward-pointing triangle at the top, and the other is an upward-pointing triangle at the bottom. The central area of the page is white and contains the main text.

Рецензии, обзоры, рефераты

Казенин, К., Стародубровская, И. Между традицией и модерном. Жизнь северокавказских сельских сообществ в постсоветское время

М: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; Common Place, 2025. — 608 с.

Северный Кавказ — уникальный регион, населённый десятками народов, имеющих самобытную разнообразную культуру, причём доля сельского населения в большинстве республик региона превышает среднюю по Российской Федерации. Повседневность народов северокавказских республик опирается на древние родовые традиции и хозяйственные практики, и обретающие всё большее значение религиозные нормы. Сельские сообщества сохранили оригинальные формы самоуправления, а за годы советской власти сформировали новые обычаи, ставшие привычными для нескольких поколений. Трансформация советского социально-экономического строя, произошедшая в начале 1990-х, расшатала сложившийся порядок, усилила переселение в города, принесла с собой дифференциацию по уровню доходов, разрушила прежние нормы и правила. А в последние годы ко всему этому добавились современные возможности связи, расширяющие границы замкнутых миров и обеспечивающие информирование сельчан о том, как люди живут за пределами родных для них горных долин и предгорных лугов. В поиске устойчивых жизненных ориентиров многие, особенно молодые люди, потянулись к исламскому фундаментализму. Под влиянием всех этих факторов жизнь в сельских сообществах постепенно меняется, разрушаются внутриобщинные социальные механизмы, формируется почва для межпоколенческих и даже внутрисемейных конфликтов, не все из которых сразу находят решение.

Обо всех этих процессах рассказывает книга замечательного учёного мультидисциплинарного профиля Константина Казенина, авторитетного кавказоведа, лингвиста, регионалиста, социолога и демографа, недавно внезапно и до обидного преждевременно ушедшего из жизни, и опытной исследовательницы различных сторон трансформационных процессов Ирины Стародубровской.

В монографии «Между традицией и модерном. Жизнь северокавказских сельских сообществ в постсоветское время» представлены материалы, которые авторы собирали более десяти лет в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Ингушетии. Исследования проводились в форме бесед и интервью с жителями сёл и с выходцами из этих сёл, переселившимися в города. Учитывая сохраняющуюся высокую степень закрытости сельских сообществ, примечателен сам факт, что удалось собрать интервью из трёх десятков сельских

поселений. Больше число информации собрано в горных, предгорных и равнинных сёлах Дагестана, в остальных республиках число информантов меньше, но использование единого плана интервью обеспечивает возможность для сравнительного анализа.

С учётом концепций «традиционного общества» и «жизненного цикла» в работе показано, какие именно факторы влияют на социальную трансформацию в данном регионе и историческом моменте. Понимание контекста облегчается благодаря достаточно обширному предисловию, в котором разъясняются специфические детали жизни северокавказских сельских сообществ. Оно позволяет в процессе чтения книги выделить общее и делает работу ценным источником информации для социологов, крестьяноведов, историков, политологов, конфликтологов, демографов, этнографов и вообще для широкого круга читателей, желающих разобраться в социально-экономической динамике на постсоветском пространстве.

Описание каждого села, где было взято интервью, включает общую характеристику сельского поселения, его благоустройство, состояние инфраструктуры, основные источники доходов жителей; жизненные стратегии его обитателей, в том числе роль образования, вступления в брак, деторождения, выбора профессий и доходных занятий; соблюдение поколенческих иерархий как в оценке со слов информантов, так и по наблюдениям интервьюеров; фактические практики гендерных иерархий: положение девушек, молодых замужних женщин, женщин более старшего возраста, гендерное разделение труда; роль кровнородственных отношений в жизни сельских семей и сельского сообщества в целом; организацию взаимодействия в местном сообществе, механизмы взаимопомощи, решения общих проблем, благоустройства и землепользования, участие диаспор в решении проблем села; оценку степени открытости сообщества, включая вопросы миграции, заключения браков, взаимодействия с государственными административными структурами; оценку религиозной ситуации, что особенно важно, учитывая быстрый рост значения ислама в жизни сельских сообществ, многообразие религиозной ситуации и её стремительную динамику и важную роль, которую она играет в возникновении различных конфликтов; и, наконец, оценку актуальных социальных регуляторов. Выносимые авторами суждения подтверждаются цитатами из интервью либо отсылками к методологической парадигме. Большое количество цитат из интервью оставляет читателю простор для собственных выводов и размышлений и делает книгу не просто научным трудом, но и занимательным чтением.

Выводы, к которым приходят авторы, заставляют о многом задуматься. Действительно ли модернизация является оптимальным решением накопившихся социальных проблем и насколько быстро будет преодолен неизбежный кризис, сопровождающий любой процесс

трансформации? Как будет разрешена ситуация анонии, когда традиционные нормы и правила, например, в брачном поведении, утрачивают роль инструмента, гарантирующего успешное воспроизводство семейных отношений и продолжение рода? Как общество будет преодолевать ситуацию, когда традиционные регуляторы ослабевают, а выходящие на освобождающееся пространство новые институты принимаются далеко не всеми? В каком обществе завтра будут жить сегодняшние молодые люди, если модернизационные процессы, происходящие в сельских сообществах, имеют разнообразные траектории, далеко не всегда однонаправленные?

К сожалению, ответа на эти вопросы, которые могли бы дать дальнейшие исследования одного из авторов, Константина Казенина, нам не придётся увидеть, и этот добросовестный шестисотстраничный труд, к глубокому сожалению вынужденно сыграет роль памятника талантливому учёному и блестящему журналисту.

Л. А. Овчинцева

Для цитирования: Овчинцева, Л. А. [Рец.] Казенин, К., Стародубровская, И. Между традицией и модерном. Жизнь северокавказских сельских сообществ в постсоветское время. М: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; Common Place, 2025 // Пути России. 2026. Т. 4. № 3. С. 203–205.

Герц, Н. Парадокс одиночества. Глобальное исследование нарастающей разобщённости человечества и её последствий

Пер. с англ. А. Питизина. М.: Эксмо, 2024. — 320 с.

Норина Герц — британский социолог, экономист и публичный интеллект-лектуал. Её книга «Парадокс одиночества» (2021; рус. пер. 2024) представляет собой характерный пример того, что принято называть публичной социологией. Это не академическая монография в строгом смысле и не учебник, но и не популярная психология. Герц работает в промежуточном жанре: она берет масштабную социальную проблему, собирает вокруг неё разнородные данные и предлагает интерпретацию, ориентированную на широкий круг читателей — от специалистов до управленцев и журналистов.

Герц делает акцент не на разработке новой теории, а на синтезе уже существующих знаний и их переводе в язык, пригодный для общественного обсуждения. Книга состоит из 11 глав, в которых последовательно рассматриваются разные аспекты одиночества: от его определения как социального феномена до его связи с устройством городов, трансформацией труда, цифровыми технологиями и последствиями пандемии COVID-19. Важное место занимает анализ последствий одиночества — для здоровья, экономики и политической жизни. Хотя Герц редко эксплицирует свою теоретическую позицию, её аргументация очевидно опирается на классические социологические идеи. Прежде всего это концепция «слабых связей», разработанная Марком Грановеттером. Именно повседневные, поверхностные контакты — разговоры с соседями, продавцами, случайными знакомыми — обеспечивают циркуляцию информации и поддерживают социальную ткань. В книге также просматривается и более классическая проблематика аномии, связанная с работами Эмиля Дюркгейма. Ослабление социальных связей ведёт не только к индивидуальному неблагополучию, но и к дестабилизации общества в целом. Главный тезис Герц формулирует предельно ясно: одиночество — это не столько психологическое состояние, сколько структурный эффект современного образа жизни. Общество теряет не «глубокие» связи (семью, дружбу), а именно повседневные формы взаимодействия, которые и обеспечивают чувство включённости.

Герц не проводит собственного масштабного эмпирического исследования; её вклад заключается в систематизации уже существующих данных. Она опирается на лонгитюдные исследования здоровья (включая известные многолетние наблюдения), статистику страховых компаний, урбанистические данные, биомедицинские исследования влияния одиночества на организм.

Такой междисциплинарный синтез можно считать сильной стороной книги. Герц выступает как медиатор между дисциплинами: она соединяет социологию, экономику, эпидемиологию и нейробиологию в единую объяснительную рамку. Однако у этого подхода есть и ограничения. Отсутствие собственной эмпирики делает аргументацию зависимой от качества и интерпретации вторичных источников. Кроме того, в ряде случаев остаётся не до конца ясным, что является причиной, а что следствием — одиночество или, например, ухудшение здоровья и снижение доверия. Главное достоинство книги — это способность превратить разрозненные данные в убедительную и понятную картину. Герц демонстрирует, что одиночество — это не частная проблема «уязвимых» групп, а системный риск. Она последовательно указывает на связь одиночества с ухудшением физического здоровья, его влияние на экономику через нагрузку на системы здравоохранения и снижение продуктивности, политические последствия (снижение доверия, рост восприимчивости к конспирологическим теориям, ослабление гражданского участия). Так одиночество перестаёт быть психологической категорией и становится категорией социально-политической.

Отдельно стоит отметить язык книги. Герц удаётся редкое равновесие: она пишет просто, но не упрощённо. Сложные идеи объясняются через примеры и истории, что делает текст доступным без потери содержания. Это особенно важно для публичной социологии, где задача состоит не только в анализе, но и в коммуникации.

При всех достоинствах, книга оставляет ряд вопросов, которые для профессионального читателя выглядят как существенные пробелы в знании. Герц склонна представлять одиночество как универсальную проблему. Однако эмпирически очевидно, что оно имеет выраженное социальное измерение. Одиночество в условиях экономической уязвимости и одиночество в условиях перегруженности работой — это разные феномены. Классовая, возрастная и гендерная структура одиночества в книге обозначена, но не проанализирована. Это ослабляет практическую значимость предлагаемых решений, поскольку они оказываются слишком универсальными. Также Герц убедительно показывает роль гиг-экономики, коммерциализации пространства и цифровизации в разрушении социальных связей. Однако она избегает прямой критики экономической системы как таковой.

В результате возникает ощущение, что структурные причины описываются, но не доводятся до логического вывода. Это типичное ограничение публичной социологии, ориентированной на широкую аудиторию, но для академического читателя такая осторожность может выглядеть как аналитическая слабость. Более того, Книга практически не проблематизирует культурную и институциональную специфику. Между тем формы одиночества и механизмы его воспроизводства существенно различаются в разных обществах.

Для российского и постсоветского контекста книга представляет особый интерес, но требует осторожного переноса. С одной стороны, многие описанные процессы — цифровизация, изменение структуры труда, сокращение публичных пространств — действительно наблюдаются и здесь. С другой стороны, существуют важные отличия: исторически более слабые горизонтальные связи, высокий уровень институционального недоверия, специфическая роль «полупубличных» пространств (двор, подъезд, дача). В этом смысле одиночество в России может быть не столько результатом утраты связей, сколько следствием их исторической нестабильности. Это требует отдельного анализа, который в книге отсутствует, но может быть инициирован её концептуальной рамкой.

Одной из особенностей книги является её практическая направленность. Герц предлагает конкретные меры: развитие общественных пространств, изменение школьной среды, внедрение «социальных рецептов», поддержка локальных сообществ. Эти предложения выглядят разумными и реалистичными на локальном уровне. Однако на макроуровне возникает вопрос их эффективности. В книге практически не обсуждается возможность того, что структурные тенденции (цифровизация, индивидуализация, рыночная логика) могут нивелировать эти усилия.

Оптимизм Герц — одновременно сильная и слабая сторона книги. Он делает её убедительной для широкой аудитории, но оставляет ощущение недосказанности для профессионального читателя. «Парадокс одиночества» — это не теоретический прорыв, а качественная и важная работа по систематизации знаний. Она не заменяет классические исследования, но делает их доступными и актуальными для современного обсуждения. Главное достижение книги заключается в переопределении одиночества как общественной проблемы. Герц показывает, что это не отклонение, а структурный эффект современного общества. В этом смысле книга выполняет важную функцию: она возвращает в публичное пространство тему социальных связей как ключевого ресурса общества. С академической точки зрения книгу можно оценить как полезную, но ограниченную по глубине работу. Она сильна в постановке проблемы и синтезе данных, но менее убедительна в теоретическом и критическом анализе. Главный вопрос, который остается после прочтения, и который книга лишь намечает: является ли одиночество временной проблемой, поддающейся корректировке, или фундаментальной характеристикой современного общества? Ответ на него выходит за пределы книги — но именно в этом и состоит её интеллектуальная ценность.

В. И. Бесхмельница

Для цитирования: Бесхмельница, В. И. [Рец.] Герц, Н. Парадокс одиночества. Глобальное исследование нарастающей разобщённости человечества и её последствий. Пер. с англ. А. Питизина. М.: Эксмо, 2024 // Пути России. 2026. Т. 4. № 3. С. 206–209.

Маццукато, М. Рента в цифровую эпоху

Пер. с англ. А. Резвова. М.: Издательство Института Гайдара, 2026. — 160 с.

В 2026 году на русском языке в издательстве Института Гайдара вышла коротенькая книга «Рента в цифровую эпоху» авторства Марианы Маццукато. Сама себя она представляет в трех ролях: ученый, советник и коммуникатор [Mazzucato, n.d.]. Будучи профессором, Маццукато является основателем и руководителем Института инноваций и общественного развития (Institute for Innovation and Public Purpose) в Университетском колледже Лондона. В то же время исследовательский интерес к изучению продуктивного взаимодействия частного сектора и государства позволяет ей принимать участие в формировании экономической политики разных стран и выступать публично. Например, Маццукато выполняет роль советника для премьер-министра Италии и для Ватикана.

На русском языке уже опубликованы две другие работы автора: «Ценность всех вещей: Создание и изъятие в мировой экономике» (2021) и «Предпринимательское государство: Развеем мифы о государстве и частном секторе» (2023), изданные Высшей школой экономики. Как справедливо отмечает Сафронов [2026], даже в рамках русскоязычных текстов автора можно проследить единый замысел. По мнению Маццукато, грамотная государственная политика не препятствует инновациям, а, напротив, способствует им, в некоторых случаях преодолевая сопротивление частного бизнеса. Вместо стремления к неolibеральной мечте в виде минимального государства следует усиливать последнее, если мы хотим получать больше качественных инноваций, основанных на дорогостоящих фундаментальных исследованиях.

В представленном мини-сборнике (книга состоит из двух статей, опубликованных Маццукато в соавторстве с коллегами из Института инноваций и общественного развития [Mazzucato, Gouzoulis and Ryan-Collins, 2023; O'Reilly, Strauss and Mazzucato, 2024]) прослеживается та же мысль на примере «алгоритмической ренты», которую изымают современные цифровые платформы типа маркетплейса Amazon, пока государство не поспевает с имплементацией соответствующего регулирования.

Кажется разумнее, двигаясь от общего к частному, начать со второй части книги «Картографирование современной экономической ренты: полезная, вредная и серая зоны». В ней Маццукато с коллегами предлагает обратить внимание на подзабытое (?) из-за неоклассических подходов различие Шумпетера между «полезной» и «вредной» рентами. Хотя в современной экономической науке проблема ренты очевидна и активно изучается, сегодня к ней подходят топорно: некоторые сектора экономики изначально объявляются «рентными»,

а затем отслеживается их роль в экономике. Авторы же предлагают провести более тонкое разделение между «полезной» и «вредной» рентами внутри отдельных секторов (недвижимость и финансы, природные ресурсы, корпоративный сектор, цифровые платформы), чтобы можно было проводить более адекватную экономическую политику.

Самый яркий пример — патентная рента. Считается, что патенты способствуют инновациям, потому что позволяют в течение некоторого времени окупить вложенные в разработку инвестиции. Однако Маццукато и коллеги указывают, что это скорее справедливо для «узких и слабых» патентов, а не «сильных и широких», которые распространены сейчас. Последние снижают мотивацию как фирм, которые разработали патент (за 20 лет с одного удачного патента можно заработать столько, что нет нужды ещё что-либо разрабатывать), так и их конкурентов (вынужденные оплачивать использование патента, у них остается меньше средств на собственные разработки). Следовательно, нужно адаптировать экономическую политику, например, через снижение срока действия патента или через перенаправление выплат по патенту снова на разработку, а не на дивиденды акционеров.

Однако, рента имеет место и среди цифровых платформ. Так, компания Amazon получает «цифровую ренту» в виде «платы за доступ к данным о решениях / стратегиях конкурентов». Продавцы на платформе бесплатно отдают информацию о цене на собственные товары, а платформа агрегирует эти данные и предлагает обратно продавцам услугу по «автоматической динамической корректировке цен». То есть Amazon, неся минимальные издержки, монетизирует свое монопольное владение информацией, уменьшая ресурсы продавцов, которые могли бы быть вложены в развитие.

Тут можно вернуться к первой части книги «Алгоритмическое изъятие внимания: теория рыночной власти цифровых платформ». Надо заметить, что «цифровая рента» не то же самое, что «алгоритмическая рента». Обе имеют место в рамках цифровых платформ, но воплощают разный механизм. Базовая посылка последней в том, что человеческое внимание — это ограниченный ресурс, из управления которым цифровые платформы извлекают ренту, выдавая неоптимальные, «проплаченные», результаты при поиске. Приведем развернутую цитату для понимания:

«На рынках внимания алгоритмическая **рыночная власть** выражается, прежде всего, способностью платформы с выгодой для себя направлять пользовательское внимание и формировать информационные сводки, которые в значительной степени не зависят от потребительских предпочтений, релевантности информации конкурентов и явных поисковых запросов пользователей платформы. **Алгоритмическая рента** — частный случай использования платформой рыночной власти, при котором она может формировать низкокачественные распределения внимания без достаточного (делающего невыгодным такое распределение) сни-

жения продаж или числа пользователей и сторонних поставщиков [Begent and Collyer, 2013; Federal Trade Commision, et al. v. Amazon. com, Inc., 2023]» (с. 39; форматирование — Д. Д.).

Как утверждают авторы, такой взгляд дополняет и может быть продуктивнее, чем оптика надзорного капитализма, потому что «данные — это не самоцель, а инструмент для более удачных распределений внимания» (с. 17).

Помимо четкой локализации своей работы в поле существующих, к достоинствам книги можно также отнести наличие предложений по тому, что нужно изменить в экономической политике и как можно пробовать измерять «изъятия внимания». Книга не оставляет с вопросом «и что?», а содержит тезисы, которые можно обсуждать дальше, что уже делается в опубликованных рецензиях [Черновол, 2026]. К тому же подробные эмпирические примеры зарубежных компаний вызывают живой интерес к вопросу: «а как у нас»? Свои гиганты для изучения в виде «Яндекса», Wildberries и Ozon у нас имеются. Наконец, стоит отметить и качественный перевод, который явно сделан с уважением к читателю. Переводчик заботливо поясняет в сносках некоторые специальные термины и обосновывает выбор перевода, где требуется.

Тем не менее, нужно отметить и недостатки. К уже озвученным [Черновол, 2026; Сафронов, 2026] можно добавить, что авторы в неполной мере учитывают, что и государство может быть недобросовестным игроком. Следует с большой осторожностью наделять государство инструментами для контроля и перераспределения любой ренты. В нашей истории был случай, когда топ-5 новостей «Яндекса» был специально ограничен государством — произошло неоптимальное перераспределение внимания [Рожков, 2016]. Добавим, что в настоящем издании не хватило обоснования порядка расположения статей. Понятно, что это скорее мелочь и точно не проблема авторов, но это могло бы упростить чтение для читателей.

Подытоживая, можно уверенно рекомендовать книгу к прочтению как специалистам, так и широкой публике. Маццукато вместе с авторами доступным языком и довольно подробно (насколько это возможно в жанре статьи) объясняют свое видение активно развивающейся цифровой экономики и то, как их оптика соотносится с другими подходами. Более того, думается, им удастся убедить читателей в необходимости дальнейших исследований и обсуждению возможных мер по регулированию. Шутка ли, книга способна оказать и бытовой благотворный эффект на читателя. Исходя из личного опыта, могу сказать, что в период чтения книги и какое-то время после, я аккуратнее распределял собственное внимание и намеренно избегал короткого контента. Правда, позже я все равно вернулся к пагубной практике, но хорошие впечатления от книги остались.

Д. Р. Давлетов

Литература

1. *Маццукато, М.* Ценность всех вещей: Создание и изъятие в мировой экономике. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021.
2. *Маццукато, М.* Предпринимательское государство: Развеем мифы о государстве и частном секторе. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2023.
3. *Рожков, Р.* В топе «Яндекса» найдется не всё: Компания меняет условия работы с СМИ // Коммерсантъ. 2016. № 196. С. 12. [Электронный ресурс] <<https://www.kommersant.ru/doc/3121184>> [Дата обращения] 18.07.2026.
4. *Сафронов, Э.* Внимание — отъем внимания: О книге Марианы Маццукато «Рента в цифровую эпоху» // Горький. 2026. 26 февраля. [Электронный ресурс] <<https://www.gorky.media/reviews/vnimanie-otieem-vnimaniya>> [Дата обращения] 18.07.2026.
5. *Черновол, К.* Кирилл Черновол о книге М. Маццукато «Рента в цифровую эпоху» // Институт Гайдара. 2026. 5 февраля. [Электронный ресурс] <<https://www.iep.ru/ru/novosti/kirill-chernovol-o-knige-m-matscukato-renta-v-tsifrovuyu-epokhu.html>> [Дата обращения] 18.07.2026.
6. *Mazzucato, M.* Mariana Mazzucato [Personal website]. [Электронный ресурс] <<https://marianamazcucato.com>> [Дата обращения] 18.07.2026.
7. *Mazzucato, M., Gouzoulis, G., Ryan-Collins, J.* The good, the bad and the grey areas: mapping modern economic rents // Cambridge Journal of Economics. 2023. Vol. 47. No. 3. P. 507–534.
8. *O'Reilly, T., Strauss, I., Mazzucato, M.* Algorithmic attention rents: A theory of digital platform market power // Data & Policy. 2024. Vol. 6. Art. e6. [Online] <<https://doi.org/10.1017/dap.2024.1>> [Дата обращения] 18.07.2026.

Для цитирования: Давлетов, Д. Р. [Рец.] Маццукато, М. Рента в цифровую эпоху. Пер. с англ. А. Резвова. М.: Издательство Института Гайдара, 2026 // Пути России. 2026. Т. 4. № 3. С. 210–213.

Авторы номера

Варвара Ивановна Бесхмельницына — студентка философско-социологического факультета Института общественных наук РАНХиГС. **Адрес:** Москва пр. Вернадского, д. 82. **Электронная почта:** vbeskhmelnitsy-24@edu.ranepa.ru.

Дамир Равильевич Давлетов — выпускник бакалавриата МВШСЭН. **Электронная почта:** davletov324@outlook.com.

Сергей Владимирович Енин — магистр социологии. **Электронная почта:** svy1380@gmail.com.

Пётр Вадимович Иванов — старший преподаватель кафедры территориального развития имени В. Л. Глазычева Факультета дизайна и медиакоммуникаций РАНХиГС. **Адрес:** Москва пр. Вернадского, д. 82. **Электронная почта:** petravadimovichivanov@gmail.com. **ORCID:** 0009-0005-8581-7072.

Максим Павлович Котельников — кандидат социологических наук. Штатный преподаватель МВШСЭН. **Адрес:** г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20. **Электронная почта:** maximant13@yandex.ru.

Софья Алексеевна Лопатко — студентка 4-го курса бакалавриата Факультета исторических и политических наук, кафедры антропологии и этнологии Национального исследовательского Томского государственного университета. **Адрес:** Томск, пр. Ленина, д. 36. **Электронная почта:** danawourd@gmail.com. **ORCID:** 0009-0001-9542-285X.

Любовь Александровна Овчинцева — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник

Центра аграрных исследований РАНХиГС. **Адрес:** Москва, пр. Вернадского, 82, стр. 1. **Электронная почта:** ovchintseva-la@raneap.ru. **ORCID:** 0000-0003-4993-8094.

Дмитрий Михайлович Рогозин — кандидат социологических наук, заведующий Лабораторией полевых исследований РАНХиГС. **Адрес:** Москва, Пречистенская наб., 11, с. 1, ком. 404. **Электронная почта:** rogozin@raneap.ru. **ORCID:** 0000-0001-7879-1111.

Дарья Сергеевна Талакаускас — стажер-исследователь Центра статистики труда и заработной платы ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. **Адрес:** Москва, ул. Мясницкая, д. 13, с. 4. **Электронная почта:** dtalakauskas@hse.ru.

Александр Фридрихович Филиппов — доктор социологических наук, профессор Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, заведующий лабораторией Центр фундаментальной социологии НИУ ВШЭ. **Адрес:** Москва, ул. Мясницкая, д. 11. **Электронная почта:** afilippov@hse.ru.

Елизавета Олеговна Чащевая — магистр социологии, ИОН, РАНХиГС. **Адрес:** Москва, пр-кт. Вернадского, д. 82, стр. 1. **Электронная почта:** lizachash83@gmail.com.

Артём Алексеевич Шобырев — студент 3 курса бакалавриата департамента социологии Школы социальных наук НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. **Адрес:** Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16. **Электронная почта:** aashobyrev@edu.hse.ru. **ORCID:** 0009-0005-7206-3224.

Пути России
2026. Том 4. № 3

Учредитель и издатель:
ОАНО «Московская высшая школа
социальных и экономических наук»

Адрес редакции и издателя:
125009 г. Москва, Газетный пер.,
д. 3-5, стр. 1

jrsre@universitas.ru

www.jrsre.ru

Цена свободная

Подписано в печать: 24.08.2026.
Дата публикации: 25.08.2026.
Формат 70х100/16.

ПУТИ РОССИИ

Том 4 №3

2026